АГАТА КРИСТИ

МИСС МАРПЛ В ВЕСТ-ИНДИИ

Мисс Марпл в Вест-Индии
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Мисс Марпл в Вест-Индии
Глава 1. Россказни майора
Глава 2. Мисс Марпл сопоставляет
Глава 3. Смерть в отеле
Глава 4. Мисс Марпл и медицинское обследование
Глава 5. Мисс Марпл принимает решение
Глава 6. Перед рассветом
Глава 7. Утром на побережье
Глава 8. Разговор с Эстер Уолтерс
Глава 9. Мисс Прескотт и другие
Глава 10. Решение властей
Глава 11. Вечером в «Золотой пальме»
Глава 12. Длинные тени прошлого
Глава 13. Виктория Джонсон
Глава 14. Дознание
Глава 15. Дознание продолжается
Глава 16. Мисс Марпл взывает о помощи
Глава 17. Мистер Рэйфил берёт дело в свои руки
Глава 18. Без неусыпного духовенства
Глава 19. Туфли

Глава 20. Ночная тревога
Глава 21. Джексон и косметика
Глава 22. Мужчина в ее жизни
Глава 23. Последний день
Глава 24. Немезида
Глава 25. Мисс Марпл использует свое воображение
Эпилог

Аннотация

Даже пожилой и консервативной мисс Марпл иногда хочется экзотического отдыха. Но даже на небольшом Карибском острове не найти покоя. Цепь смертей, на первый взгляд кажущихся случайными, вынудит великую сыщицу заняться любимым делом — поиском преступника!

Агата Кристи
Мисс Марпл в Вест-Индии

Посвящается моему старому другу
Джону Крукшенку Роузу
в знак счастливого воспоминания
о моем путешествии в Вест-Индию

Глава 1
Россказни майора

— А что насчет Кении, — сказал майор Полгрейв, — так про нее и болтают все, кому не лень, а сами толком ничего не знают. Четырнадцать лет я там прожил. Лучшие годы, к тому же…

С обычной своей любезностью мисс Марпл склонила голову.

Покуда майор предавался воспоминаниям, она мирно думала о своем. Что касалось майора, то это были обычные вещи, которые она хорошо знала. Только страна была иной. В прошлом преобладала Индия. Майоры, полковники, наместники и знакомый набор слов: Симла, рикши, тигры, кэрри и прочее. У майора Полгрейва слова слегка отличались: сафари, слоны, суахили, но по сути все было то же самое. Старик нуждался в слушателе, чтобы пережить вновь те счастливые времена, когда спина его была прямой, ухо чутким, а глаза зоркими. Одни из этих болтунов были авантажными старыми вояками, другие, напротив — прискорбно неаппетитны. И майор Полгрейв — красномордый, со стеклянным гла-

зом, похожий на разъевшуюся жабу, — как раз принадлежал к последней категории.

Мисс Марпл одинаково дарила всем им свое смиренное милосердие. Она тихонько сидела, изредка кивая головой в покорном согласии, отдавалась собственным думам и старалась извлечь удовольствие хоть из чего-нибудь — в данном случае это была глубокая синева Карибского моря.

Ах, как добр ее дорогой Раймонд, думала она с благодарностью, как он воистину добр… Она и в самом деле не знала, зачем он взял на себя столько хлопот о своей старой тетке. Может быть, совесть? Или семейные чувства? А если он и вправду ее любит…

И все-таки, подумала она, он любил ее — он всегда бывал с ней чуточку раздражен и пренебрежителен. Пытался приобщить ее к современности. Посылал книги. Новые романы — такие трудные и все о таких неприятных людях, которые бог знает что вытворяют и, по-видимому, без всякого удовольствия. Такого слова как «секс» не было во дни ее юности, вернее, об этом не говорили так много, несмотря на то, что всего хватало, а, главное, как ей казалось, тогда этим наслаждались гораздо больше, чем теперь. Хотя

обычно и это называли грехом, но грех для нее предпочтительней, нежели какая-то обязательная повинность, в которую, по всей видимости, это превратилось нынче.

Взгляд ее случайно скользнул по книге у нее на коленях, раскрытой на двадцать третьей странице, до которой она с трудом добралась (это в самом деле было для нее большим достижением!).

«— Ты хочешь сказать, что у тебя совсем не было сексуального опыта? — вопрошал с недоверием юноша. — И это в девятнадцать? Но ты должна решиться — ведь это жизненно необходимо.

Девушка печально уронила голову, и сальные прямые волосы упали ей на лицо.

— Я знаю, — пробормотала она, — я знаю.

Он пригляделся к ней: замызганная старая кофта, босые ноги с грязными пальцами, тяжелый застойный запах пота — и никак не мог понять, почему она показалась ему такой безумно притягательной».

Мисс Марпл удивлялась тоже, да еще как! Сексуальная обязательность — это уже чересчур. Бедные дети…

«Моя дорогая тетя Джейн, почему ты непременно хочешь зарыться головой в песок, словно слишком деликатный страус? Ты вся погрязла

в пасторальной идиллии. Тебе необходима реальность».

Таков ее Раймонд. И тетя Джейн, смутившись, как подобает, ответила: «Да», чувствуя сколь она старомодна.

Но реальная сельская жизнь была весьма далека от идиллии. Люди вроде Раймонда так несведущи. Помогая в церковном приходе, Джейн Марпл хорошо узнала сельскую жизнь. Прорва всяческого секса, естественного и неестественного — изнасилования, кровосмешение, извращения любого рода (молодые умники из Оксфорда, которые пишут все эти книги, о многих из них, кажется, и слыхом не слыхали). Но ей бы и в голову не пришло не то, что писать об этом, а и говорить…

Мисс Марпл вернулась на Карибы, подхватывая нить майоровых разглагольствований.

— Как это все замечательно, — сказала она ободряюще. — Удивительно интересно.

— Я мог бы вам такое порассказать! Но многое, конечно, не для дамских ушей.

Мисс Марпл стыдливо потупилась, и покуда она возвращалась мыслями к своему незабвенному племяннику, майор Полгрейв продолжал излагать благопристойные версии племенных

обрядов.

Раймонд Уэст был очень удачливым романистом и много зарабатывал. Он добросовестно и сердечно заботился о своей престарелой тетушке. Прошлой зимой она перенесла тяжелое воспаление легких, и врачи посоветовали как можно больше солнца. Щедрый Раймонд предложил ей поехать в Вест-Индию. Она долго сомневалась — расстояние, дороговизна, трудности путешествия, да и дом в Сен Мери Мид оставить не на кого. Но Раймонд все устроил. Его приятель писал книгу и хотел пожить в деревне.

— Он прекрасно присмотрит за домом — он очень хозяйственный. Он чудной такой, ну, я имею в виду…

Слегка смутившись, Раймонд замолчал, будучи уверен, что даже тетя Джейн слыхала о некоторых странностях.

К проблеме он подошел всесторонне. Путешествие в наши дни — ничто. Ей придется лететь — другая его приятельница Диана Хоррокс вылетает в Тринидад и присмотрит, чтобы с тетей Джейн ничего не стряслось, а в Сент-Оноре она остановится у Сандерсонов в отеле «Золотая пальма». Сандерсоны — это самая милая супружеская пара, какую он когда-либо видел, и они прекрас-

но о ней позаботятся. Раймонд незамедлительно им написал.

Случилось так, что Сандерсоны вернулись в Англию, однако их преемники Кендалы были необычайно любезны и заверили Раймонда, чтобы он не беспокоился о своей тете. В случае нужды на острове есть очень хороший врач, а сами они сделают для нее все возможное.

Они оказались верны своему слову. Молли Кендал была жизнерадостной простодушной блондинкой двадцати с небольшим лет. Она сердечно встретила старую даму и постаралась устроить ее наилучшим образом. Тим Кендал, ее муж — худой и смуглый, слегка за тридцать — тоже был необычайно заботлив.

Итак, теперь она здесь, подумала мисс Марпл, вдали от сурового английского климата. Отдельное прелестное бунгало, приветливые улыбки темнокожих горничных. Тим Кендал встретил ее в обеденном зале ресторана, пошутил, что, как одно из блюд, он предлагает ей легкую прогулку от бунгало к морю, где на пляже, уютно устроившись в плетеном кресле, она могла бы сидеть и смотреть на купающихся. Даже несколько пожилых гостей были здесь для компании: старый мистер Рейфил, доктор Грэм, каноник Прескотт

со своей сестрой и нынешний ее кавалер майор Полгрейв.

Казалось бы, чего еще желать старой леди?

Но мисс Марпл, глубоко сожалея о своей греховной натуре, не была вполне удовлетворена.

Да, конечно, здесь было красиво и тепло, а это так полезно для ее ревматизма. Вокруг прелестные виды, хотя, может быть, капельку однообразные? Слишком много пальм. С утра до ночи одно и то же — и ничего не происходит. Не то, что в Сен Мери Мид, где вечно что-нибудь да случится. Ей вспоминалось одно за другим. То в микстуру старой миссис Линнет чего-то добавили по ошибке; и как странно повел себя молодой Польгейт, когда к Джорджи Вуду приехала мать (но была ли она его матерью?); а то настоящая свара у Джо Ардена с женой. Столько всего интересного, что можно часами с увлечением строить догадки… Если бы здесь хоть что-нибудь попалось ей на зубок!

Вначале она решила, что майор Полгрейв был приказом переведен из Кении в Индию и рассказывает об этом. К несчастью, он спросил ее с величайшей серьезностью:

— Ну, теперь-то уж вы согласны?

Долгий опыт решил за нее.

— Я не могу реально судить об этом, — сказала

мисс Марпл. — Поскольку, боюсь, что моя жизнь была довольно уединенной.

— Именно так, дорогая леди, именно так! — горячо воскликнул майор.

— А у вас в жизни было столько разнообразия, — продолжала она, решившись вознаградить его за недавнее свое любезное невнимание.

— Да, неплохая была жизнь, — самодовольно заметил майор Полгрейв, — совсем неплохая. — И оценивающе поглядел вокруг. — Прекрасное здесь местечко.

— О, да, — ответила мисс Марпл и, не в силах удержаться, спросила: — Здесь все время, наверное, что-нибудь нет-нет да и случается?

Майор Полгрейв воззрился на нее.

— О, предостаточно. Столько скандалов, а что? Я бы мог вам порассказать…

Но это были совсем не те скандалы, которых ей хотелось бы. В теперешних скандалах не за что уцепиться. Несколько парочек обменяются партнерами и вместо того, чтобы замять это, устыдившись самих себя, привлекают всеобщее внимание.

— Тут пару лет назад даже убийство было. Некто по имени Хэрри Уэстерн. Да вы, я думаю, помните. Газеты еще такой крик подняли.

Мисс Марпл кивнула без особого рвения. Такие убийства были не для нее, а шум возник, в основном, потому, что все участники были страшно богаты. С виду казалось, будто все они переплелись, и Хэрри Уэстерн нечаянно пристрелил графа де Феррари, любовника своей жены, однако, по всей видимости, его алиби было как следует оплачено, а потому все отделались штрафом. Малоинтересные люди, подумала мисс Марпл, однако взглянуть на все это было бы заманчиво. Нет, положительно, это герои не ее романа.

— И если вы меня спросите, одно ли тут было убийство, — майор помог себе кивком головы и подмигнул, — то у меня есть подозрения… О!.. Ну…

Мисс Марпл выронила клубок. Майор нагнулся и поднял.

— Если уж говорить об убийствах, — продолжал он, — то я однажды столкнулся с очень любопытным случаем, правда, не так, чтобы самолично.

Мисс Марпл подбодрила его улыбкой.

— Знаете ли, сколько народу болтает в клубе, и один малый — он был медик — начал рассказывать какой-то случай из своей практики. К нему среди ночи приехал молодой парень. Жена его удавилась, а телефона у них не было. Поэтому па-

рень этот ее снял, сделал там, что смог, и привез на машине прямо к доктору. Еще чуть-чуть, и она бы отдала богу душу. Короче, они ее откачали. Паренек, видать, ее обожал — плакал, как ребенок. Он заметил, что в последнее время она стала чудить — депрессия и все такое. Ну, потом все вроде бы наладилось, как вдруг спустя месяц… Прискорбный случай.

Полгрейв замолчал и для пущей важности покивал головой.

— Ну и что ж из этого, скажете вы, — ничего особенного, просто невротичка? Но примерно через год этот медик общался с другим медиком, и тот рассказал ему про женщину, которая пыталась утопиться, однако муж ее спас, доставил к врачу, они ее выходили, а недельки через три она отравилась газом. Совпадение, а? По-моему, очень сходно. Мой знакомый и говорит: «У меня был почти такой же случай. Звали его Джонс (или еще там как-то), а твоего как зовут?» «Да не помню, — говорит, — вроде, Робинсон». Ну, ребята посмотрели друг на друга и сказали, что все это очень странно. И тут мой приятель вытаскивает фотокарточку и показывает тому, другому. «Вот, — говорит, — этот парень. Я поехал к ним на следующий день выяснить подробности, смот-

рю, а прямо у входа в дом растет потрясающий гибискус. Я такого, мол, здесь отродясь не видал. Фотоаппарат у меня был с собой, ну я и щелкнул, и именно в этот момент вышел тот самый муж и попал в кадр. Сам он, видно, этого даже не заметил. Я спросил его о гибискусе, а он и названия толком не знал». Второй медик поглядел на снимок и сказал: «Тут фокус немного размыт, но я могу поклясться — во всяком случае, я почти уверен — это тот же самый человек». Не знаю, чем бы кончилось, если б они за него взялись, но, думаю, навряд ли у них что-нибудь вышло. Видно, этот Джонс или Робинсон или как его там — здорово спрятал концы в воду. Однако странная история. В жизни не подумаешь, что такое бывает.

— Ну, что вы, — безмятежно сказала мисс Марпл. — Каждый божий день.

— Не скажите. Это все равно необычно.

— Если кто-нибудь начал действовать подобным образом, то уже не остановится — он будет продолжать.

— Новобрачные в ванной[1], что ли?

— Примерно, да.

---

[1] Примечания: 1

Новобрачные в ванной — известный случай в английской криминалистике. Человек по фамилии Смит утопил в ванной несколько своих жен.

— Доктор отдал мне этот снимок…

Майор начал рыться в своем битком набитом бумажнике, тихонько приговаривая себе под нос:

— Здесь всего такая куча — и не знаю, зачем я все это таскаю с собой…

Мисс Марпл подумала, что она-то знает. Это был реквизит, используемый в репертуаре майора. То, что рассказывал обычно майор, как она подозревала, не отличалось большой оригинальностью, и тоскливые многозначительные повторы требовали некой законченности.

Майор поерзал и забормотал:

— Совсем позабыл про это дело. Красавица была — в жизни не заподозришь — и где теперь… А! Это возвращает меня в прошлое. Что за бивни! Я просто должен вам показать…

Он вынул маленькую фотографию и вгляделся в нее.

Он протянул ей карточку и вдруг застыл. Как никогда похожий на раскормленную лягушку, майор Полгрейв уставился куда-то поверх правого плеча мисс Марпл. Оттуда донеслись голоса и звук приближающихся шагов.

— А, черт меня возьми, так я имею в виду… — Он запихнул все обратно и засунул бумажник

в карман. Лицо его побагровело, и он воскликнул неестественно громко: — Как я говорил, мне бы очень хотелось показать вам эти бивни. Какого громадного слона я тогда подстрелил. А, привет! — и в голосе майора прозвучала притворно сердечная нота. — Вы посмотрите, кто здесь! Наш великий квартет — Флора и Фауна. Ну что, повезло вам сегодня, а?

Шаги принадлежали четырем курортникам, которых мисс Марпл знала в лицо. Это были две супружеские пары, и хотя она не была с ними знакома, она вспомнила, что крупного мужчину с густым ежиком седых волос зовут Грегом, золотистую блондинку — его жену — Лаки, и что двое других — темноволосый худой мужчина и красивая, по всему видать, закаленная в житейских передрягах женщина — это Эдвард и Эвелин. Как она поняла, они были ботаниками, а заодно изучали птиц.

— Нет счастья в жизни, — сказал Грег. — По крайней мере, в нашей жалкой доле.

— Вы не знакомы с мисс Марпл? Полковник и миссис Хиллингдон, а это Грег и Лаки Дайсон.

Они весело с ней раскланялись, и Лаки во всеуслышание заявила, что умрет, если немедленно не выпьет. Грег окликнул Тима Кендала, который

сидел неподалеку вместе с Молли, склонившись над конторскими книгами:

— Эй, Тим, дайте-ка нам выпить, — и, обращаясь к остальным, спросил: — «Плантаторского пуншу»?

Те согласились.

— А вам то же самое, мисс Марпл?

Она поблагодарила, но сказала, что предпочла бы свежего лимонного соку.

— Значит, лимонный сок, — сказал Тим Кендал, — и пять пуншей.

— А вы не хотите с нами, Тим?

— Я бы с удовольствием, но мне нужно разобраться со счетами. Я не могу все сваливать на Молли. Кстати, сегодня вечером будет джаз-банд.

— Здорово! — завопила Лаки. — Тьфу ты, черт! — Она поморщилась.— Я вся в колючках. Ой-ой! Эдвард нарочно затащил меня в этот чертов кустарник.

— С прелестными розовыми цветочками, — ответил Эдвард.

— И с упоительными здоровенными шипами. Да ты ведь у нас садист, а, Эдвард?

— Не то, что я, — сказал, ухмыляясь, Грег. — Я

просто полон благостного млека[2].

Эвелин Хиллингдон подсела к мисс Марпл и непринужденно с ней заговорила.

Мисс Марпл сложила на колени вязанье. Из-за ревматизма шеи она очень осторожно и с трудом повернула голову направо. Неподалеку находилось большое бунгало мистера Рейфила, но там не было никаких признаков жизни.

Тогда она, реагируя соответственно на реплики Эвелин (и в самом деле, как они все милы с ней!), стала внимательно наблюдать за лицами обоих мужчин. Эдвард Хиллингдон ей понравился. Спокойный, но сколько в нем очарования! И Грег — большой и шумный — жизнь так и бурлит в нем. Они с Лаки, наверное, канадцы или американцы, — подумала мисс Марпл.

Она посмотрела на майора Полгрейва, чья простота оказалась хуже воровства.

Интересно…

---

[2] Примечания: 2

Шекспир У. Перефразированная цитата из «Макбета». У Шекспира: «…но я боюсь, что нрав твой чрезмерно полон благостного млека…» *(Перевод М. Лозинского)*

Глава 2
Мисс Марпл сопоставляет

Это был один из самых веселых вечеров в «Золотой пальме».

Сидя за своим угловым столиком, мисс Марпл с интересом поглядывала вокруг. Ресторанный зал, открытый с трех сторон, был напоен ароматами Вест-Индии. На столиках неярко светились разноцветные фонарики. Женщины были в вечерних платьях — светлые набивные ситцы, из которых выступали бронзовые плечи и руки. Жена племянника Джоан самым любезным образом убедила мисс Марпл принять от нее «небольшой чек». «Там будет жарко, тетя Джейн, а я не уверена, есть ли у вас что-нибудь летнее».

Мисс Марпл поблагодарила и приняла чек. Она вступила уже в тот возраст, когда поддержка должна быть обоюдной: для стариков естественно помогать молодым, но пора и среднему поколению позаботиться о старых людях. Правда, она никак не смогла заставить себя купить что-нибудь по-настоящему легкое. Возраст сказывался, и она редко страдала от духоты даже в

жаркую погоду, а климат в Сент-Оноре не был, что называется, тропическим. И к вечеру она в лучших традициях английской провинции надела платье из серого кружева.

Здесь находились представители всех возрастов. Престарелые магнаты с молодыми женами, веселое семейство из Каракаса вместе с детьми, пожилые пары с севера Англии. Громко болтали по-португальски и по-испански выходцы из разных концов Южной Америки. Даже была семья из Китая. А прочный английский фон создавали двое священников, врач и судья в отставке. Ресторан обслуживали в основном женщины — высокие темнокожие девушки с величавой осанкой в белых крахмальных передниках, но метрдотель был итальянец, а официант по винам — француз. Предупредительный Тим Кендал, за всем внимательно наблюдая, останавливался то тут, то там перемолвиться словечком с гостями. Молли умело ему вторила. Она была очень хороша — натуральная золотистая блондинка с легко смеющимся щедрым ртом, почти никогда не унывающая. Ее штат работал на нее с восторгом, и сама она тонко подстраивалась под каждого гостя: со стариками смеялась и кокетничала, а женщинам расхваливала их наряды:

— О, миссис Дайсон, сегодня у вас потрясающее платье! Я просто лопаюсь от зависти.

При этом сама Молли была превосходно одета (или так казалось мисс Марпл). Ей очень шло узкое и длинное белое платье с накинутой на плечи бледно-зеленой расшитой шалью. Лаки, указав пальцем, заявила, что хочет такую же.

— Вы можете приобрести ее в здешнем магазине, — ответила Молли и прошла дальше, не задерживаясь у столика мисс Марпл. Старых дам она поручала мужу: «Мужчина старушкам гораздо приятнее», — говорила она обычно.

Подошел Тим Кендал и склонился к мисс Марпл:

— Не хотите ли чего-нибудь особого? Только намекните, и все будет сделано. У нас ведь подают совсем не то, к чему вы привыкли дома, — тут все полутропическое.

Мисс Марпл, улыбаясь, ответила, что в этом и есть прелесть путешествий.

— Значит, все в порядке? Но если вдруг что-нибудь…

— Например?

— Ну… — Тим поколебался. — Хлебный пудинг, может быть? — спросил он наудачу.

Мисс Марпл улыбнулась и ответила, что пока

не нужно. Взявши ложечку, она весело принялась за восхитительный пломбир с фруктово-ореховой подливкой.

Заиграл джаз-банд. Эти ансамбли стали теперь одной из главных курортных приманок. По правде говоря, мисс Марпл могла бы прекрасно обойтись без них. Она считала, что они производят безумный грохот. Но поскольку остальные слушали с несомненным удовольствием, то мисс Марпл, вспомнив ощущения молодости, решила, что полюбит джаз во что бы то ни стало. При всем желании Тим Кендал не смог бы вызвать для нее из прошлого призрачные напевы «Голубого Дуная». (Ах, как изящно вальсируют!) Очень странно танцуют нынче: все, будто бы кривляясь, кидаются друг на друга. Но, впрочем, молодежь должна веселиться. Мысли ее внезапно остановились. Здесь-то ведь очень мало по-настоящему молодых — впервые подумала она сейчас. Танцы, полумрак, музыка (тем более джаз) — все это прекрасно, если ты юн. Но где же молодежь? Наверное, учится в университетах или работает, имея в году полмесяца отпуска. А такие курорты им не по средствам. Здесь развлекаются тридцати-сорокалетние да старики, которые, женившись на молодых, пытаются наверстать

упущенное. И все это кажется таким убогим.

Мисс Марпл стала высматривать тех, кто был еще молод. Вот, например, миссис Кендал. Ей от силы двадцать два или двадцать три года и, наверное, ей здесь очень нравится, но если и так, все равно это ее работа.

За соседним столиком вместе с сестрою сидел каноник Прескотт. Они предложили мисс Марпл присоединиться к ним, что та и сделала. Мисс Прескотт была сухопарая, суровая с виду женщина, каноник же был круглым румяным человечком, живым и общительным.

Принесли кофе. Мисс Прескотт раскрыла сумочку с рукоделием, откуда извлекла несколько поистине жутких салфеток, которые она и принялась подрубать, заодно рассказывая мисс Марпл, как они провели день. С утра они посетили новую женскую школу, потом, отдохнув, прошлись по плантации сахарного тростника, чтобы выпить чаю в пансионе, где остановились какие-то их друзья.

Поскольку Прескотты были в «Золотой пальме» дольше, чем мисс Марпл, они готовы были поделиться с ней сведениями об остальных.

Вот тот глубокий старик — это мистер Рейфил. Он ездит сюда каждый год. Он сказочно богат, и

у него целая сеть магазинов в Северной Англии. Молодая женщина рядом с ним — это его секретарь, Эстер Уолтерс. Она вдова. (Все как подобает — ничего предосудительного. В конце концов ему под восемьдесят!)

Мисс Марпл понимающе кивнула, и каноник заметил:

— Очень милая женщина. Ее мать, по-моему, овдовела и живет в Чичестере.

— У мистера Рейфила есть еще лакей или что-то вроде санитара. Кажется, он опытный массажист. Его зовут Джексон. Бедняжка ведь совсем парализован. Так печально — с такими деньгами и на тебе.

— Мистер Рейфил очень щедрый даритель, — одобрительно заметил каноник.

Присутствующие свободно перемещались. Одни сели подальше от джаза, другие, напротив, сгрудились возле. Майор Полгрейв примкнул к четверке Хиллингдонов-Дайсонов.

— А вот эти люди, — начала мисс Прескотт, излишне понизив голос: джаз все равно заглушал ее слова.

— Да, я как раз собиралась спросить у вас про них.

— Они здесь были в прошлом году — они каж-

дый год проводят в Вест-Индии по три месяца и разъезжают чуть не по всем островам. Высокий худой мужчина — это полковник Хиллингдон, а темноволосая женщина — это его жена. Они натуралисты. Двое других — американцы. Это мистер и миссис Грегори Дайсон. Насколько я знаю, он пишет про бабочек…

— Как приятно иметь хобби на открытом воздухе, — добродушно заметил каноник.

— Я думаю, им бы не понравилось, что ты называешь это «хобби», Джереми, — сказала его сестра. — Они печатают статьи в «Национальном географическом вестнике» и в «Британском садоводстве» и к своим занятиям относятся очень серьезно.

За столом, на который они смотрели, раздался оглушительный взрыв смеха, перекрывший даже джаз-банд. Грегори Дайсон, развалившись на стуле, грохнул кулаком по столу, его жена пыталась возражать, а майор Полгрейв быстренько опустошил стакан, и, казалось, вот-вот зааплодирует.

Они, видимо, как следует набрались и на какой-то момент забылись.

— Майору не нужно бы так напиваться, — едко заметила мисс Прескотт. — Ведь у него давление.

К веселому столу подали новый запас пунша.

— Так приятно во всем разобраться, — сказала мисс Марпл. — Сегодня, когда я их встретила, я никак не могла понять, кто из них на ком женат.

Наступило короткое молчание. Мисс Прескотт многозначительно кашлянула.

— Ну, что касается… — начала она.

— Джоан, — немедленно предостерег ее брат. — Я думаю, умнее будет не продолжать.

— Но, Джереми, я же не собиралась говорить ничего такого. Только в прошлом году мы почему-то думали — я и сама не знаю почему, — что миссис Дайсон — это миссис Хиллингдон, покуда нас не разуверили.

— Своеобразное впечатление, не правда ли? — невинно спросила мисс Марпл.

На какую-то секунду она встретилась глазами с мисс Прескотт, и между обеими леди вспыхнула искорка женского сговора. «В другой раз», — говорили эти глаза так ясно, как если бы слова были сказаны вслух, и человек, более восприимчивый, чем каноник, понял бы, что он здесь третий лишний.

— Мистер Дайсон зовет свою жену Лаки[3]. Это имя или прозвище? — спросила мисс Марпл.

---

[3] Примечания: 3

Лаки (*англ.*) — счастливый, везучий, приносящий счастье (но также и случайный).

— Трудно представить себе такое имя.

— Я как-то спросил его, — влез в разговор каноник, — а он мне ответил, что Лаки приносит ему счастье, и если он потеряет ее, удача от него отвернется. По-моему, очень милое объяснение.

— Он обожает всякие шутки, — парировала мисс Прескотт.

Каноник с подозрением на нее покосился.

В диком взрыве какофонии джаз-банд превзошел самого себя, и танцующие помчались по залу. Мисс Марпл вместе с остальными развернула стул, чтобы поглядеть. Танцы понравились ей гораздо больше, чем музыка: в движении ног, в ритмичном покачивании тел, как подумалось ей, была настоящая, пока не проявленная сила…

Сегодня вечером мисс Марпл впервые почувствовала себя как дома. До сих пор она забывала о своем обычном занятии — сравнивать новых знакомых с людьми, которых она знала раньше. Вначале, возможно, ее ослепила пестрота одежд и экзотика, но вскоре она уже сделала несколько интересных наблюдений.

Молли Кендал, к примеру, чем-то напоминала одну милую девушку, имени которой она не помнила. Это была кондуктор в автобусах, идущих от рынка. Всегда поможет вам при входе и

никогда не отправит автобуса, пока не убедится, что вы благополучно устроились… Тим Кендал немного похож на метрдотеля из «Короля Георга» в Медчестере — такой же самоуверенный и озабоченный. (Она вспомнила, что у того была язва). Что до майора, так это просто копия генерала Леруа, капитана Флеминга, адмирала Уиклова, бригадира Ричардсона. Она поискала кого-нибудь поинтересней. Вот, скажем, Грег. С Грегом трудно — ведь он американец. Что-то в нем есть от сэра Джорджа Троллопа. Тот всегда на собраниях по гражданской обороне шутил без устали. Или, может, он напоминал ей мистера Мердока — мясника. У Мердока была довольно скверная репутация, но некоторые утверждали, что это всего лишь слухи, и что мистер Мердок любит сам их распускать… Лаки? Ну, это легко — Мерлин в «Трех коронах». А Эвелин Хиллингдон? Приспособить ее к кому-нибудь трудно. Такие сухощавые, закаленные англичанки могут быть кем угодно: леди Каролина Вольф, жена Питера Вольфа, покончившая с собой, или, скорее, Лесли Джеймс — такая спокойная была женщина, так редко проявляла свои чувства, а потом неожиданно продала дом и уехала без разговоров. Полковник Хиллингдон? С ним тоже непросто. Надо бы

узнать о нем побольше. Никогда не знаешь, о чем думают такие уравновешенные мужчины с прекрасными манерами. Порой они вас очень удивляют. Майор Харпер, например, как-то взял и перерезал себе горло, и никто не знал почему. Мисс Марпл подумала, что она догадывалась, но полной уверенности у нее не было. Ее глаза остановились на мистере Рейфиле. Главное, что про него известно, — то, что он невероятно богат. Он каждый год наезжает в Вест-Индию, он почти парализован и похож на старого грифа. Одежда болталась на его сморщенном теле. Ему могло быть и семьдесят, и восемьдесят, и даже девяносто. Глаза его смотрели проницательно и злобно, его собственная личность подавляла вас, и начинало казаться, что мистер Рейфил имеет право хамить, если ему заблагорассудится.

Рядом с ним сидела его секретарь миссис Уолтерс. У нее было приятное лицо и волосы цвета соломы. Мистер Рейфил обращался с ней крайне грубо, но, казалось, она совсем не замечала этого. Она не была раболепна — скорее забывчива. Вела она себя как опытная сиделка, и мисс Марпл подумала, что, вероятно, так оно и есть.

У столика остановился молодой высокий красавец в белой куртке. Старик взглянул на него,

кивнул и указал на стул. Тот сел, как было велено. «Наверное, мистер Джексон, — сказала себе мисс Марпл, — его камердинер», — и стала внимательно его разглядывать.

* * *

В баре Молли сбросила туфли на шпильках. С террасы к ней подошел Тим. Здесь они могли на минутку расслабиться.

— Устала, милая? — спросил он.

— Немножко. Я уже ног не чувствую.

— Но для тебя ведь все это не очень трудно, правда? Я знаю, что это тяжело.

Он смотрел на нее с тревогой. Она рассмеялась.

— О, Тим, не смеши меня! Это все просто великолепно! Прямо как в сказке.

— Да, это верно, если ты здесь гость, но вести дело — это работа.

— Но ведь за просто так ты ничего не получишь, разве нет? — сказала рассудительно Молли.

Тим насупился:

— Думаешь, все пойдет успешно? У нас получится?

— Ну, конечно, получится.

— А ты не думаешь, что люди могут сказать: «Это не то, что при Сандерсонах».

— Естественно, кто-нибудь скажет — всегда найдется какая-нибудь старая сквалыжина. Я уверена, что мы тут гораздо больше подходим, чем Сандерсоны. Мы намного лучше смотримся. Ты чаруешь старых кисок и делаешь вид, что хотел бы завести интрижку с какой-нибудь отчаявшейся зрелой дамой, а я строю глазки старым джентльменам, вызывая у них немного кобелиной прыти, или прикидываюсь нежной маленькой дурочкой, о которой они мечтают. О, мы блестяще все раскусили.

У Тима тревогу как рукой сняло.

— Так и думай. Но я боюсь. Мы все поставили на карту. Я бросил работу…

— И правильно сделал, — быстро вставила Молли. — Она выбивала тебя из колеи…

Он засмеялся и поцеловал ее в нос.

— Я говорю тебе, мы это раскусили, — повторяла она, — но чем ты всегда озабочен?

— Всем этим. Я все время думаю, а вдруг что-нибудь случится?

— Что именно?

— Да я не знаю. Кто-то может утонуть.

— Только не они. Тут один из самых безопасных пляжей. И потом у нас есть огромный швед, который всегда начеку.

— Я просто дурак, — сказал Тим и, поколебавшись, спросил: — а у тебя больше не было этих снов?

— На сей раз это была черепаха, — ответила Молли и засмеялась.

Глава 3
Смерть в отеле

По своему обыкновению мисс Марпл завтракала в постели. Яйцо всмятку, чай и ломтик папайи.

Фрукты на острове, подумала она, довольно неутешительны. Они все напоминали папайю. Ах, если бы сейчас хорошее яблоко, но, казалось, что яблоки тут попросту неизвестны.

Пробыв на острове уже неделю, мисс Марпл перестала задаваться вопросом, какая погода ей все-таки нравится. Погода все время была одна и та же — ясная, и никаких изменений.

«Так много разных перемен в одном английском дне», — прошептала она себе и не могла понять — цитата это или сама она придумала.

Здесь, конечно, бывали ураганы, или то, что мисс Марпл понимала под этим. Но слово «ураган» не вязалось для нее со словом «погода». Ураганы были «промыслом» господним… Здесь бывали и дожди, короткие яростные ливни, которые через пять минут прекращались. Все и вся были вымочены до нитки, но в следующие пять

минут все высыхало заново.

Темнокожая девушка улыбнулась, сказала «С добрым утром» и поставила поднос к ней на колени. Такие прекрасные зубы и столько радости в улыбке. Какие милые создания все эти девушки, жаль только, что они так пренебрегают замужеством. Это очень заботило каноника Прескотта. Столько крестин, говорил он, пытаясь найти самоутешение, но ни единой свадьбы.

Мисс Марпл завтракала и решала, как бы провести день. На самом деле, решать тут было особенно нечего. Ей нужно не спеша встать и неторопливо одеться, потому что было довольно жарко, а пальцы ее не так проворны, как прежде. Затем она передохнет минут десять, возьмет вязанье и медленно пойдет к отелю, решая, где лучше всего ей расположиться: на террасе с видом на море или дойти до пляжа и поглядеть на детей и ныряльщиков. Обычно она делала это позднее. Днем после отдыха она могла и прогуляться. По-настоящему и дел-то никаких нет.

Сегодня будет то же самое, что и вчера, и третьего дня, сказала она себе.

Но этого не случилось.

Когда мисс Марпл продумала до конца программу и уже, не торопясь, двигалась к отелю, ей

встретилась Молли. И лучезарная Молли впервые не улыбнулась. Вид у нее был несчастный, и на нее это было так непохоже, что мисс Марпл незамедлительно спросила:

— Что-нибудь случилось, моя дорогая?

Молли кивнула. Поколебавшись, она сказала:

— Все равно вы скоро узнаете. Вскоре все узнают. Это майор Полгрейв — он умер.

— Умер?

— Да. Он умер сегодня ночью.

— О, дорогая, мне так жаль!

— Ужасно, что это произошло здесь. Всем будет очень неприятно. Конечно, он был уже совсем старик.

— Вчера он был весел и казался вполне здоровым, — сказала мисс Марпл, немного негодуя на беззастенчивое предположение, что всякий, достигший определенного возраста, способен умереть в любую минуту. — На вид он был бодр, — добавила она.

— У него было повышенное давление, — сказала Молли.

— Но ведь теперь от этого существуют всякие пилюли. Наука так удивительна в наши дни.

— О, да, но, возможно, он забыл принять таблетки или принял их слишком много. Они такие,

знаете, как инсулин.

Мисс Марпл и в голову бы не пришло, что гипертония и диабет — это одно и то же.

— А что говорит врач? — спросила она.

— О, доктор Грэм ведь почти отошел от дел и теперь живет в отеле. Он осмотрел его, и местные власти, конечно, уже здесь, чтобы дать заключение о смерти. Все кажется совершенно ясно. Такие вещи бывают при гипертонии, особенно, если вы перебрали спиртного, а майор Полгрейв был тут и впрямь невоздержан. Например, вчера ночью.

— Да, я заметила, — сказала мисс Марпл.

— Наверное, он забыл принять свои таблетки. Такое несчастье для старичка, но люди ведь не могут жить вечно, правда? Это все ужасное беспокойство — для меня и Тима, я имею в виду. Люди могут подумать, что с едой что-нибудь не так.

— Но, мне кажется, что при пищевом отравлении и при повышенном давлении разные симптомы.

— Да, но люди так легко говорят подобные вещи. И если они решат, что еда была плохая, они уедут… Или расскажут своим друзьям.

— Я думаю, вам не о чем беспокоиться, — мягко сказала мисс Марпл. — Как вы говорите, такой

старый человек, как майор Полгрейв — а ему, вероятно, уже было за семьдесят, — вполне может и умереть. Большинство это воспринимает как вполне заурядный случай — прискорбно, конечно, однако не бог весть что такое.

— Если бы только это не было так внезапно, — сказала горестно Молли.

Да, это было слишком внезапно, подумала мисс Марпл, потихоньку двигаясь дальше. Прошлой ночью он был в превосходном настроении, смеялся, болтал с Хиллингдонами и Дайсонами.

— Хиллингдоны и Дайсоны… — Мисс Марпл замедлила шаг и, наконец, резко остановилась. Вместо того, чтобы идти на пляж, она расположилась в затененном углу террасы, вынула вязанье, и спицы быстро замелькали в руках, словно подгоняя мысли. Да, ей это все не нравилось — совсем не нравилось… Это слишком совпало.

Она припомнила происшествия вчерашнего дня.

Майор Полгрейв с дурацкими рассказами.

Все как обычно, и слушать их внимательно не было никакой нужды. Хотя, вероятно, лучше бы она послушала.

Кения — он рассказывал о Кении, а затем Индия — северо-западные укрепления и потом, бог

знает почему, он перешел к убийствам, и даже тогда она толком не слушала…

Какой-то известный случай, который произошел здесь, — это было в газетах…

Это было после того, как он поднял ей моток шерсти. Он начал рассказывать о каком-то снимке… Снимок убийцы — вот что он сказал.

Мисс Марпл закрыла глаза и постаралась вспомнить как можно точнее, что это была за история.

Она была довольно бессвязная, кем-то рассказанная майору у него в клубе… или еще в чьем-то клубе врачом, который слышал ее от другого врача, и первый врач сделал чей-то снимок… снимок того, кто выходил из дому и кто был убийцей.

Да вот, что это было — к ней сейчас возвращались различные подробности.

И он предложил ей показать этот снимок — вытащил свой бумажник и начал в нем рыться, болтая без умолку.

И вот так говоря, он взглянул вверх… взглянул не на нее — на что-то позади нее… если быть точной, позади ее правого плеча. И внезапно замолчал. Лицо его стало багроветь, и он дрожащими руками начал запихивать все обратно в бумажник и громким неестественным голосом

ни с того ни с сего заговорил о бивнях.

И в следующий момент к ним подошли Хиллингдоны и Дайсоны… Затем она повернула голову направо и взглянула назад поверх плеча… Но там она ничего не увидела. Слева от нее сидели Тим Кендал с женой, за ними семейство из Венесуэлы. Но майор Полгрейв смотрел в другую сторону…

Мисс Марпл размышляла до самого ленча.

Она отказалась от прогулки и послала передать, что, поскольку она не очень хорошо себя чувствует, то не будет ли доктор Грэм столь любезен, чтобы навестить ее.

Глава 4
Мисс Марпл и медицинское обследование

Доктор Грэм был добродушным стариком лет шестидесяти пяти. Он много лет практиковал в Вест-Индии, но теперь, наполовину отойдя от дел, оставил большую часть практики своим партнерам. После любезного приветствия он спросил у мисс Марпл, что ее беспокоит. К счастью, мисс Марпл была в том возрасте, когда любое недомогание в пересказе пациента может быть несколько преувеличено. Мисс Марпл колебалась между «ее плечом» и «ее коленом», но в конце концов решила остановиться на колене. Ее колено, как сказала она самой себе, при ней и останется.

Доктор Грэм был настолько воспитан и любезен, что удержался от ссылок на ее возраст и не сказал, что в ее годы только и жди чего-нибудь подобного. Он выписал ей какие-то патентованные пилюли, которые следует принимать строго по предписанию врача, и, поскольку он знал по опыту, как одиноко бывает старикам, впервые

попавшим на Сент-Оноре, то задержался немного поболтать.

«Ах, какой же он милый, — подумала мисс Марпл. — И мне так стыдно ему лгать, но видит бог, что делать мне больше нечего».

Будучи с детства воспитана в должном уважении к истине, мисс Марпл была отроду совершенно правдивой. Но когда обстоятельства требовали от нее иного, она умела выдумывать с удивительным правдоподобием.

Как бы извиняясь, она прокашлялась и взволнованно защебетала, как и полагается старой леди.

— Есть еще кое-что, о чем бы я хотела попросить вас, доктор Грэм. Я не знаю с чего начать, но я не представляю себе, что мне делать, хотя, конечно, понимаю, что это совершенный пустяк. Но для меня это так важно, и я надеюсь, что вы поймете меня и не подумаете, что я непростительно вам надоедаю…

На это вступление доктор ответил как можно мягче:

— Если вас что-нибудь тревожит, я с удовольствием помогу вам.

— Это связано с майором Полгрейвом. Так печально, что он умер. Сегодня утром я пережила настоящее потрясение, когда мне сказали.

— Да, — ответил доктор Грэм. — Боюсь, что это произошло слишком внезапно. Вчера он казался вполне бодрым.

В силу привычки он говорил мягко, но было ясно, что смерть майора его не удивила, а мисс Марпл подумала, не делает ли она из мухи слона. А что, если она просто находится во власти подозрений, и ее мнение, даже не мнение, а смутное предчувствие, рожденное обычной ее подозрительностью, далеко от истины? Как бы то ни было, влезла она в это по уши.

— Вчера мы как раз сидели с ним и беседовали, — сказала она. — Он мне рассказывал о своей жизни. Она у него была необычайно интересной. Столько удивительных мест, оказывается, есть на свете.

— Да уж воистину, — сказал доктор Грэм: майор успел надоесть ему до колик.

— Потом он рассказал мне про свою семью, про детство, и я тоже рассказала ему немножко про своих племянников и племянниц, и он слушал с сочувствием, и я показала ему фотокарточку одного из моих племянников, которую я всегда ношу с собой. Он такой милый мальчик — сейчас, конечно, не совсем мальчик, но для меня он всегда будет ребенком, вы меня понимаете?

— Вполне, — ответил доктор Грэм, недоумевая, дойдет ли старая дама когда-нибудь до сути.

— Я передала ему снимок, и он стал внимательно его рассматривать, как вдруг эти люди — такие милые, знаете, они еще собирают всякие цветочки и бабочек, по-моему, их зовут Хиллингдоны…

— А, Хиллингдоны и Дайсоны?

— Да, верно. Они вдруг пришли, сели, стали смеяться, разговаривать, заказали выпить, и мы все чудесно побеседовали, и майор Полгрейв нечаянно положил этот снимок к себе в бумажник, а бумажник — в карман. Я тогда не обратила внимания, но потом вспомнила и сказала себе: «Смотри, не забудь попросить у майора фотографию Дензила». Я думала об этом вчера вечером, когда были танцы, играл оркестр, но мне так не хотелось отвлекать его, потому что им было так весело вместе, и я подумала, что напомню ему об этом с утра. А сегодня утром… — и, задохнувшись, мисс Марпл умолкла.

— Да, да, — сказал доктор Грэм, — я вас вполне понимаю. И вы, естественно, хотите вернуть снимок, не так ли?

Мисс Марпл закивала.

— Да, очень. Видите ли, он у меня единственный и даже негатива не сохранилось. Я бы вознена-

видела себя, потеряй я этот снимок, ведь бедный Дензил уже несколько лет как умер, а он был моим любимцем. Это единственный его портрет, который у меня остался. Я знаю, что надоедаю вам, но, я надеюсь, вы сможете заполучить для меня эту карточку. Поймите правильно, мне не к кому больше обратиться, я ведь понятия не имею, кому достанутся пожитки майора. Это все так сложно. Скажут: ах, какая досада, но ведь они не понимают. Никто на свете не сможет понять, что значил для меня этот снимок!

— Конечно, конечно, — сказал доктор Грэм. — Я понимаю ваши чувства. Они совершенно естественны. Впрочем, я вскоре встречусь с местными властями: завтра похороны, и кто-нибудь из управления должен будет пересмотреть его бумаги, вещи, прежде чем сообщить ближайшим родственникам. Не могли бы вы описать мне этот снимок?

— Это фасад дома, — сказала мисс Марпл. — И кто-то — я хотела сказать Дензил — как раз вышел из парадного. Просто другой мой племянник обожает снимать цветы, и он фотографировал, по-моему, гибискус или один из этих прекрасных цветов — что-то вроде лилий, а Дензил как раз в это время вышел из дома. Это не лучшая его

фотография, немного нечеткая, но я люблю ее и всегда держу при себе.

— Хорошо, — сказал доктор Грэм, — я все понял, и думаю, что мы без труда вернем вам эту фотографию, мисс Марпл.

Он встал со стула. Мисс Марпл улыбнулась ему:

— Вы так добры, доктор Грэм, вы очень добры. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Да, конечно, понимаю, — ответил доктор Грэм, с чувством пожимая ей руку. — А теперь ни о чем не беспокойтесь. Массируйте ваше колено ежедневно и потихоньку, а я пришлю вам эти таблетки. Принимайте их по одной три раза в день.

Глава 5
Мисс Марпл принимает решение

На следующий день была панихида по майору Полгрейву. Мисс Марпл проводила его в последний путь. Каноник Прескотт отслужил молебен, и жизнь вошла в свою колею.

Смерть майора была всего лишь случайностью, маленьким неприятным происшествием, о котором вскоре забыли. Здешняя жизнь целиком состояла из солнца, моря и светских развлечений. Мрачный белоглазый призрак, прервав привычное существование, набросил на него мгновенную тень, но тень уже исчезла. В конце концов, об усопшем толком никто ничего не знал. Он был довольно болтливым стариком, вроде клубного зануды, и без конца делился воспоминаниями, даже если у вас и не было особой охоты слушать. Он успел осесть ненадолго где-то там, на краю света. Жена его умерла много лет назад. У него была одинокая жизнь, и теперь — одинокая смерть. Но его одиночество, ставшее привычным, проходило среди людей и, видимо, не очень его тяготило. Майор Полгрейв умел быть одиноким

— ему было весело самому с собой, и он получал от этого немалое удовольствие. Теперь он умер, и никто не скорбит по нем, а на следующей неделе, должно быть, никто и не вспомнит его даже мельком.

Единственным человеком, который мог бы сказать, что скучает без него, была мисс Марпл. Не из глубокой личной приязни, а потому, что она хорошо понимала ту жизнь, которую он вел. Когда стареешь, размышляла она с собой, все больше и больше приобретаешь привычку слушать, пусть без особого интереса, но именно это и стало для нее и для майора любезным компромиссом двух старых людей. Это было живое человеческое чувство, и нельзя сказать, чтобы она горевала о майоре, но ей не хватало его.

В тот же день, после похорон, когда она сидела с вязаньем на своем излюбленном месте, к ней подошел доктор Грэм. Она отложила спицы, здороваясь с ним. Он сразу сказал с неподдельным сожалением:

— Боюсь, мисс Марпл, что у меня для вас неутешительные новости.

— Неужели? Это касается моего?..

— Да. Мы не нашли этот снимок, который был для вас так дорог, и я боюсь, что вас это очень

огорчит.

— Да, конечно. Но что поделаешь, бог с ним. Сейчас я понимаю, что это была просто сентиментальность. А что, его не оказалось в бумажнике майора?

— Нет, ни в бумажнике майора, ни среди других вещей. Там было несколько писем, газетные вырезки, всякий хлам, старые фотографии, но на ту, что вы описали, и намека не было.

— Ах, боже мой, — сказала мисс Марпл. — Значит, так тому и быть. Я благодарна вам от всего сердца за все эти хлопоты, доктор Грэм.

— Ну, что вы, какие хлопоты! Я ведь и сам хорошо знаю, что могут значить семейные памятки, особенно в старости.

Старая дама достойно встретила неприятную новость, подумал он. Майор Полгрейв, по всей видимости, наткнулся на снимок, вытаскивая что-нибудь из бумажника, и, даже не представляя себе, как он мог там очутиться, попросту выбросил как нечто ненужное. Но этот снимок имел такое значение для этой старой леди. Однако леди, кажется, отнеслась ко всему бодро и философски.

Сказать по правде, в душе мисс Марпл была далека и от философии, и от бодрости. Ей нужно

было немного подумать, при этом она. хотела использовать представившуюся возможность, чтобы иметь полное впечатление.

Она с большим рвением, которое даже не пыталась скрыть, вовлекла в разговор доктора Грэма, а этот добрый человек, приписывая некоторые повороты беседы естественному одиночеству старой дамы, всеми силами старался увести ее в сторону от злополучного снимка, и с легкостью начал рассказывать о жизни на острове и о разных пленительных местах, которые мисс Марпл могла бы с удовольствием посетить. Бедный доктор и сам не понял, каким образом разговор опять вернулся к смерти майора.

— Ах, как это печально, — говорила мисс Марпл, — только подумаешь, что кто-то может умереть вот так, вдали от дома. Хотя из того, что он говорил мне, я поняла, что у него не было близкой родни, а сам он, кажется, жил в Лондоне.

— По-моему, он много путешествовал, — отвечал доктор Грэм. — Во всяком случае зимой. Ему не нравилась наша английская зима. Не сказал бы, что я его осуждаю.

— Ну, что вы, конечно, — согласилась мисс Марпл. — Возможно, у него были свои причины: слабые легкие или еще что-нибудь, и ему необхо-

димо было проводить зиму за границей.

— О, нет, не думаю.

— Насколько я знаю, у него было высокое давление.

— Он сам говорил вам об этом?

— О, нет. Он об этом и словом не обмолвился. Мне кто-то еще говорил.

— А, понятно.

— Я так думаю, — продолжала мисс Марпл, — что при этих обстоятельствах его смерть не была неожиданной.

— Совсем необязательно, — ответил доктор Грэм. — В наше время давление можно вполне контролировать.

— Он умер так неожиданно, однако, я думаю, вы не были удивлены.

— Учитывая его возраст, особо удивляться не приходится. Но я этого, конечно, не ожидал. Сказать по чести, он мне всегда казался в хорошей форме, правда, как врач я его не наблюдал, никогда не мерил давление.

— Но ведь обычно знаешь, я имею в виду, что всякий доктор, наверное, сможет по виду определить, есть ли у человека высокое давление? — допытывалась мисс Марпл с девической непосредственностью.

— Это не так просто, — улыбнулся доктор. — Всегда следует проверить.

— О, я понимаю. Это такая ужасная резиновая штука, которую надевают на руку и надувают, — сама я терпеть этого не могу. Но мой врач сказал, что у меня при моем возрасте превосходное давление.

— Это приятно слышать, — ответил доктор Грэм.

— Конечно, майор несколько увлекался пуншем, — задумчиво произнесла мисс Марпл.

— Да уж. Алкоголь — не самая лучшая вещь при давлении.

— Нужно принимать, по-моему, какие-то таблетки, или я ошибаюсь?

— Да. Есть несколько патентованных лекарств. У майора в комнате обнаружили пузырек с одним из них. Это таблетки под названием «Безмятежные».

— Ах, какие чудеса творит наука в наши дни! — воскликнула мисс Марпл. — Врачи теперь так много могут, правда?

— У нас есть величайший соперник, — сказал доктор Грэм, — это природа. И время от времени люди используют старые добрые домашние средства.

— Вроде того, что приложить паутину, если порежешься? — спросила мисс Марпл. — Мы всегда это делали, когда я была ребенком.

— Очень здраво, — согласился доктор Грэм.

— А от сильного кашля положить на грудь припарки из льняного семени и натереться камфорным маслом.

— Да я вижу, вы все знаете! — воскликнул, смеясь, доктор Грэм. Он встал. — А как ваше колено, не слишком беспокоит?

— Нет, кажется, намного лучше.

— Ну мы не станем выяснять, что помогло: природа или мое лекарство. Жаль, что больше ничем не смог вам помочь.

— Но вы были необычайно добры. Мне так стыдно отнимать у вас время. Значит, вы говорите, никаких фотографий у майора в бумажнике не было?

— Ах, да. Одна, очень старая. Там майор, еще вполне молодой. И еще на одной он с убитым тигром. Майор стоит, опираясь на него ногой. Все остальные такие же — в память о юности. Но я все просмотрел очень тщательно, и заверяю вас, что ни одного снимка, хоть сколько-нибудь подходящего под ваше описание, там не было.

— О, я уверена, что вы все просмотрели, — я не

это имела в виду. Мне просто интересно. Мы все склонны держать при себе бог знает что.

— Сокровища былого, — сказал, улыбаясь, доктор.

Он распрощался и пошел восвояси.

Оставшись одна, мисс Марпл задумчиво смотрела на пальмы и море. Некоторое время она не притрагивалась к вязанью. Сейчас у нее был непреложный факт, и она раздумывала, что бы он значил. Снимка, который майор вынул из бумажника и столь поспешно убрал его туда же, после его смерти не оказалось. Это не такая вещь, чтобы майор ее выбросил. Он засунул фотографию в бумажник, и после его смерти она должна была находиться там. Деньги могли украсть, но кому понадобился какой-то снимок? Если только нет особой причины…

Лицо мисс Марпл стало серьезным. Она должна решиться. Нужно ли ей тревожить майора Полгрейва в могиле? Может быть, лучше не делать этого? Она процитировала шепотом: «Дункан скончался. Жизни лихорадка сменилась для него желанным сном»[4].

Ничто теперь не повредит майору. Он ушел

---

[4] Примечания: 4

Шекспир У. «Макбет».

туда, где опасность его уже не коснется. А, может, это просто совпадение, что он умер именно в ту ночь? А, возможно, это было и не совпадение. Врачи так легко относятся к смерти старых людей. Тем более, что у него в комнате нашли пузырек с таблетками, которые человек, страдающий гипертонией, принимает каждый день на протяжении всей жизни. Но если кто-то вынул снимок из бумажника, то это же лицо могло подбросить пузырек с таблетками к майору в комнату. Сама она никогда не видела, чтобы майор пил таблетки, и он никогда не говорил с ней о своем давлении. Единственное, что говорил он всегда про свое здоровье: «Я уже не тот, что в молодости». По временам у него бывала небольшая одышка, немного астматическая, и ничего более. Но кто же упомянул при ней, что у майора была гипертония — Молли, мисс Прескотт? Она никак не могла вспомнить.

Мисс Марпл вздохнула и стала увещевать себя, хотя и не вслух:

— Ну-ка, Джейн, что ты теперь скажешь? Может быть, ты все целиком выдумала? Какие конкретные обоснования у тебя есть?

И она подробно, насколько могла, повторила шаг за шагом всю беседу с майором, касающуюся

убийства и убийц.

— О, господи, — сказала мисс Марпл, — даже если обоснования серьезны, ума не приложу, что я могу поделать…

Глава 6
Перед рассветом

Мисс Марпл проснулась рано. Спала она чутко, и у нее, как и у многих старых людей, бывали периоды бессонницы, во время которых она строила планы на завтра. Обычно, как правило, планы эти касались ее домашних дел и редко затрагивали еще кого-нибудь, кроме нее самой. Но сегодня мисс Марпл трезво и вдохновенно осмысливала вероятность убийства, и что именно она смогла бы сделать, окажись ее предположения верны. Ах, как это все было не легко! У нее имелось единственное оружие, и этим оружием была беседа. Старым девам свойственны пустые разговоры. Конечно, их щебетанье набивает оскомину, зато никому не придет в голову подозревать их невесть в чем. Главное, не спрашивать напрямую (но как трудно понять, что именно следует выспрашивать!). Должно быть, нужно побольше разузнать об остальных, и этих остальных она теперь вспомнила.

Она могла бы выяснить кое-что про майора, но чем ей это поможет? Тут все сомнительно.

Если майор и убит, то виной тому не секреты его многотрудной жизни, не месть и не наследство. Будучи фактической жертвой, он представлял тот редкий случай, когда любые сведения о жертве ни на йоту не могут приблизить вас к убийце. Суть заключалась в том, насколько понимала мисс Марпл, что этот самый майор оказался не в меру словоохотлив.

От доктора Грэма она узнала любопытный факт: у майора в бумажнике были всякие фотографии — одна с пони, другая с тигром и прочее. Спрашивается, зачем майор их с собой таскал? Очевидно, Полгрейв очень любил что-нибудь рассказывать, начиная: «Как раз, когда я был в Индии и подстрелил там тигра, со мной произошла любопытная история…» — подумала мисс Марпл, вспоминая прежние свои знакомства с разными адмиралами, генералами и просто майорами. Следовательно, историю с так называемым убийцей ему нужно было проиллюстрировать, вынув снимок из бумажника.

Беседуя с ней, за ним-то он как раз и полез. Разговорами об убийствах он подогревал интерес к своей болтовне, и при ней он сделал то, что, несомненно, делал обычно, а именно достал снимок. Видать, он часто показывал его, приговаривая

что-нибудь вроде: «И в жизни ведь не подумаешь, что этот парень убийца, верно?»

Это стало его привычкой, а история про убийцу входила в постоянный репертуар. Видимо, если само упоминание об убийствах имело успех, майор на всех парах пускался вперед.

В таком случае, размышляла мисс Марпл, он, вероятно, успел рассказать про это еще кому-нибудь и не единожды, а если так, то ей, может быть, удастся выяснить, как выглядел человек на снимке.

Она удовлетворенно кивнула — с этого и нужно начать.

Конечно, были тут и «четверо подозреваемых», как она их окрестила. Правда, поскольку майор говорил о мужчине, подозрение внушали только двое: полковник Хиллингдон и мистер Дайсон. Оба они так не похожи на убийц, но многие убийцы, которых она встречала, производили впечатление совсем обратное. Мог ли там быть кто-нибудь другой? Повернув голову направо, она не увидела ни души. Только бунгало мистера Рейфила. А не мог ли кто-нибудь выйти из него и войти опять, пока она поворачивала голову? Если так, то это мог быть только его лакей. Как же его зовут? Ах, да, Джексон. А не мог ли Джексон быть

тем, кто выходил из бунгало? Это должно было повторить мизансцену на снимке: мужчина, выходящий из дому. Опознание могло произойти внезапно. До тех пор майор Полгрейв, скорее всего, не питал к Джексону ни малейшего интереса. Его блуждающий и любопытствующий взор был по сути своей снобистским. Майор навряд ли разглядел его как следует: Артур Джексон не был, что называется, настоящим сахибом[5].

Но, держа в руке снимок и ненароком взглянув поверх правого плеча мисс Марпл, он, возможно, и увидел человека, выходящего из дому.

Мисс Марпл повернулась на подушках — программа на завтра, вернее, уже на сегодня была ясна: разузнать побольше о Хиллингдонах, Дайсонах и об Артуре Джексоне.

* * *

Доктор Грэм тоже проснулся рано. Обычно, перевернувшись на другой бок, он засыпал опять, но сегодня что-то тревожило его, и сон не шел. Такой тревоги, не дающей заснуть, он не знал уже много лет. Доктор никак не мог от нее отделаться. Чем она вызвана, он и сам не знал и сейчас на-

---

[5] Примечания: 5

Пукка-сахиб — человек из высшего общества *(англо-инд.).*

ходился в раздумье. Это было нечто, связанное… да… связанное с майором Полгрейвом или с его кончиной. Тем не менее он не понимал, что его так заботит. Не сказала ли ему чего-нибудь эта взволнованная старая леди? Ей так не повезло с этим снимком. Правда, выдержка у нее превосходная. Но что-то она ему сказала, какое-то случайно оброненное слово, от которого и возникла эта странная тревога. В конце концов, ничего особенного в том, что майор умер, не было. Совсем ничего. Во всяком случае, он в этом не находил ничего диковинного.

Понятно, что при его здоровье… Мысли доктора стали сбиваться. А что он, собственно, знал о здоровье майора? Чуть не все говорят, что якобы тот страдал гипертонией. Но сам-то он ни разу не говорил об этом с майором. К тому же он никогда не беседовал с майором подолгу. Майор был старым занудой, а доктор Грэм зануд избегал. И с какой это стати ему пришло на ум, что здесь может быть что-то неладное? Ведь в конце концов эта старуха толком ничего не сказала. Как бы то ни было, а это совсем не его дело. Власти были удовлетворены, к тому же этот пузырек с «Безмятежными», да и сам старичок, видать, всем подряд рассказывал про свое давление.

И, повернувшись на другой бок, доктор Грэм снова заснул.

* * *

В стороне от отеля, в одной из жалких лачуг, стоящих в несколько рядов неподалеку от небольшой речушки, девица по имени Виктория Джонсон заворочалась и села на кровати. Эта местная девушка была изумительным созданием: тело ее, словно из черного мрамора, привело бы в восторг любого скульптора. Проведя ладонью по черным курчавым волосам, она легонько пихнула ногой спящего парня.

— Эй, парень, проснись!

Тот заворчал и повернулся.

— Чего тебе? Еще не утро.

— Да проснись ты. Я хочу сказать тебе кое-что.

Мужчина сел, потянулся, показывая крупный рот с великолепными зубами.

— Что тебя беспокоит, женщина?

— Тот человек, майор, который помер. Что-то мне тут не нравится. Что-то тут не так.

— И охота была беспокоиться? Он был стар, и он умер.

— Слушай, парень. Это те таблетки, про которые меня доктор спрашивал.

— Ну, и что там с ними? Может, он их перебрал.

— Нет, это не так. Слушай!

Наклонившись к нему, она с жаром стала рассказывать. Он зевнул и снова лег.

— Ерунда. О чем ты говоришь?

— Все равно. Я утром расскажу миссис Кендал. Я уверена, тут что-то не так.

— Не лезь, — сказал мужчина, которого она без особых церемоний считала сейчас своим мужем. — А то влипнешь, — добавил он, зевая, и отодвинулся на свою сторону.

Глава 7
Утром на побережье

Было еще далеко до полудня.

Эвелин Хиллингдон вышла из воды и упала на горячий золотой песок. Она сняла купальную шапочку и с силой тряхнула головой. Пляж был не очень большим, гости привыкли собираться здесь по утрам, и к половине двенадцатого на пляже начиналось нечто, напоминающее раут. Слева от Эвелин в одном из плетеных кресел возлежала сеньора де Каспеаро, красавица из Венесуэлы. Неподалеку от нее расположился старик Рейфил. Среди постояльцев он считался за старейшину, приобретя здесь то влияние, которого мог достичь только сказочно богатый калека. Его обхаживала Эстер Уолтерс. Она всегда имела при себе стенографический блокнот и карандаш на случай, если старику взбредет в голову отправить какие-нибудь срочные деловые телеграммы. На пляже была видна вся его невероятная худоба, казалось, что его кости просто задрапированы фестонами иссохшей кожи. По всем статьям он уже одной ногой стоял в могиле, но на островах

говорили, что он выглядел точно так, по крайней мере, лет восемь. Злобные голубые глазки глядели с морщинистого лица, и основным удовольствием для мистера Рейфила было с яростью противоречить всему, о чем бы ему ни говорили.

Конечно, здесь была и мисс Марпл. По своему обыкновению, она вязала и слушала, лишь изредка присоединяясь к беседе, чем, казалось, приводила всех в недоумение, поскольку остальные начисто забывали, что и она здесь. Эвелин Хиллингдон посмотрела на нее и снисходительно решила, что это просто старая милая киска.

Сеньора де Каспеаро, что-то мурлыча про себя, опять натерла маслом свои прекрасные длинные ноги. Она не отличалась разговорчивостью и, с досадой глядя на флакон, где было масло для загара, печально изрекла:

— Это не так хорошо, как франжипановое[6]. Здесь его не достать. Жалко, — и глаза ее опять закрылись.

— Вам не пора окунуться, мистер Рейфил? — спросила Эстер Уолтерс.

— Когда захочу, тогда и пойду, — ответил тот сердито.

---

[6] Примечания: 6
Смесь оливкового и цитрусовых масел.

— Уже полдвенадцатого, — напомнила миссис Уолтерс.

— Ну и что из того? — спросил мистер Рейфил. — Я не тот человек, который зависит от ваших часов. Вот это сделай через час, а это еще через двадцать минут — ха!

Миссис Уолтерс давно служила у мистера Рейфила и давно усвоила, как вести себя с ним. Она знала, что некоторое время он будет с удовольствием противиться. Поэтому, напомнив ему, который час, она, не подавая виду, что делает это нарочно, позволила старику брыкаться еще добрых десять минут.

— Мне не нравятся эти эспадрильи[7], — сказал мистер Рейфил, подняв ногу и внимательно ее разглядывая. — Я уже говорил этому идиоту Джексону, а он и в ус не дует, хоть ты тресни.

— Могу я вам принести другие, мистер Рейфил?

— Нет, не можете. Вы будете спокойно сидеть на месте. Терпеть не могу, когда вы носитесь, как курица с яйцом.

Эвелин немного подвинулась на песке, вытягивая руки.

---

[7] Примечания: 7

Эспадрильи — разновидность пляжной плетеной обуви без задников.

Мисс Марпл, сосредоточившись на вязанье, или так казалось со стороны, вытянула вперед ногу и торопливо извинилась:

— Бога ради, простите меня, миссис Хиллингдон! Боюсь, что я вас побеспокоила.

— Ну, что вы, пустяки, — сказала Эвелин. — На этом пляже довольно много народу.

— О, пожалуйста, умоляю вас, только не двигайтесь! Я сейчас отодвину мой стул чуть-чуть назад, чтобы не задеть вас еще раз.

Отодвинувшись, мисс Марпл продолжала непринужденно болтать, при этом как бы еще ребячась:

— Ах, это так удивительно оказаться здесь! Вы знаете, я ведь никогда раньше не бывала в Вест-Индии. Я в жизни не подумала бы, что когда-нибудь попаду в такое место, и вот, пожалуйста. А все по доброте моего драгоценного племянника. Вы, наверное, прекрасно знаете все эти места, правда, миссис Хиллингдон?

— Я была на этом острове раз или два и почти на всех остальных тоже побывала.

— Ах, да. Бабочки и дикие цветочки? Вы ведь обычно с вашими друзьями, или они вам родней приходятся?

— Нет, друзья. Ничего более.

— Вы, наверное, так сдружились потому, что у вас общие интересы?

— Да. Мы уже несколько лет путешествуем вместе.

— Должно быть, у вас бывали какие-нибудь захватывающие приключения?

— Я бы не сказала, — ответила Эвелин. Она говорила бесцветным скучным голосом. — Наверное, приключения происходят с кем-то еще. — Она зевнула.

— И никаких опасностей? Со змеями, дикими животными или с туземцами, приходящими в неистовство? («Господи, что я несу», — подумала мисс Марпл).

— Ничего, кроме москитов, — заверила ее Эвелин.

— А знаете, бедняжку Полгрейва как-то укусила змея, — заявила мисс Марпл, выдумывая на ходу.

— Неужели?

— А разве он вам никогда не рассказывал?

— Может, и рассказывал. Я не помню.

— Но я так поняла, что вы были с ним очень близко знакомы, не правда ли?

— С майором Полгрейвом? Что вы, отнюдь.

— Он столько интересного всегда рассказывал.

— Жуткий зануда, — раздался голос мистера

Рейфила, — к тому же полный кретин. Он бы не помер, если б следил за собой, как следует.

— О, пойдемте же, мистер Рейфил! — сказала мисс Уолтерс.

— Я знаю, о чем я говорю. Если вы следите за своим здоровьем, как нужно, с вами будет все в порядке. Посмотрите на меня. Врачи меня давно схоронили. Ладно, сказал я, теперь-то уж я сам о себе позабочусь. И, вот, пожалуйста!

Он гордо посмотрел вокруг.

И, в самом деле, казалось ошибкой, что он все еще здесь.

— У бедняги майора была гипертония, — сказала Уолтерс Эстер.

— Чушь, — ответил мистер Рейфил.

— Но это так, — с неожиданной твердостью заявила Эвелин Хиллингдон.

— Кто это вам сказал? — спросил мистер Рейфил. — Он что, вам сам признался?

— Нет, кто-то еще.

— Но у него было такое красное лицо, — поспособствовала мисс Марпл.

— Ничего не значит, — возразил Рейфил. — У него не было гипертонии, он сам мне об этом говорил.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила

миссис Уолтерс.— То есть, я имею в виду, никто не может утверждать точно, что у него этого нет.

— А я что, не могу? Я сказал ему, когда он основательно натрескался и пуншем заодно накачался: «Вы должны соблюдать диету и ограничить выпивку. В ваши годы нужно подумать о давлении», а он мне ответил, что ему незачем осторожничать и для его возраста оно у него отменное.

— Но ведь, по-моему, он принимал какое-то лекарство, — сказала мисс Марпл, вклинившись в разговор. — Оно называлось… что-то вроде «безмятежного».

— А я сказала бы, — опять вступила в беседу Эвелин Хиллингдон, — что ему просто хотелось надеяться, что с ним никогда ничего не случится. По-моему, он принадлежал к тем людям, которые боятся болезней и всегда отрицают их у себя.

— Вся беда в том, — властно заявил мистер Рейфил, — что все обожают копаться в чужих болезнях и думают, что всякий, кому за пятьдесят, окочурится от гипертонии, от инфаркта или еще от чего-нибудь — чушь собачья! Если мужчина говорит, что у него все в норме, я думаю, так оно и есть. Человек должен знать все о своем здоровье. Который час? Без четверти двенадцать? Мне давно пора окунуться. Эстер, почему вы всегда

забываете о таких вещах?

Миссис Уолтерс не выразила протеста. Она встала, затем ловко помогла подняться мистеру Рейфилу и, бережно его поддерживая, спустилась с ним к воде. Вместе они вошли в море.

Сеньора де Каспеаро прошептала, открыв глаза:

— Как омерзительны старики! О, как они отвратительны! Их всех нужно перебить в сорок, или в тридцать пять лет, было бы лучше. Так?

На пляж спускались Эдвард Хиллингдон и Грегори Дайсон. Песок хрустел у них под ногами.

— Ну и как водичка, Эвелин?

— Все такая же.

— И ничего новенького? А где Лаки?

— Не знаю, — сказала Эвелин.

И опять мисс Марпл посмотрела на нее в раздумье.

— Ну, а сейчас я покажу вам кита, — сказал Грегори.

Он сбросил свою пеструю рубашку-бермудку. Сопя и пыхтя, он с шумом ворвался в воду и быстро поплыл кролем.

Эдвард Хиллингдон уселся рядом с женой и спросил:

— Еще пойдешь?

Она улыбнулась, надела шапочку, и вместе они как-то совсем неприметно спустились к морю.

Сеньора де Каспеаро снова открыла глаза.

— Я думала вначале, эти двое проводят здесь медовый месяц, он так ею очарован, но я слышу, они женаты восемь-девять лет. Это невероятно, правильно?

— Куда же делась миссис Дайсон? — спросила мисс Марпл.

— Эта Лаки? Где-нибудь с мужчиной.

— Вы… вы так думаете?

— Несомненно, — заявила сеньора де Каспеаро. — Она такой тип. Она уже не так молода. Ее муж — его глаза уже рыскают. Он ищет женщину — здесь, там. Все время. Я знаю.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Я и не сомневаюсь, что вы должны это знать.

Изумленная сеньора де Каспеаро стрельнула по ней глазами. Было ясно, что чего-чего, а этого она никак не ожидала.

А мисс Марпл, как и полагалось, смотрела на волны с выражением невинной смиренности.

* * *

— Могу я поговорить с вами, мэм?

— Да, конечно, — ответила Молли. Она сидела

за конторкой у себя в кладовой.

Виктория Джонсон, высокая и гибкая, в белой униформе прошла внутрь и с таинственным выражением прикрыла за собой дверь.

— Я хочу вам сказать кое-что, если можно, миссис Кендал.

— Да, я слушаю. Что-нибудь случилось?

— Еще не знаю. Не уверена. Это про того старого джентльмена, что умер. Про майора. Он умер во сне.

— Да, да, ну и что?

— Там, в его комнате был пузырек с таблетками. Доктор… Он еще меня про них спрашивал.

— Ну?

— Доктор мне сказал: «Дайте мне посмотреть, что у него было на полке в ванной», и он все осмотрел, вы знаете. Он видел, что там был зубной порошок и таблетки от несварения, и аспирин, и потом эти самые таблетки в пузырьке — «безмятежные».

— Ну? — опять повторила Молли.

— И доктор все их обсмотрел и, кажется, был довольный, и покивал головой. Я их никогда раньше не видела. Другие, да. И зубной порошок, и аспирин, и лосьон после бритья, и все остальное, но этих таблеток, «безмятежных», я раньше

никогда не замечала.

— Значит, ты думаешь… — Молли была в замешательстве.

— Я не знаю, что подумать, — сказала Виктория. — Я просто думаю, что это неладно и что я лучше вам скажу. А вы, может, скажете доктору? Может, это имеет значение. Может, кто-нибудь положил туда эти таблетки, чтобы он их принимал и помер.

— О, я не думаю, это слишком невероятно, — воскликнула Молли.

Виктория покачала темной головой.

— Никогда не знаешь. Люди делают эти ужасные вещи.

Молли посмотрела в окно. Все вокруг казалось садом радостей земных. Это солнце, это море, коралловый риф, музыка и танцы — это был настоящий рай. Но даже рай был омрачен явлением змея: «ужасные вещи» — как ненавистны были ей эти слова.

— Я все выясню, Виктория, — сказала она резко. — Не волнуйся. И ради всего, придержи пока язык.

Как только Виктория с неохотой вышла, сразу же зашел Тим Кендал.

— Что-нибудь стряслось, Молли?

Она замялась, но, решив, что Виктория может добраться и до него, рассказала, о чем они говорили с девушкой.

— Черт знает что такое там было в этих пилюлях?

— Ну, Тим, я и сама не знаю. Доктор Робертсон, когда приходил, сказал, что они что-то делают с кровяным давлением, по-моему.

— Ну, значит, все должно быть в порядке, верно? Я хочу сказать, что раз у него было повышенное давление, то он должен был чем-то лечиться, так я понимаю? Все лечатся. И он не исключение.

— Да, — согласилась Молли в замешательстве, — но мне кажется, Виктория думает, что он мог отправиться на тот свет после одной такой пилюли.

— Но, любовь моя, это попахивает мелодрамой. Ты хочешь сказать, что кто-то мог заменить его таблетки от давления на какие-то другие, и он ими отравился?

— Это выглядит абсурдно, — виновато сказала Молли, — когда ты говоришь вот так, но, по-моему, именно это думает Виктория.

— Какая глупая девка! Мы можем спросить у доктора Грэма. Я думаю, он-то знает. Но это на самом деле такая чепуха, что стыдно ему надо-

едать.

— Я тоже так думаю.

— Но с чего девчонка взяла, что кто-то мог заменить таблетки? Ты хотела сказать, что в этот самый пузырек положили что-то другое?

— Я и сама толком не поняла, — замялась Молли. — Виктории показалось, что она впервые видела этот пузырек с «безмятежными».

— Ну, это уже полная чушь, — сказал Тим Кендал. — Он их все время принимал, чтобы снизить давление, — весело отделавшись, он пошел совещаться с метрдотелем Фернандо.

Но Молли не могла так легко успокоиться. Когда с ленчем в ресторане было покончено, она сказала мужу:

— Тим, я вот что думаю: если Виктория об этом говорит, нам нужно спросить у кого-нибудь.

— Но, девочка моя, ведь и Робертсон, и все остальные здесь были, все, что им надо, осмотрели и все давно выяснили.

— Да, но ты же знаешь, как эти девушки умеют себя подзуживать.

— Ну, хорошо. Раз ты хочешь, мы пойдем и спросим у доктора Грэма — он-то наверняка знает.

Доктор Грэм сидел с книгой у себя в лоджии. Как только они вошли, Молли бросилась расска-

зывать, и, поскольку она то и дело сбивалась, инициативу перехватил Тим.

— Звучит довольно по-идиотски, — сказал он виновато, — но, насколько я могу понять, эта девчонка вбила себе в голову, что кто-то положил отраву в эти самые… как их?.. в «без чего-то» там.

— Но с чего у девушки возникла такая мысль? — спросил доктор Грэм. — Она что-нибудь видела или слышала? Я просто хочу понять, почему она так думает.

— Я не знаю, — ответил Тим. — Это что, был не тот пузырек? Так, что ли, Молли?

— Нет, по-моему, она сказала, что там был пузырек с этикеткой… бездна… без…

— «Безмятежные», — помог доктор, — все равно. Это лекарство всем известно. Он принимал его постоянно.

— Виктория уверяет, что раньше она никогда в его комнате этого пузырька не видела.

— Никогда не видела его там раньше? — быстро спросил доктор Грэм. — Но что она под этим имела в виду?

— Она вот так и сказала и перечислила все, что было на полке в ванной, ну, вы сами знаете: зубной порошок, аспирин, лосьон — она живо все отбарабанила и, я думаю, что Виктория все

предметы знала наизусть, потому что она всегда там убиралась. А этот пузырек с «безмятежными», или как их там, она впервые заметила после его смерти.

— Все это очень странно, — сказал доктор Грэм довольно резко. — А она уверена?

Необычайная резкость его тона заставила обоих Кендалов поднять на него глаза. Позиция Грэма была для них неожиданной.

— Она говорила уверенно, — медленно произнесла Молли.

— А, может, ей просто захотелось сенсации, — предположил Тим.

— Вполне возможно, — ответил доктор Грэм. — Лучше я сам переговорю с девушкой.

Виктория с явным удовольствием повторила свой рассказ.

— Я не хочу во что-нибудь влипнуть, — сказала она. — Я его туда не клала, а кто — я не знаю.

— Так ты все-таки думаешь, что это было подложено? — спросил доктор Грэм.

— Но, видите ли, доктор, если этого там раньше не было, значит, его подложили.

— Но ведь майор Полгрейв мог держать это лекарство у себя в столе или в кейсе, например.

Виктория лукаво покачала головой:

— Зачем ему это делать, если он их все время принимал?

— Да, пожалуй, — с неохотой согласился Грэм. — Эти таблетки нужно принимать по нескольку раз в день. А ты ни разу не видела, чтобы он пил какие-нибудь лекарства?

— Раньше их там не было. И я просто подумала — нужно шепнуть словечко. А что, если таблетки с ним чего-нибудь сделали: отравили кровь или еще чего-нибудь, и я подумала, может, у него есть враг, и он подложил это так, чтобы убить его.

— Чепуха, девочка, — здраво рассудил врач. — Полная чепуха.

Виктория была потрясена.

— Вы говорите, что это было лекарство? Хорошее лекарство?

— Очень хорошее, и, более того, необходимое лекарство, — ответил доктор Грэм. — Тебе, Виктория, незачем так беспокоиться. Я могу заверить тебя, что с этими таблетками все в порядке.

— Вы точно камень у меня с души сняли, — сказала Виктория.

Она весело улыбнулась, показав ему белоснежные зубы.

Но камень остался на душе у доктора Грэма. Смутная ночная тревога теперь приобретала

реальные очертания.

Глава 8
Разговор с Эстер Уолтерс

— Здесь теперь не то, что было, — сердито сказал мистер Рейфил, глядя, как мисс Марпл двигалась по направлению к ним. — Шагу ступить нельзя без того, чтобы какая-нибудь старая клуша не попалась вам под ноги. Спрашивается, чего ради старые леди таскаются в Вест-Индию?

— А куда, по-вашему, им лучше всего отправиться? — спросила Эстер Уолтерс.

— В Челтнем, — сразу ответил мистер Рейфил. — Или в Борнмут, — предложил он. — Есть еще Торки. Масса выбора. Там бы они были совершенно счастливы.

— Я полагаю, что они нечасто могут себе позволить такую роскошь, как поехать в Вест-Индию, — сказала Эстер Уолтерс. — Не всем повезло, как вам.

— Верно, — согласился Рейфил. — Прямо в точку. Вот он я, и весь из одних болезней, а вы не даете мне ни малейшего облегчения. Вы вечно бездельничаете — почему мои письма до сих пор не отпечатаны?

— У меня не было времени.

— А не могли бы вы этим заняться? Я взял вас с собой, надеясь, что вы хоть изредка будете что-нибудь делать, а не просто сидеть на солнышке, показывая свои прелести.

Кое-кому замечания мистера Рейфила показались бы нестерпимыми, однако Эстер Уолтерс, проработав у него несколько лет, хорошо знала, что он лает, да не кусает. Это был человек, почти беспрестанно страдающий от боли, и, «вставляя кому-нибудь „свечу“», он попросту спускал пары. И потому, что бы ни говорил он, миссис Уолтерс оставалась невозмутимой.

— Какой изумительный вечер, не правда ли? — сказала мисс Марпл, остановившись рядом с ними.

— А почему бы и нет? — спросил мистер Рейфил. — Мы ведь здесь и торчим из-за этого, не так ли?

Мисс Марпл издала звенящий смешок.

— Вы так суровы, — сказала она.— Я и забыла, что погода — это чисто английский предмет беседы. О, господи, да это шерсть не того цвета! — и, положив на садовый столик корзиночку с вязаньем, она заспешила к своему бунгало.

— Джексон! — завопил мистер Рейфил.

Тот возник немедленно.

— Вези меня внутрь. Я приму массаж, пока не вернулась эта квохчущая наседка. Правда, он мне здоровья не прибавит, — присовокупил он.

Говоря это, мистер Рейфил ловко помогал себе ногами. Сидя в инвалидном кресле, которое толкал массажист, он въехал к себе в бунгало.

Эстер Уолтерс проследила за ними. Когда подошедшая мисс Марпл опять села рядом, она повернулась к ней.

— Надеюсь, я не потревожу вас? — спросила мисс Марпл.

— Ну что вы! — сказала Эстер Уолтерс. — Мне придется пойти и с минуту попечатать, но для начала я немного полюбуюсь закатом!

Мисс Марпл затеяла с ней любезную беседу. Говоря без умолку, она по косточкам разбирала миссис Уолтерс. Не ахти какая красавица, но если бы захотела, могла бы стать весьма привлекательной. Странно, почему она даже не пытается? Может быть, это не нравится мистеру Рейфилу, но вряд ли это его волновало хоть в малейшей степени. Он был настолько занят собой, что пока он сам не возражал, его секретарь могла бы наряжаться, как гурия в садах аллаха. К тому же он рано ложился спать, и по вечерам в часы досуга среди танцев и музыки Эстер Уолтерс могла бы

легко… Мисс Марпл помедлила, подбирая точное слово, в то же время она оживленно рассказывала о своей поездке в Джеймстаун… Ах, да, расцвести. По вечерам Эстер Уолтерс могла бы расцветать…

Она незаметно перевела беседу на Джексона, однако миссис Уолтерс говорила о нем неопределенно.

— Он очень знающий и очень опытный массажист, — сказала она.

— Наверное, он уже давно с мистером Рейфилом?

— Нет, что вы, месяцев девять, по-моему.

— А он женат? — забросила удочку мисс Марпл.

— Женат? Не думаю, — немного удивившись, сказала Эстер. — А если и так, он никогда об этом не упоминал… Нет, — прибавила она, — определенно не женат. — Видно было, что ее это позабавило.

Мисс Марпл растолковала это себе иначе: «Во всяком случае, он ведет себя, как холостяк».

А с другой стороны, мало ли кто из женатых ведут себя, как холостые! Она могла бы привести дюжину примеров!

— Он просто красавец, — в раздумье сказала она.

— Да, наверное, — ответила Эстер без малейшего интереса.

Глядя на нее, мисс Марпл задумалась. Совсем не интересуется мужчинами? А, может быть, относится к однолюбам: говорят — вдова.

— А сами вы уже давно работаете у мистера Рейфила? — спросила она.

— Года четыре или пять. Когда умер муж, мне пришлось опять пойти работать. У меня учится дочь, а муж нам ничего не оставил.

— С мистером Рейфилом вам, должно быть, туго приходится? — отважилась мисс Марпл.

— Нет, ничего, если хорошо его узнаешь. Он впадает в ярость и всегда противоречит, но вся беда в том, что люди ему приедаются. За два года он сменил уже пять сопровождающих. Ему нравится задирать кого-нибудь нового. Но мы с ним прекрасно поладили.

— Насколько я вижу, мистер Джексон очень услужливый?

— Он очень тактичен и находчив, — пояснила Эстер, — правда, иногда он попадает в несколько… — и она оборвала себя на полуслове.

— Затруднительное положение? — подсказала мисс Марпл.

— Ну да. Ни то, ни се. Хотя, мне кажется, — она

улыбнулась, — что он не теряется.

Мисс Марпл и это отметила, но пользы от этого было мало. Продолжая увлеченно щебетать, она вскоре много чего наслушалась о Хиллингдонах и Дайсонах — об этой четверке, которую и водой не разольешь.

— Хиллингдоны приезжают сюда, по крайней мере, три-четыре последних года, — говорила Эстер. — Но Грегори Дайсон появился здесь намного раньше. Он знает всю Вест-Индию как свои пять пальцев. Впервые он приезжал сюда, по-моему, со своей прежней женой. Она была болезненной и зимой ездила за границу или, во всяком случае, туда, где тепло.

— Она что, умерла? Или они в разводе?

— Нет, она умерла, и, по-моему, где-то здесь, на островах. Ходили какие-то сплетни, но сам он никогда о ней не говорил. Кто-то мне рассказывал, что они не очень ладили.

— И потом он взял в жены эту Лаки, — мисс Марпл произнесла последнее слово с некоторым неудовольствием, как бы говоря: «Ну что, в самом деле, за невозможное имя!»

— Насколько я знаю, она была родственницей первой жены.

— И они уже много лет знакомы с Хиллинг-

донами?

— Нет, по-моему, только с тех пор, как Хиллингдоны сюда приехали. Года три, четыре — не больше.

— Хиллингдоны такие приятные, — сказала мисс Марпл, — такие спокойные.

— Да, они милые люди.

— Говорят, они так преданы друг другу.

Хотя тон ее был вполне безобиден, Эстер Уолтерс исподтишка взглянула на нее.

— Однако вы так не думаете? — спросила она.

— Но вы ведь и сами, дорогая моя, так не думаете, разве нет?

— Да, я иногда удивляюсь…

— Такие уравновешенные мужчины, как полковник Хиллингдон, частенько обожают так называемых знойных женщин… — и мисс Марпл добавила после многозначительной паузы: — Лаки… Что за странное имя. Так вы думаете, у мистера Дайсона была мысль… была идея развязаться?

«Старая склочница, — подумала Эстер Уолтерс, — ох, уж эти старухи!» И она ответила холодно:

— Понятия не имею.

Мисс Марпл переменила тему.

— Ах, как грустно получилось с бедняжкой

майором, не правда ли?

Эстер Уолтерс небрежно согласилась.

— Кому как, а мне безумно жаль Кендалов, — сказала она.

— Да, мне тоже кажется, что для отеля это очень нехорошо.

— Но вы же понимаете, что люди едут сюда развлечься, — продолжала Эстер, — позабыть о болезнях, смертях, налогах, замороженных ценах. Им не нравятся, — она внезапно заговорила совсем иначе, — любые напоминания о неминуемом конце.

Мисс Марпл сложила вязанье.

— Ах, моя дорогая, как хорошо вы это сказали, — проговорила она. — И главное, как верно. Да, так оно и есть.

— А ведь они еще так молоды, — продолжала Эстер Уолтерс. — Они всего как полгода назад купили этот отель у Сандерсонов и теперь ужасно озабочены, получится у них что-нибудь или нет — они ведь совсем неопытны.

— И вы на самом деле думаете, что это может оказаться для них неблагоприятным?

— Честно говоря, нет, — сказала Эстер Уолтерс. — Я думаю, что через пару дней об этом никто уже и не вспомнит, тем более в здешней атмосфе-

ре: «Мы пришли сюда развлечься — так забудем обо всем». По-моему, любая смерть может им просто испортить аппетит, да и то от силы на сутки, а после похорон им опять хоть бы хны. Я уже говорила с Молли, но что поделать — она нервозная особа.

— Миссис Кендал нервозна? Она всегда такая беззаботная с виду.

— Я думаю, что это притворство, — медленно проговорила Эстер. — На самом деле, скорее всего, она принадлежит к числу тех беспокойных людей, которые вечно боятся, как бы чего не вышло.

— Я бы предположила, что муж гораздо нервознее, чем жена.

— Нет, не думаю. По-моему, она нервничает, а он беспокоится из-за нее. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

— Ах, как это интересно, — сказала мисс Марпл.

— Мне кажется, что ей отчаянно хочется выглядеть веселой и всем довольной. Она очень старается, но эти усилия ее изнуряют. Потом у нее бывают непонятные приступы депрессии. По-моему, она попросту неуравновешенная.

— Бедное дитя, — сказала мисс Марпл. — Такие

люди часто встречаются, а ведь со стороны и не подумаешь.

— Они тут устраивают превосходный спектакль, верно? Хотя, — добавила Эстер, — Молли все-таки не следует особенно волноваться в данном случае. Я хочу сказать, что люди сейчас часто умирают от инфаркта, от инсульта или еще от чего-нибудь и гораздо чаще, чем принято думать. Только тиф, пищевое отравление или что-нибудь подобное могут их взбеленить.

— Майор Полгрейв при мне ни разу не упоминал, что у него высокое давление, — сказала мисс Марпл. — А при вас?

— Он говорил кому-то, но кому? Может быть, и мистеру Рейфилу. Я знаю, что сам мистер Рейфил утверждает обратное, но ему же это нравится! Ну, конечно, Джексон как-то сказал мне об этом. Он еще добавил, что майору надо бы поменьше пить.

— Да, понимаю, — задумчиво проговорила мисс Марпл. — Я так думаю, что вам он казался очень скучным стариком? У него наготове было множество всяких историй, которые он без конца повторял.

— Это было невыносимо, — ответила Эстер. — Вам приходилось опять и опять выслушивать

одно и то же, пока вы не ухитрялись принять какие-то меры.

— Но меня-то ведь трудно доконать. Я давно привыкла к подобным вещам. Если мне по нескольку раз рассказывают одно и то же, я уже толком не слушаю и, как правило, забываю.

— Так оно и было, — сказала Эстер и весело рассмеялась.

— Он обожал рассказывать одну историю, — продолжала мисс Марпл. — Про убийцу. Думаю, он вам ее рассказывал?

Эстер Уолтерс открыла сумочку и стала в ней что-то искать. Она достала губную помаду, сказав при этом:

— По-моему, много раз. — Затем она спросила: — Прошу прощения, что вы сказали?

— Я спросила, рассказывал ли вам майор свою любимую историю про убийцу?

— Наверное, сейчас подумаю. Это про тех, которые травили себя газом? А на самом деле якобы его отравила жена, то есть она дала ему снотворное и сунула в газовую духовку. Вы об этом?

— По-моему, не совсем так, — сказала мисс Марпл и опять задумчиво взглянула на Эстер Уолтерс.

— Он их столько рассказывал, — оправдывалась

та, — а я ведь говорю, что никогда не слушала.

— Но у него был какой-то снимок, — продолжала мисс Марпл, — который он любил показывать.

— Кажется, да… Никак не могу вспомнить, что там было. А вы видели этот снимок?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Я не успела, нас прервали.

Глава 9
Мисс Прескотт и другие

— Эту историю я слышала, — начала мисс Прескотт, понизив голос и внимательно посмотрев вокруг.

Мисс Марпл подвинула свой стул поближе. Она как раз приготовилась поболтать по душам. Мисс Прескотт почти всегда была с братом, ведь священники так привязаны к семье, и обеим дамам приходилось туго — в компании жизнерадостного каноника они с трудом удерживались, чтобы не посплетничать всласть.

— Кажется, — сказала мисс Прескотт, — но только поймите, что я не хочу заниматься сплетнями и толком сама ничего не знаю…

— О, я вполне понимаю вас, — успокоила мисс Марпл.

— Мне кажется, было что-то скандальное, еще когда его первая жена была жива. Очевидно, эта женщина, Лаки (ну что за имя!) — она была, по-моему, кузиной его первой жены — приехала сюда и присоединилась к ним, насколько я поняла, стала помогать ему то ли с цветами, то ли

с бабочками, то ли еще там с чем-то, и про них тогда много чего говорили, потому что они между собой очень поладили, ну вы понимаете, что я имею в виду.

— Люди замечают все, их не проведешь, — ответила мисс Марпл.

— И, конечно, потом, когда его жена довольно неожиданно скончалась…

— Она что, умерла прямо здесь, на острове?

— Нет, нет, в то время они были то ли на Мартинике, то ли на Тобаго.

— А, понимаю.

— И насколько я уяснила из того, что говорили разные люди, которые в то время тоже там были, врач не был вполне удовлетворен.

— Что вы говорите! — с интересом воскликнула мисс Марпл.

— Конечно, все это были только сплетни, но… но только мистер Дайсон очень скоро женился вновь. — Она опять понизила голос: — По-моему, всего через месяц.

— Всего через месяц? — повторила мисс Марпл, и обе они переглянулись.

— Это выглядит так бесчувственно, — сказала мисс Прескотт.

— Да, именно так, — согласилась мисс Марпл и

деликатно спросила: — Но, может быть, там были какие-то деньги?

— О, я, конечно, не знаю, у него теперь такая маленькая шутка, возможно, вы ее слыхали, что теперешняя его жена вроде как его удача…

— Да, я слыхала, — вставила мисс Марпл.

— И поэтому некоторые думают, будто бы он женился на богачке. Что греха таить, — добавила мисс Прескотт, стараясь быть беспристрастной, — она, конечно, красавица, если такой тип вам по вкусу. Но сама-то я думаю, что если у кого и были деньги, так это у первой жены.

— А Хиллингдоны тоже богаты?

— Я думаю, что да, то есть я не хочу сказать, что они миллионеры, но они состоятельные люди. Насколько я знаю, у них двое сыновей в интернате и прелестное поместье в Англии. Они путешествуют почти всю зиму.

В этот момент возник неугомонный священник, и мисс Прескотт встала, чтобы подойти к брату. Мисс Марпл осталась сидеть.

Минутой позже мимо нее прошел Грегори Дайсон. Большими шагами он направился к отелю. Он весело помахал ей рукой и крикнул:

— О чем это вы задумались?

Мисс Марпл улыбнулась, представив себе, что

было бы, скажи она ему: «Я просто думаю, а что, если вы убийца».

Вполне вероятным казалось, что так и есть. Все как раз совпадало: и смерть первой миссис Дайсон, и то, что майор Полгрейв рассказывал именно про женоубийцу с особой ссылкой на «новобрачных в ванной».

Да, многое совпадало, даже слишком, и поэтому вызывало недоверие. И опять мисс Марпл порицала себя за эти мысли — да кто она такая, чтобы требовать убийц к ответу?

Чей-то хриплый голос заставил ее вздрогнуть.

— Вы не видали Грега, мисс… э…

Мисс Марпл подумала, что Лаки была не в лучшем настроении.

— Он только что прошел к отелю.

— А, черт, — сердито воскликнула Лаки и поспешно удалилась.

«Сорок, не меньше, и сейчас это видно», — подумала мисс Марпл, и ею овладела жалость, жалость ко всем Лаки на свете, которые так беззащитны перед временем.

Позади нее раздался какой-то шум, и она развернула стул.

В сопровождении Джексона совершалось утреннее явление мистера Рейфила.

Джексон суетился, устраивая своего хозяина в инвалидном кресле. Мистер Рейфил, нетерпеливо махнув рукой, отправил прочь слугу, и тот скрылся по направлению к отелю.

Мисс Марпл не теряла времени — мистер Рейфил никогда не оставался один надолго, и скоро, вероятно, появится Эстер Уолтерс, а мисс Марпл хотела перемолвиться с ним словечком наедине. И теперь она решила, что час ее настал. Ей нужно было сообразить немедля, что ему сказать, поскольку времени на подготовку не было, а мистер Рейфил не тот человек, который станет слушать пустопорожнюю болтовню. Почувствовав себя жертвой ее посягательств, он бы опять укрылся у себя в бунгало, и мисс Марпл решила грянуть без обиняков.

Приблизившись к нему, она села и сказала:

— Я хочу попросить вас кое о чем, мистер Рейфил.

— Давайте, давайте, — ответствовал тот. — Что вам угодно? Я так думаю, подписку? На миссионерство в Африке или на ремонт церкви, что-нибудь этакое?

— Да, — сказала мисс Марпл, — естественно, что некоторые подобные вещи меня интересуют, и я буду просто счастлива, если вы подпишетесь,

но сейчас я прошу не об этом. Скажите мне, рассказывал ли вам майор про убийство?

— Ого, — удивился мистер Рейфил. — Так, значит, он и вам об этом рассказывал? Или, как я понимаю, вы ухватились за это двумя руками.

— Не знаю, что и думать, — ответила мисс Марпл. — А что именно майор вам рассказывал?

— Да болтал о каком-то прелестном создании. Чуть ли не новая Лукреция Борджиа. Молодая, прекрасная, златовласая, ну все при ней.

— О, — сказала мисс Марпл, несколько обескураженная, — и кого же она убила?

— Естественно, своего мужа, — ответил мистер Рейфил. — А вы кого думали?

— Отравила?

— Нет, по-моему, она дала ему снотворного и засунула головой в духовку. Находчивая баба. Потом сказала, что это самоубийство. Она легко отделалась. Без отягчающих обстоятельств, или как там это называется. Так и теперь бывает, если вы красивая баба или какой-нибудь несчастный молодой хулиган, в котором маменька души не чает! Бах!

— А майор вам не показывал снимка?

— Что? Снимка этой бабы? Нет, с чего бы?

Мисс Марпл была обескуражена. Видно, майор

Полгрейв проводил время в разговорах не только про тигров и слонов, в которых он стрелял, но и про убийц, которых он встречал. Возможно, у него был полный набор таких рассказов, и еще один из них был налицо… Она вздрогнула, когда мистер Рейфил внезапно заорал: «Джексон!» Ответа не было.

— Я поищу его? — спросила она, вставая.

— Вы его не найдете. Он только и делает, что лазит под юбки. Нехороший парень. Скверный характер. Однако обслуживает меня здорово.

Она разыскала Джексона в отеле на террасе. Он выпивал с Тимом Кендалом.

— Вас просит мистер Рейфил.

Тот скорчил выразительную гримасу, осушил стакан и поднялся.

— Идти, так идти, — сказал он. — Нет покоя нечестивцу. Я думал, что два телефонных звонка и заказ для диетического меню дадут мне алиби хоть на четверть часа. Но, видно, нет. Спасибо вам, мисс Марпл. Спасибо за выпивку, мистер Кендал, — и он зашагал прочь.

— Жалко парня, — сказал Тим. — Я поставил ему выпить, просто, чтобы подбодрить. Могу я что-нибудь вам предложить, мисс Марпл? Как насчет свежего лимонного сока? Я знаю, вы его

обожаете.

— Спасибо вам, но не сейчас… Я понимаю, ухаживать за кем-нибудь вроде мистера Рейфила весьма утомительно. Инвалиды, как правило, тяжелые люди.

— Да я не только это имел в виду. Если вы хорошо платите, так и выдрючивайтесь на здоровье, — старый Рейфил еще не самое скверное. Я про другое… — он замялся.

Мисс Марпл посмотрела на него с вопросом.

— Ну, как бы это сказать, для него это трудно социально. Люди ведь ужасные снобы, и нет ни одного с таким же положением. Он и не прислуга, и не средний постоялец — во всяком случае, все так думают. Что-то вроде викторианской гувернантки. Даже секретарша, мисс Уолтерс, и та чувствует себя на порядок выше и создает воображаемые препятствия. — Помолчав, Тим добавил с чувством: — Это и в самом деле ужасно, когда считаются даже на отдыхе.

С книгой в руке мимо прошел доктор Грэм и выбрал столик с видом на море.

— Доктор Грэм, судя по нему, чем-то обеспокоен, — заметила мисс Марпл.

— О, мы все тут обеспокоены.

— И вы тоже? Из-за смерти майора?

— Да бог с ним, через это все уже перешагнули и вроде как забыли. Нет, меня беспокоит Молли. Вы знаете что-нибудь про сны?

— Про сны? — удивилась мисс Марпл.

— Да, про плохие. Кошмары, я имею в виду. У нас у всех они бывают время от времени. Можно ли с этим сделать хоть что-нибудь? Может, что-то принимать? Она пробовала снотворное, но говорит, что еще хуже — хочет проснуться и не может.

— А что ей снится?

— Будто кто-то за ней охотится, выслеживает, шпионит, и она не может отделаться от этого чувства, даже когда проснется.

— Но, доктор, наверное…

— Молли настроена против врачей. И слышать не хочет. Ну, я и сам надеюсь, что все пройдет, но мы были так счастливы, и вот буквально на днях… может быть, ее расстроила смерть этого старого Полгрейва. Ее словно подменили с тех пор…

Он встал.

— Пора за дело. Вы уверены, что хотите лимонного соку?

Мисс Марпл покачала головой.

Она сидела, раздумывая. Лицо ее стало серьез-

ным и озабоченным. Она посмотрела на доктора Грэма и вскоре решилась и подошла к его столику.

— Я так виновата перед вами, доктор Грэм, — сказала она.

— В самом деле? — он посмотрел на нее с добродушным удивлением.

Затем он выдвинул стул, и она села.

— Боюсь, что я поступила постыдным образом, — проговорила мисс Марпл. — Я сказала вам заведомую ложь, — и она взглянула на него, полная тревоги и страха.

Нельзя сказать, чтобы доктор Грэм был сражен этим, он только немного изумился:

— Неужели? Ну, ничего, не стоит так беспокоиться.

Ну что ему могла солгать старушка, гадал он. Скрыла свой возраст? Но, насколько он помнил, о возрасте она при нем и не упоминала.

— Ну, давайте послушаем, — произнес он, так как она несомненно желала исповедаться.

— Вы помните, я говорила вам о снимке моего племянника, который я показала майору Полгрейву, а он мне его не вернул?

— Да, да, конечно, помню. Очень жаль, что нам не удалось его найти.

— Это все было не так, — сказала мисс Марпл дрогнувшим голосом.

— Прошу прощенья?

— Это все было не так. Боюсь, я все выдумала.

— Вы это выдумали? — доктор Грэм был несколько раздосадован. — Но зачем?

Мисс Марпл рассказала ему все: про историю с убийцей, и как майор чуть было не показал ей этот снимок, и его внезапное замешательство, и насколько ее все это встревожило, и поэтому она решила во что бы то ни стало посмотреть на эту фотографию.

— И в самом деле, я не вижу сейчас иного выхода, кроме как рассказать об этом вам, — закончила она. — Надеюсь, вы меня простите.

— Значит, вы думали, что он хотел показать вам лицо убийцы?

— Да, — ответила мисс Марпл. — Во всяком случае, из его слов я поняла, что снимок дал ему тот самый человек, который и рассказал об убийце.

— Да, да. И вы, простите, ему поверили?

— Я и сама не знаю, поверила ли я ему в то время, — сказала мисс Марпл, — но, видите ли, как раз на следующий день он умер.

— Да, — ответил доктор Грэм, внезапно пораженный ясностью этой фразы… — На следующий

день он умер.

— А снимок исчез.

Доктор Грэм посмотрел на нее, совершенно не зная, что сказать.

— Извините меня, мисс Марпл, — промолвил он наконец, — но то, что вы рассказали мне сейчас, — это настоящая правда?

— Я не удивляюсь, что вы засомневались, — ответила мисс Марпл. — На вашем месте я бы вела себя так же. Да, это истинная правда. Но я вполне понимаю, что вам придется поверить мне на слово. Я решила, что должна вам рассказать об этом, даже если вы и не поверите.

— Но почему?

— Я так думаю, что вы должны располагать всей имеющейся информацией на случай…

— На какой случай?

— На случай, если вы решитесь предпринять какие-нибудь шаги.

Глава 10
Решение властей

Доктор Грэм находился в административном центре в Джеймстауне. Он сидел за столом напротив своего приятеля Дэвентри, мрачного молодого человека тридцати пяти лет.

— По телефону, Грэм, вы говорили весьма таинственно, — сказал Дэвентри, — что-нибудь из ряда вон выходящее?

— Не знаю, — ответил доктор Грэм, — но я встревожен.

Дэвентри посмотрел на него, кивком заставил замолчать, как только внесли напитки, и беззаботно заговорил о своей недавней рыбалке. Когда слуга вышел, Дэвентри уселся на стул и посмотрел на другого мужчину.

— Ну, а теперь, — сказал он, — выкладывайте.

Доктор Грэм подробно изложил факты, которые не давали ему покоя. Дэвентри присвистнул:

— Понятно. Так вы думаете, что старый Полгрейв, может быть, умер и не сам? То есть вы не уверены, что его смерть была естественной? Кто давал заключение? Робертсон, по-моему. Но у

него ведь никаких сомнений не было?

— Да, но я думаю, на него могло повлиять то, что в ванной обнаружили пузырек с «Безмятежными». Он у меня спрашивал, не говорил ли Полгрейв, что у него была гипертония, и я ответил ему, что нет, поскольку никогда не беседовал с майором на эту тему, но сам он, по всему видать, рассказывал об этом всем остальным. Все вместе: пузырек с таблетками и то, что Полгрейв говорил про гипертонию, настолько совпадало, что не было ни единой причины заподозрить что-нибудь другое. Вывод напрашивался сам собой, но сейчас мне кажется, что он мог быть неверным. Если бы я давал заключение, я бы дал его без всякой задней мысли — все сходилось на том, что он умер от криза. Я бы никогда и не подумал, если б не это странное исчезновение снимка.

— Но послушайте, Грэм, — сказал Дэвентри, — да позволено мне будет сказать, не слишком ли вы доверяетесь россказням старой леди? Вы ведь знаете, что представляют из себя эти старушки. Любую мелочь они в два счета раздуют до невероятности.

— Да, я знаю, я знаю это, — промолвил доктор. — Я сказал себе, что может быть оно и так. Но я не смог убедить себя. Она так точно и подробно

рассказывала.

— Все это кажется мне невероятным домыслом, — сказал Дэвентри. — Какая-то старая леди рассказывает о каком-то снимке, которого нет. Этому я не поддамся. Мне нужно что-нибудь еще, верно? Но единственное, что у нас есть реального — только то, что говорит горничная: пузырька с таблетками в комнате майора за день до его смерти не было. Но на это найдется сотня объяснений. В конце концов, он мог таскать его в кармане.

— Полагаю, что такое возможно.

— Или горничная могла ошибиться и раньше попросту его не замечала.

— И это возможно.

— Ну, и что?

— Но девушка была совершенно уверена, — медленно проговорил Грэм.

— Да, но вы знаете, что жители острова так легко возбудимы, эмоциональны. Им ничего не стоит себя накрутить. Или вы думаете, она знает больше, чем сказала?

— Вполне возможно.

— Вы еще попробуйте из нее что-нибудь вытянуть. Пока у нас не будет ничего конкретного, излишняя суета нам не нужна. Но если он умер не от криза, то, как вы думаете, от чего?

— Теперь всего предостаточно.

— Вы имеете в виду, что не осталось следов?

— Но не все ведь, — сухо сказал доктор Грэм, — так деликатны с полицией, чтобы использовать мышьяк.

— Давайте-ка яснее — на что вы намекаете? В этой бутылочке в самом деле была отрава, и майора убили таким образом?

— Нет, не похоже. Примерно так думает эта девушка, Виктория. Но она все толкует неверно. Если от майора решили избавиться, то, вероятнее всего, ему чего-нибудь подсыпали в вино, а затем, чтобы все было шито-крыто, в комнату подбросили таблетки, которые прописывают при гипертонии, а вокруг распустили слух, что он страдал высоким давлением.

— А кто распустил слух?

— Я пытался выяснить, но безуспешно: это сделали с умом. «А» говорит: «По-моему, мне сказал „В“», спрашиваешь «В», а тот отвечает: «Нет, я не говорил, но, помню, что „С“ упоминал об этом», а «С» говорит, что слышал от нескольких, и одним из них, кажется, был «А», и мы опять возвращаемся на круги своя.

— Значит, кто-то был неглуп?

— Да. И как только выяснилось, что майор умер,

все буквально заговорили о его гипертонии.

— А не проще ли было отравить его и все пустить на самотек?

— Нет. Это значило бы расследование и, скорее всего, вскрытие. А так врач должен был бы просто констатировать смерть и выдать свидетельство, что, кстати, он и сделал.

— Ну и как вы хотите, чтобы я пошел в полицию и предложил бы им вырыть его?

— Но это можно сделать втихую.

— Это у нас-то, в Сент-Оноре? Да вы подумайте! Слухи разойдутся раньше, чем что-то начнется. А, все едино, — вздохнул Дэвентри. — Я так полагаю, что мы что-нибудь придумаем, но, на мой взгляд, — все это дырка от бублика.

— Бога молю, чтобы так и было, — ответил доктор Грэм.

Глава 11
Вечером в «Золотой пальме»

В обеденном зале Молли на нескольких столиках поправила кое-что в сервировке: убрала лишний нож, сдвинула вилку, добавила стакан, другой. Она отступила назад, полюбовалась, вышла на террасу, рассеянно добрела до дальнего угла и остановилась у балюстрады. Скоро явятся гости. Болтовня, смех, вино — все такие веселые и беззаботные. Начнется та самая жизнь, которой она так страстно желала и которая так ей нравилась всего несколько дней назад. А теперь даже Тим встревожен и озабочен. Кажется, он чуточку не в себе. Так важно, чтобы их дело пошло в гору. В конце концов, он вложил в него все, что имел.

«Но нет, не это его беспокоит, — думала Молли. — Он встревожен из-за меня. Но я не вижу, с чего бы ему обо мне беспокоиться». Он то и дело задавал ей какие-то странные вопросы, бросал на нее время от времени быстрые, нервные взгляды. «Но почему? — думала Молли. — Я была осторожна», — подытожила она. Молли не понимала, что с ней творится. Она уже не понимала, когда это

началось, и не могла понять, что же это такое. Неизвестно почему, она стала бояться людей, но что они могли ей сделать?

Она с силой сцепила руки. Повернувшись, наткнулась на Грегори Дайсона, который виновато смотрел на нее, захваченный врасплох.

— Тысячу извинений. Я напугал тебя, малышка?

Молли терпеть не могла, когда ее так называли.

— Я не слышала, как вы подошли, мистер Дайсон, — это заставило меня вздрогнуть.

— Мистер Дайсон? Мы сегодня такие церемонные? Разве мы все здесь не одна большая, счастливая семья? И Эд, и я, и Лаки, и Эвелин, и ты с Тимом, и Эстер, и старый Рейфил. Вся наша команда — это одно счастливое семейство.

«Он уже здорово нализался», — подумала Молли и весело ему улыбнулась.

— О, я иногда бываю степенной дамой, — сказала она беспечно. — Мы с Тимом думаем, что лучше обходиться без панибратства.

— Ого! А мы не хотим быть такими задавакаами! Ну, а теперь, Молли, прелесть моя, выпей со мной.

— Давайте попозже, — сказала Молли, — у меня

еще есть кое-какие дела.

— Не убегай, — он крепко ухватил ее под руку. — А ты красивая девочка, Молли. Надеюсь, Тим понимает, какое счастье ему привалило?

— Как я вижу, да, — ответила она весело.

— Я бы пошел за тобой, знаешь ли, хоть на край света, — он пожирал ее глазами. — Однако не хотел бы я, чтобы моя жена меня сейчас слышала.

— А как ваш сегодняшний поход? Удачен?

— Думаю, что да. Между нами, от здешних птичек и бабочек можно офонареть. Что ты скажешь, если мы как-нибудь устроим вдвоем пикничок?

— Мы еще об этом подумаем, — смеясь, ответила Молли. — Я вся уже горю от нетерпения.

С коротким смешком она вырвалась от него и вернулась в бар.

— Привет, Молли, — сказал Тим, — ты, кажется, торопилась? Кто это был с тобой?

— Грегори Дайсон.

— Чего ему надо?

— Хотел поклеиться.

— Черт бы его побрал.

— Успокойся, — ответила Молли, — я ему еще устрою.

Тим собрался спросить ее о чем-то, но, увидев Фернандо, направился к нему, отдавая на ходу

какие-то приказания. Проскользнув через кухню, Молли спустилась по ступенькам к пляжу.

Грегори Дайсон тихонько чертыхнулся и медленно пошел к своему бунгало. Почти на подходе его окликнул голос, раздавшийся в тени кустов. Он испуганно обернулся. На какую-то секунду он подумал, уж не призрак ли это стоит перед ним в густом сумраке? Потом расхохотался. Просто платье было белым, а лицо черным, и фигура казалась обезглавленным призраком.

Виктория выступила из кустов на тропинку.

— Мистер Дайсон, можно вас?

— Да. Что такое?

— Я принесла вам вот это, сэр, — она держала на ладони пузырек с таблетками. — Это ведь ваше, верно?

— О, мои таблетки… Хорошо. Где ты их нашла?

— Я нашла их там, куда их положили. В комнате у джентльмена, который помер, — и она добавила мрачно: — Не думаю, чтобы ему теперь спалось хорошо в могиле.

— А почему бы, черт возьми, и нет? — спросил Дайсон.

Виктория стояла, взирая на него.

— Я не понимаю… Ты хочешь сказать, что нашла этот пузырек в бунгало майора Полгрейва?

— Да, правильно. Когда доктор и люди из Джеймстауна уходили, они отдали мне, чтобы выбросить все, что было в ванной. И зубную пасту, и лосьоны, и всякие другие вещи, и вот это.

— Ну и почему же ты это не выбросила?

— Потому что это ваше. Вы их потеряли. Помните, вы про них еще спрашивали?

— А, да… спрашивал. Я… я думал, что просто засунул их куда-то.

— Нет, вы никуда их не засовывали. Их стащили из вашего бунгало и подбросили в бунгало майора.

— А ты откуда знаешь? — спросил он грубо.

— Я знаю. Я видела. — Она улыбнулась ему, сверкнув зубами. — Кое-кто положил их в комнату покойного джентльмена. А сейчас я их возвращаю вам.

— Погоди-ка, о чем это ты говоришь? Что… кого ты видела?

Но она уже исчезла в темноте среди кустов. Грег, было, двинулся за ней, но потом остановился, поглаживая подбородок.

— В чем дело, Грег, увидел привидение? — спросила миссис Дайсон, выходя из бунгало.

— Просто задумался.

— С кем это ты здесь трепался?

— С одной цветной горничной из отеля. Как же ее зовут? Виктория, кажется…

— Что она хочет? Она к тебе лезла?

— Не будь дурой, Лаки. У этой девчонки в голове идиотская идея.

— Какая идея?

— Ты помнишь, я как-то не мог найти свои «Безмятежные».

— Ты говорил, что не можешь найти их.

— На что ты намекаешь?

— Господи, какого черта ты ко всему цепляешься?

— Извини, — сказал Грег, — все тут ходят такие жутко таинственные. — В ладони у него был пузырек с таблетками. — Эта девчонка мне их вернула.

— Она их сперла, что ли?

— Нет. По-моему, она их где-то нашла.

— Ну и что из этого? Что тут таинственного?

— Да, ничего, — ответил Грег, — просто она рассердила меня, вот и все.

— Послушай, Грег, что за чушь собачья? Пойдем-ка лучше выпьем перед ужином.

Молли спустилась на пляж, вытащила плетеный стул, самый шаткий и редко используемый, села лицом к морю и, уронив голову на руки,

залилась слезами. Какое-то время она рыдала вовсю, потом, заслышав шорох, остановилась, торопливо подняла глаза и увидела миссис Хиллингдон, которая смотрела на нее сверху.

— Привет, Эвелин. Я вас не слышала… Я… я извиняюсь.

— В чем дело, деточка? — спросила Эвелин. — Что-нибудь случилось? — она села рядом с ней. — Расскажи мне.

— Нет, ничего, — ответила Молли, — все в порядке.

— Ну, конечно же, что-то случилось, иначе ты не сидела бы здесь и не плакала. Ты не хочешь мне рассказывать? Вы с Тимом поссорились?

— О, нет.

— Я рада. Вы оба кажетесь такими счастливыми, когда вместе.

— Так же, как и вы, — сказала Молли. — Нам с Тимом всегда казалось удивительным, что вы с Эдвардом до сих пор так любите друг друга после стольких лет брака.

— А, это, — сказала Эвелин. Голос ее прозвучал резко, но Молли не заметила. — Люди ругаются и скандалят, — продолжала она, — и, даже любя друг друга, они все равно ссорятся и не обращают обычно внимания, на людях они или нет. Некото-

рым нравится так жить, и все это ровным счетом ничего не значит.

— Я думаю, это ужасно.

— Откровенно говоря, я тоже, — ответила Эвелин.

— Но, глядя на вас с Эдвардом…

— Нет, Молли, так не пойдет. Я не могу тебе позволить так думать. Мы с Эдвардом… — Она помолчала. — Если хочешь знать правду, мы за последние три года и словом не перемолвились наедине.

— Но что произошло? — спросила Молли.

— Обычная история…

— Что вы имеете в виду? Другая…

— Да, другая женщина. И, я думаю, догадаться тебе труда не составит.

— Вы хотите сказать — миссис Дайсон… Лаки?

Эвелин кивнула.

— Я знаю, они без конца флиртуют друг с другом, — сказала Молли, — но я думала, это просто…

— Просто от настроения, и больше там ничего нет?

— Но почему… — Молли замолкла на несколько секунд. — Почему вы не… я хочу сказать… но мне, наверное, не надо спрашивать.

— Спрашивай все, что хочешь, — ответила

Эвелин. — Я устала молчать, устала быть добродетельной женой. Эдвард из-за Лаки совсем потерял голову. Он был достаточно глуп, когда пришел ко мне и все выложил. Ему, видимо, стало легче. Он ведь честный, благородный! Так он считает. Но ему и в голову не пришло, каково будет мне.

— Он хотел вас оставить?

Эвелин покачала головой.

— Ты знаешь, у нас двое детей, которых мы оба очень любим. Они в Англии. Мы не хотели ломать семью. К тому же Лаки не захочет развода. От первой жены Грегу достались большие деньги, и теперь он очень богат. Так мы и живем — Эдвард и Лаки во счастливое грехе, Грег в блаженном неведении, а мы с Эдвардом, как добрые друзья, — она говорила с горечью.

— Но как вы можете все это терпеть?

— Каждому свое. Но порой…

— Да? — сказала Молли.

— Порой мне хочется убить эту женщину.

Страстность, прозвучавшая в ее голосе, напугала Молли.

— Не будем больше говорить обо мне, — сказала Эвелин. — Поговорим о тебе. Я хочу знать, что случилось.

Немного помолчав, Молли проговорила:

— Просто… Просто, по-моему, со мной не все в порядке.

— Не все в порядке? Что ты подразумеваешь?

Молли грустно покачала головой.

— Я боюсь, — ответила она, — я безумно боюсь.

— Боишься чего?

— Всего, — сказала Молли. — На меня находит… Голоса в кустах, шаги, или люди говорят что-то… Будто кто-то следит за мной все время, шпионит, ненавидит меня.

— Деточка моя дорогая, — Эвелин была потрясена и напугана. — Когда все это началось?

— Я не знаю. Это появилось… это началось постепенно, и всякое другое тоже.

— Что именно?

— Временами, — медленно проговорила Молли, — я не могу ничего сосчитать, не могу вспомнить.

— Ты хочешь сказать, что у тебя бывают провалы в памяти?

— Я думаю, да. Иногда бывает, что, скажем, в пять часов я… я никак не могу вспомнить, что было с половины второго или третьего.

— О, дорогая моя, ты просто не высыпаешься и дремлешь на ходу.

— Нет, — сказала Молли, — это совсем не так,

потому что, видите ли, когда это проходит, это не то, как если бы я просто задремала. Я оказываюсь в другом месте. Иногда на мне надето что-то совсем другое, иногда я вроде бы что-то делаю, даже разговариваю с кем-то и не помню, как это получилось.

Эвелин была совершенно потрясена.

— Но, Молли, дорогая, если это так, то тебе нужно показаться врачу.

— Я не хочу идти к врачу, не хочу, я к нему близко не подойду!

Эвелин посмотрела ей в лицо и взяла руки девушки в свои.

— Может быть, ты боишься из-за чепухи, Молли. Ты же знаешь, что любые нервные расстройства совершенно неопасны. Любой врач довольно скоро переубедит тебя.

— Он не сможет. А если он скажет, что у меня и правда что-нибудь серьезное?

— Ну почему у тебя должно быть что-нибудь серьезное?

— А потому, — начала Молли и замолчала: — нет никаких причин, я понимаю, — сказала она.

— А не мог бы кто-нибудь из твоей семьи… У тебя ведь есть семья: мать или сестры? Не мог бы кто-нибудь из них сюда приехать?

— Я не вижусь с моей матерью и никогда не буду. У меня есть сестры. Они, правда, замужем, но, наверное, смогли бы приехать, если я попрошу. Но я не хочу! Мне никто не нужен, кроме Тима!

— А ты говорила с Тимом? Он знает об этом?

— В общем-то, нет, — ответила Молли, — но он все время наблюдает за мной и очень тревожится, словно пытается помочь или защитить. Но если он пытается, значит, так и нужно. Мне ведь нужна защита, верно?

— Я думаю, многое может быть одним воображением, но я точно уверена, что ты должна показаться врачу.

— Старому Грэму? Но он не особо хороший врач.

— Но ведь на острове есть и другие врачи.

— Да все и так в порядке, правда, — сказала Молли. — Просто думать об этом не нужно. Я уверена, как вы и сказали, что все это одно воображение. О, господи, как поздно!.. Мне нужно быть уже в зале. Я… я должна немедленно вернуться.

Она почти с неприязнью посмотрела на Эвелин Хиллингдон и поспешно скрылась из виду. Эвелин долго смотрела ей вслед.

Глава 12
Длинные тени прошлого

— Эй, парень, я думаю, что я кое-что знаю.

— О чем это ты говоришь, Виктория?

— Я знаю кое-что. А это значит деньги. Большие деньги.

— Смотри, девочка, будь осторожна. Сама не впутайся. Может, я лучше разберу, что к чему.

Виктория засмеялась грудным довольным смехом.

— Ты жди и смотри, — сказала она. — Я уж не дам маху. Это деньги, парень, большие деньги. Кое-что я вижу, кое о чем догадываюсь. И я думаю, что догадка у меня верная.

И опять раскатился в ночи грудной и нежный смех.

— Эвелин…

— Да?

Эвелин ответила машинально, не глядя на мужа.

— Эвелин, что ты скажешь, если мы бросим все это и вернемся домой в Англию?

Она расчесывала свои короткие темные воло-

сы и сейчас же, резко отведя руку, обернулась к нему:

— Ты хочешь сказать… Но мы ведь только что приехали. Мы пробыли на островах от силы недели три.

— Я знаю, но что ты на это скажешь?

Ее глаза испытующе и недоверчиво следили за ним.

— Ты в самом деле хочешь вернуться домой в Англию?

— Да.

— Оставив Лаки?

Он болезненно поморщился.

— Полагаю, ты все время знала, что это… продолжается?

— Да. Превосходно знала.

— Ты ни разу ничего не сказала.

— А зачем? Все это у нас уже было несколько лет назад. Мы оба не захотели разрыва. Мы решили, что будем жить раздельно, но на людях не подавать виду, — и она прибавила прежде, чем он смог ответить: — Но почему ты решил вернуться именно сейчас?

— Потому, что я вот-вот сорвусь! Эвелин, я не могу здесь больше торчать, не могу!

Уравновешенный Эдвард Хиллингдон был

теперь на себя не похож. Он задыхался, руки его тряслись, а спокойное, обычно бесстрастное лицо казалось перекошенным от боли.

— Бога ради, Эдвард, что случилось?

— Ничего. Я просто хочу убраться отсюда.

— Ты безумно любил Лаки, и теперь это кончилось? Ты об этом говоришь?

— Да… Не думаю, что и ты будешь вечно чувствовать одно и то же.

— О, давай не будем сейчас об этом. Я хочу понять, Эдвард, что тебя так сильно расстраивает.

— Я особенно и не расстроен.

— Но на тебе лица нет. Почему?

— Разве не ясно?

— Нет, не ясно, — сказала Эвелин. — Давай говорить без обиняков. У тебя была интрижка с женщиной. Это случается довольно часто. Теперь это кончилось. Или нет? Может, с ее стороны еще не все кончено? Я часто думала, знает ли об этом Грег.

— Не знаю, — сказал Эдвард. — Он никогда ничего не говорит и с виду кажется вполне дружелюбным.

— Мужчины бывают невероятно бестолковы, — задумчиво проговорила Эвелин. — А, кстати, возможно, у Грега есть интерес на стороне…

— Он ведь приставал к тебе, разве нет? — сказал Эдвард. — Ответь мне. Я знаю, что приставал.

— А, да, — небрежно сказала Эвелин, — но ведь он липнет ко всем подряд. Это же Грег. На самом деле, как я понимаю, это все ровным счетом ничего не значит. Он просто доказывает свои мужские достоинства.

— Ты им увлечена? Я ведь чувствую, Эвелин.

— Грегом? Я его обожаю, и он меня забавляет. Он верный друг.

— И это все? Хотел бы я тебе верить.

— Я не могу понять, какое тебе до этого дело, — сухо сказала Эвелин.

— Я знаю, что заслужил это.

Эвелин подошла к окну:

— Я хотела бы знать, что именно тебя расстраивает, Эдвард.

— Я уже сказал тебе.

— Странно.

— Ты, видимо, не можешь понять, что после того, как все кончено, это кажется безумием.

— Я попробую. Но меня беспокоит сейчас другое. Лаки, кажется, вцепилась в тебя намертво. А она ведь не просто так себе, отвергнутая любовница. Она тигрица с крепкими коготками. Ты должен сказать мне правду, Эдвард. Это единственная

возможность, если ты хочешь удержать меня.

— Если я не уберусь от нее подальше, я убью ее, — ответил он хрипло.

— Ты убьешь Лаки? Но почему?

— Потому что она заставила меня сделать…

— Что она заставила тебя сделать?

— Я помог ей совершить убийство.

Наступило долгое молчание. Эвелин смотрела на него во все глаза.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Да, но я тогда ничего не знал. Она попросила меня получить для нее у аптекаря какое-то лекарство. Я не знал… У меня и в мыслях не было, зачем ей это нужно. Она уговорила меня скопировать рецепт, который у нее был…

— Когда это случилось?

— Четыре года назад, когда мы были на Мартинике. Когда… Когда у Грега жена…

— Ты имеешь в виду, Гейл, его первую жену, и хочешь сказать, что Лаки ее отравила?

— Да. И я помог ей. А когда я понял…

Эвелин прервала его:

— А когда ты понял, что Лаки, указав на тебя, сказала, что вы замешаны оба, потому что это ты подделал рецепт и доставал отраву? Правильно?

— Да. Она сказала, что сделала это из жалости:

Гейл так страдала и сама упросила, чтобы Лаки дала ей что-нибудь, и все кончилось.

— А, убийство из милосердия! И ты ей поверил?

Эдвард Хиллингдон помолчал и сказал:

— Нет… Не в глубине… Я, скорее, хотел верить, потому что был совершенно без ума от Лаки.

— А потом, когда она вышла за Грега, ты еще верил этому?

— Я заставлял себя верить.

— А Грег, как много он обо всем этом знает?

— Абсолютно ничего.

— Ну, в это я с трудом поверю!

Эдвард Хиллингдон взорвался.

— Эвелин, мне нужно избавиться от всего этого! Она смеется мне в лицо! Эта женщина знает, что я не люблю ее больше. Я не хочу ее и вот-вот возненавижу, но она все время дает мне почувствовать, что мы повязаны…

Эвелин ходила взад и вперед по комнате, затем она остановилась прямо перед ним.

— А все оттого, Эдвард, — сказала она, — что ты невероятно внушаем и чувствителен до нелепости. Эта чертова баба заполучила тебя, играя на твоем комплексе вины, и я скажу тебе по-библейски, что грех, который тяготит тебя, — это грех не

убийства, а прелюбодеяния. Ты чувствовал себя виноватым во время твоей интрижки с Лаки, потом она сделала тебя своим орудием, замыслив убийство, и ухитрилась сделать тебя ответственным за него. Но ты не виновен.

— Эвелин, — он шагнул к ней.

Она чуть-чуть отступила, испытующе глядя на него.

— Это все правда, Эдвард, скажи? Или ты меня разыгрываешь?

— Эвелин! Чего ради я бы стал это делать?

— Откуда я знаю, — проговорила она медленно. — Такое тоже возможно… потому что мне трудно поверить. И потом… О, я не знаю… Видишь ли, я ведь не знаю, где правда, когда я все это слушаю.

— Давай все бросим и вернемся домой. В Англию.

— Да. Мы вернемся. Но не сейчас.

— Почему?

— Мы должны вести себя, как обычно, особенно теперь. Это очень важно, ты понимаешь меня, Эдвард? Не давай Лаки ни малейшего подозрения на то, что мы замышляем…

Глава 13
Виктория Джонсон

Вечер близился к концу. Джаз-банд собирал последние силы. Тим погасил несколько ламп на освободившихся столиках и теперь стоял, глядя на террасу.

— Тим, можно вас на минутку? — раздался голос позади него.

Тим Кендал вздрогнул.

— А, привет, Эвелин, чем могу служить?

Эвелин посмотрела по сторонам.

— Пойдемте за тот столик и на минутку присядем.

Она прошла к столику в самом конце террасы. Поблизости никого не было.

— Тим, вы должны простить меня за этот разговор, но меня тревожит Молли.

Тим сразу переменился в лице.

— А что такое с Молли? — натянуто спросил он.

— По-моему, она расстроена.

— В последнее время она легко расстраивается от всякой всячины.

— Я считаю, что ее нужно показать врачу.

— Да, я знаю, но она ни за что не захочет, она терпеть этого не может.

— Почему?

— Ну видите ли, — произнес Тим неопределенно, — у людей иногда бывает такое… Ну… такое, что заставляет их бояться за себя.

— Но вы же сами за нее тревожитесь, Тим.

— Да.

— А нет ли кого-нибудь из ее семьи, кто мог бы приехать сюда и побыть с ней?

— Нет, от этого будет только хуже, гораздо хуже.

— Простите, у нее с семьей какие-то нелады?

— Да все обычно. Я так думаю, она с ними в натянутых отношениях, она их видеть не хочет, особенно свою мать. Она с ней никогда не видится. В некотором роде это довольно странная семья. Она порвала с ними и, я думаю, хорошо сделала.

— Из того, что она сказал мне, — нерешительно проговорила Эвелин, — кажется, у нее бывают провалы в памяти, и она боится людей. Очень похоже на манию преследования.

— Не говорите так, — сердито произнес Тим. — Надо же, мания преследования! Легко говорить

о других! И все только из-за того, что она… ну, может быть, чуточку нервная. Она недавно сюда приехала, здесь одни черные лица, а вы знаете, что у людей бывают довольно странные представления о Вест-Индии и о цветных.

— Но не у таких девушек, как Молли?

— Да разве узнаешь, кто чего боится? Есть люди, которые не могут находиться в одной комнате с кошкой, с другими случается обморок, если на них упадет гусеница…

— Я сама не выношу подобных намеков, но не кажется ли вам, что ее стоит показать… ну… психиатру?

— Нет, — ответил Тим гневно. — Я не хочу, чтобы подобные люди измывались над ней, я им не верю! От них не жди ничего хорошего. Если бы психиатры оставили в покое ее мать…

— Значит, у них в семье было подобное?.. Я имею в виду наличие… — она тщательно подыскивала слово, — неуравновешенности.

— Я не хочу говорить об этом. Я забрал ее оттуда, и с ней все было хорошо, совсем хорошо. У нее просто нервы. Но это не наследственное. Все сейчас про это знают. Это не бог весть что. У Молли прекрасное здоровье. А это так… О, по-моему, все началось, как только умер этот несчастный

Полгрейв.

— Понимаю, — задумчиво сказала Эвелин, — но ведь, по-моему, в самой этой смерти нет особых причин для беспокойства.

— Да конечно же нет. Но бывает, что происходит какой-то шок, если кто-нибудь внезапно умирает.

На лице его читалось такое безнадежное отчаяние, что у Эвелин защемило сердце. Она положила ему руку на плечо.

— Ну что ж, я надеюсь, вам виднее, Тим. Но если я могу как-нибудь помочь, я могла бы отправиться с Молли в Нью-Йорк, полететь с ней туда или в Майами, или еще куда-нибудь, где можно найти первоклассного специалиста.

— Вы очень добры, Эвелин, но у Молли все в порядке. У нее это само как-нибудь пройдет.

Эвелин с сомнением покачала головой. Она медленно повернула назад, скользя глазами по краю террасы. Большинство гостей уже разошлись. Эвелин подошла к своему столу посмотреть, не забыла ли она там что-нибудь и вдруг услышала возглас Тима. Она быстро обернулась. Широко раскрыв глаза, он смотрел в конец террасы, туда, где начиналась лестница. Она последовала за его взглядом, и в следующую секунду у нее перехва-

тило дыхание.

По ступенькам поднималась Молли. Ее качало из стороны в сторону, она коротко всхлипывала.

— Молли, что случилось? — закричал Тим.

Он подбежал к ней, и следом за ним — Эвелин. Молли уже стояла на последней ступеньке, пряча руки за спину. Коротко всхлипывая, она заговорила:

— Я нашла ее… Она там в кустах… Там в кустах… Вы посмотрите на мои руки. Посмотрите на мои руки.

Она протянула их, и Эвелин задохнулась, увидев странные темные пятна.

— Что случилось, Молли? — кричал Тим.

— Там, внизу… — сказала Молли. Она покачнулась. — В кустах…

Тим, поколебавшись, взглянул на Эвелин, легонько подтолкнул к ней Молли и побежал вниз по лестнице. Эвелин обняла девушку.

— Пойдем, пойдем. Теперь садись. Садись, Молли. Вот сюда. Тебе нужно чего-нибудь выпить.

Молли рухнула на стул и, скрестив на столе руки, уронила на них голову. Эвелин сказала мягко:

— Ты же знаешь, все будет хорошо. Вот увидишь, все уладится.

— Я не знаю, — заговорила Молли, — я не знаю, что произошло. Я ничего не знаю… Я не могу вспомнить… Я… — она вдруг подняла голову, — что такое со мной случилось? Что со мной происходит?

— Все в порядке, деточка, все хорошо.

По лестнице медленно поднялся Тим. Лицо его было мертвенно бледным. Эвелин взглянула на него и вопросительно подняла брови.

— Это одна из наших горничных, — сказал он, отвечая на немой вопрос. — Как же ее зовут-то? А, Виктория… Кто-то всадил в нее нож.

Глава 14
Дознание

Миссис Кендал лежала в кровати, с одной стороны которой стояли доктор Грэм и доктор Робертсон из Вест-Индской полиции, а с другой — Тим. Робертсон держал руку на пульсе у девушки. Он кивнул стройному темноволосому человеку, стоявшему у нее в ногах. Это был инспектор Уэстон из полицейского управления Сент-Оноре.

— Два-три слова, не больше, — предупредил врач. Тот кивнул.

— А теперь, миссис Кендал, просто скажите нам, как вы обнаружили эту девушку.

Несколько мгновений казалось, что неподвижная фигура на постели ничего не слышит. Затем она едва слышно произнесла.

— Белое… в кустах.

— Вы увидели что-то белое и стали рассматривать, чтобы понять, что это такое? Правильно?

— Да… Белое… там лежало… Я пыталась… пыталась поднять… а она это… в крови… у меня все руки в крови…

Ее начало трясти.

Доктор Грэм покачал головой, и Робертсон прошептал:

— Она больше не может.

— А что вы делали на дорожке, миссис Кендал?

— Тепло… приятно… море рядом…

— Вы узнали эту девушку?

— Виктория… милая… милая такая… смеется… она всегда смеялась… о, а теперь не будет… она больше никогда не засмеется… Я никогда этого не забуду… Никогда! — Она была близка к истерике.

— Молли, не надо! — вмешался Тим.

— Успокойтесь, успокойтесь. — Доктор Робертсон говорил с мягкой настойчивостью. — Просто расслабьтесь. Расслабьтесь. Ну, а теперь — маленький укольчик… — Он взял шприц. — Она не в состоянии отвечать на вопросы еще, по меньшей мере, сутки, — сказал он и добавил: — Я дам вам знать.

Крупный красивый негр смотрел на двух мужчин, сидевших за столом, переводя взгляд с одного на другого.

— Перед богом клянусь, — уверял он, — это все, что я знаю.

На лбу у него выступила испарина. Дэвентри вздохнул. Инспектор Уэстон из полиции Сент-Оноре, ведущий расследование, подал знак

отпустить, и большой Джим Эллис, шаркая, вышел из комнаты.

— Это, конечно, не все, что он знает, — сказал инспектор. Он говорил в мягкой островной манере. — Но больше мы от него ничего не добьемся.

— А с ним самим, вы думаете, все чисто? — спросил Дэвентри.

— Да. Они, кажется, прекрасно ладили.

— Они не были женаты?

Лейтенант Уэстон едва заметно улыбнулся.

— Нет, — ответил он, — они не были женаты. У нас на острове не так уж часто женятся, хотя детей они и крестят. У них двое детей с Викторией.

— Вы не думаете, что он был замешан в этом?

— Вероятнее всего, нет. Я думаю, он просто нервничал, и я бы сказал, что и она знала не особенно много.

— Но для шантажа достаточно?

— Да, и это называть так не стоит. Не думаю, чтобы она и слово такое знала. Плата за молчание и шантаж — это ведь разные вещи. Видите ли, здесь отдыхают компании богатых бездельников, и они не страдают от любопытства, — голос его стал жестче.

— Да, я согласен, у нас тут всего достаточно, — сказал Дэвентри. — Женщина, которая ночует не

у себя, возможно, не хочет, чтобы об этом знали, и в результате она делает какой-нибудь подарок горничной, и обеим ясно без слов, что она платит за молчание.

— Именно так.

— Но здесь, — возразил Дэвентри, — совсем другое дело. Это же убийство.

— Я бы удивился, если бы девушка узнала что-нибудь серьезное. Она, вероятно, знала что-то… по-видимому, связанное с этим пузырьком. Как я понял, эти таблетки принадлежат мистеру Дайсону. Лучше мы сейчас на него и посмотрим.

Вошел как всегда добродушный Грегори.

— А вот и я. Чем могу служить? Скверно получилось с этой девочкой. Она была приятная девчонка. Обоим нам нравилась. Небось, какая-нибудь свара с парнем, но по ней не скажешь, что у нее были неприятности, с виду она казалась очень довольной. Всего лишь прошлой ночью мы с ней дурачились.

— По-моему, вы принимаете пилюли под названием «Безмятежные»?

— Совершенно верно, малюсенькие розовые таблеточки.

— Вы получаете их по рецепту терапевта?

— Да. Я могу показать вам, если желаете. У меня

малость повышенное давление, как и у многих в наше время.

— Но, кажется, об этом факте мало кто знает?

— А я и не собираюсь об этом рассказывать. Я-то здоров и всегда был здоровым и крепким. Я не выношу людей, которые всю дорогу говорят про свои болячки.

— Как много таблеток вы принимаете?

— По две три раза в день.

— У вас их с собой достаточно?

— Вполне. У меня с полдюжины пузырьков, но все они, как вы понимаете, заперты в чемодане. Я держу при себе только один, пока не кончится.

— И совсем недавно, как я слышал, вы один такой потеряли?

— Совершенно верно.

— И вы спрашивали у этой девушки, у Виктории Джонсон, не видала ли она пузырек?

— Да, так и было.

— И что она сказала?

— Она сказала, что последний раз его видела на полке в ванной и пообещала поискать.

— И после того?

— Немного позже она пришла и вернула мне пузырек. Она спросила, тот ли это пузырек, который я потерял?

— И вы ответили?

— Я ответил: «Да, совершенно точно, где ты его нашла?» А она сказала, что он был в комнате майора Полгрейва. Я сказал: «С какой стати он там оказался?»

— И что она вам на это ответила?

— Она сказала, что не знает, но… — он замялся.

— Да, мистер Дайсон?

— Ну, она мне дала понять, что знает немного больше, чем говорит, но я не обратил особого внимания. В конце концов, это было не столь важно. Как я вам сказал, у меня с собой было несколько пузырьков, и я подумал, что этот я забыл в ресторане или еще где-нибудь, а старик Полгрейв зачем-то подобрал или, может быть, он просто сунул его в карман, собираясь вернуть при случае, потом забыл.

— И это все, что вы знаете об этом, мистер Дайсон?

— Да, это все, что я знаю. Сожалею, весьма сожалею, но это все. А почему это так важно?

Уэстон пожал плечами.

— Когда происходят подобные вещи, все может иметь значение.

— Не понимаю, при чем здесь таблетки. Я подумал, что вам захотелось узнать про мои

похождения той ночью, когда эту несчастную девчонку зарезали. Я все тут записал как можно более подробно.

Уэстон смотрел на него, раздумывая.

— В самом деле? Вот это с вашей стороны разумно, мистер Дайсон.

— Все хотят застраховаться от неприятностей, — сказал Грег и подтолкнул через стол лист бумаги.

Уэстон взял лист и стал изучать. Дэвентри пододвинул стул поближе и заглянул через его плечо.

— Кажется, тут все ясно, — сказал через пару минут Уэстон. — До десяти минут девятого вы с женой переодевались к ужину у себя в бунгало. Затем пошли на террасу, где выпили с сеньорой де Каспеаро. В четверть десятого к вам присоединились Хиллингдоны, и вы все отправились ужинать. Спать, если вы не ошибаетесь, отправились в половине двенадцатого.

— Точно, — ответил Грег. — Я не знаю, правда, в какое время была убита девушка…

Интонация его прозвучала вопросительно, но лейтенант Уэстон и виду не подал, что заметил это.

— Как я понял, ее нашла миссис Кендал? Должно быть, для нее это кошмарный шок.

— Да. Доктор Робертсон держит ее на седативах.

— Это случилось довольно поздно, вероятно, многие уже разошлись спать?

— Да.

— А она давно была убита, в смысле, когда ее нашла миссис Кендал?

— Мы еще не установили точное время, — вкрадчиво отвечал Уэстон.

— Бедная маленькая Молли. Это, должно быть, для нее очень скверно. Фактически я не видел ее прошлой ночью. Хотя у нее, наверное, разболелась голова, и она могла пойти и лечь.

— А когда в последний раз вы видели миссис Кендал?

— О, довольно рано, перед тем, как я пошел переодеться. Она увлеченно занималась сервировкой, по-моему, перекладывала ножи.

— Ясно.

— Она была такая веселая, шутила, ну и прочее. Потрясающая девчонка! Мы все прямо без нее жить не можем. Тим — попросту счастливчик.

— Ну, спасибо вам, мистер Дайсон. Вы больше ничего не вспомнили из того, что сказала эта девушка, Виктория, когда возвратила вам таблетки?

— Нет… Я все сказал. Она спросила меня, те ли это таблетки, которые я искал, и прибавила, что нашла их в комнате старика Полгрейва.

— Она не предполагала, кто бы их мог туда положить?

— Нет, не думаю. В самом деле не помню.

— Благодарим вас, мистер Дайсон.

Грегори вышел.

— Он слишком заинтересован, — сказал Уэстон, легонько щелкнув ногтем по листку бумаги, — чтобы мы точно знали, где он был вчера ночью.

— Несколько сверх заинтересован, вы думаете?

— Трудно сказать. Вы же знаете, что некоторые люди сразу выстраивают самозащиту, чтобы ни во что не впутаться, поэтому они, естественно, нервничают. С одной стороны, у них тоже могут быть грехи и это не излишняя предосторожность, а с другой — это может ничего и не значить.

— А что насчет имеющейся возможности? Достаточного алиби ни у кого нет. Оркестр, танцы, хождения туда и сюда. Люди встают, оставляют свои столики, возвращаются, женщины выходят напудрить нос, мужчины — прошвырнуться. Дайсон мог незаметно ускользнуть. Всякий мог исчезнуть незамеченным. А он, кажется, хотел

доказать нам, что никуда не отлучался. — Дэвентри задумчиво посмотрел на лист бумаги. — Итак, миссис Кендал перекладывала на столах ножи, — сказал он. — Не удивлюсь, если он вкрутил нам это с целью.

— Для вас это прозвучало именно так?

— Я полагаю, что это вполне возможно.

За дверью комнаты, где они сидели, поднялся какой-то шум. Высокий пронзительный голос требовал, чтобы его пропустили:

— У меня есть что-то сказать! У меня есть что-то сказать… Пустите меня туда, где джентльмены, пустите меня, где этот полисмен.

Полицейский в форме распахнул дверь.

— Здесь один из поваров, — доложил он. — Очень хочет вас видеть. Говорит, у него для вас есть кое-что.

Отпихнув его, в комнату влетел перепуганный смуглый человек в поварском колпаке. Это был кубинец из отеля, один из младших поваров.

— Я вам что-то расскажу, я вам расскажу, — заговорил он. — Она прошла через кухню. Она пошла и у нее был нож! Нож, я вам скажу. У нее в руках был нож! Она прошла через кухню и вышла в дверь, которая в сад. Я сам ее видел!

— Ну, а теперь спокойнее, — сказал Дэвентри,

— спокойнее. О ком ты говоришь?

— Я расскажу вам, о ком я говорю. Я говорю о жене босса, миссис Кендал. Я о ней говорю. У нее был нож в руках, и она ушла в темноту. Это было перед ужином, и она не вернулась!

Глава 15
Дознание продолжается

— Могу я с вами переговорить, мистер Кендал?

— Да, пожалуйста, — Тим поднял глаза от конторки.

Он отодвинул в сторону бумаги и предложил сесть. Лицо его было несчастным и осунувшимся.

— Как ваши успехи? Нашли кого-нибудь? Над этим отелем прямо рок какой-то. Знаете, гости уже выясняют расписание самолетов. А казалось, все так удачно складывается. О, боже мой, ведь вы и представить себе не можете, что все это значит для нас с Молли! Мы же все поставили на карту!

— Я знаю, вам сейчас очень тяжело, — сказал инспектор Уэстон. — Мы вам вполне сочувствуем.

— Хоть бы все поскорее выяснилось, — сказал Тим. — Эта злополучная девчонка, Виктория… О, мне не нужно бы так говорить о ней… Она была очень работящая, Виктория. Но здесь должна быть какая-то совсем простая причина, что-нибудь вроде романа или интрижки. Возможно,

ее муж…

— Джим Эллис не был ее мужем, по-видимому, они просто жили вместе.

— Хоть бы все скорее выяснилось, — повторил Тим. — Извините, вы хотели о чем-то спросить меня.

— Да. О вчерашнем вечере. Согласно медицинскому заключению, Виктория Джонсон была убита между десятью тридцатью и полуночью. Алиби при сложившихся обстоятельствах доказывать очень нелегко. Люди танцуют, перемещаются, спускаются с террасы, возвращаются назад. Выяснить что-либо очень трудно.

— Полагаю, что так. Но вы определенно считаете, что Виктория была убита одним из гостей?

— Ну, мы учитываем и эту возможность, мистер Кендал. Но вас я бы особенно хотел спросить о заявлении одного из ваших поваров.

— Да? Который? Что он говорит?

— Я понял, что он кубинец.

— У нас двое кубинцев и пуэрториканец.

— Этот человек по имени Энрико заявляет, что ваша жена прошла из ресторана через кухню и вышла в сад, имея при себе нож.

Тим широко раскрыл глаза.

— Молли, с ножом? Да с чего это вы взяли? То

есть, я хочу сказать, вы ведь не думаете?.. На что это вы намекаете?

— Я говорю о времени перед ужином, когда народ еще не собрался. Я полагаю, что было около восьми тридцати. Сами вы находились в зале и говорили о чем-то с метрдотелем Фернандо, так?

— Да, — Тим сосредоточился, — я помню.

— И ваша жена вышла на террасу?

— Да, — согласился Тим. — Она всегда выходит проверить сервировку. Иногда официанты могут положить что-нибудь не так, забыть, например, какие-нибудь ножи. Вероятнее всего, так и было. Наверное, она как раз пересчитывала ножи, и у нее в руках мог остаться лишний нож или, там, ложка.

— Значит, с террасы она прошла в зал. Она говорила с вами?

— Да, мы перебросились парой слов.

— Попробуйте вспомнить, что она сказала.

— По-моему, я спросил ее, с кем это она разговаривает — я слышал снаружи ее голос.

— И она ответила вам, кто это был?

— Грегори Дайсон.

— А, да, он упоминал об этом.

Тим поднялся.

— Я понял, что он к ней приставал. Он вечно к

кому-нибудь цепляется. Меня это разозлило, и я сказал: «Черт бы его побрал!», а Молли засмеялась и ответила, что еще ему покажет. В таких делах она большая умница. Вы ведь знаете, у такой девушки, как Молли, тут довольно сложное положение. Гостей обижать нельзя, но она умеет, с недоумением пожав плечами, просто посмеяться. А Грегори Дайсон не может не распускать рук, если он видит красивую женщину.

— Она с ним повздорила?

— Нет, не думаю. Скорее всего, как я и говорю, она подняла это на смех.

— Вы не могли бы сказать точно, был в руке у нее нож или нет?

— Я не помню… Почти уверен, что не было… Нет, совершенно точно, не было

— Но вы только что сказали…

— Послушайте! Я имел в виду, что когда она была в кухне или в зале, она могла взять какой-нибудь нож. Но я могу вас полностью уверить, что когда она вернулась в зал, у нее в руках ничего не было. Совсем ничего. Это совершенно точно.

— Понятно, — сказал Уэстон.

Тим напряженно смотрел на него.

— К чему, черт возьми, вы клоните? Что сказал этот чертов осел Энрико… Мануэль… как

его там?

— Он сказал, что ваша жена прошла через кухню, она была чем-то расстроена, и в руке у нее был нож.

— Он слишком драматизирует.

— А после этого вы говорили с вашей женой во время ужина или позже?

— Нет, насколько я помню, практически нет. Я был слишком занят.

— А во время ужина она была в зале?

— Я… о, да, мы всегда находимся среди гостей. Приходится за всем присматривать.

— А вы с ней вообще говорили?

— Нет, не думаю. Мы оба, как правило, очень загружены. Даже не всегда замечаем, что делает другой, и времени разговаривать у нас нет.

— Значит, вы совсем не помните, что вы с ней разговаривали до тех пор, пока тремя часами позже она не поднялась на террасу после того, как обнаружила тело?

— Для нее это был страшный шок. Это ее совершенно убило.

— Я знаю. Это весьма непривлекательно. Как она оказалась на тропинке к пляжу?

— После всего этого напряжения за ужином она часто выходит прогуляться. Ну, понимаете, уйти

от гостей и передохнуть немного.

— Когда она вернулась, вы разговаривали с миссис Хиллингдон, насколько я понимаю.

— Да, все остальные уже пошли спать.

— А о чем вы с ней говорили?

— Да ни о чем особенном. А что? Она вам что-нибудь сказала?

— Она еще ничего не сказала: мы ее пока не спрашивали.

— Мы просто болтали о том, о сем: Молли, отель и прочее.

— И затем ваша жена поднялась на террасу и сказала, что произошло?

— Да.

— На руках у нее была кровь?

— Естественно, была! Она же пыталась поднять девчонку, не понимая, что случилось, и больше ничего. Конечно, руки у нее были в крови! Послушайте, на что это вы, черт подери, намекаете? Вы ведь намекаете на что-то?

— Успокойтесь, пожалуйста, — сказал Дэвентри. — Я знаю, Тим, что для вас это величайшая пытка, но нам необходимо выяснить факты. Я так понял, что ваша жена не вполне хорошо себя чувствовала в последнее время?

— Чушь! С ней все в порядке. Просто ее немнож-

ко расстроила смерть майора Полгрейва. Это естественно: она очень впечатлительная.

— Мы бы хотели задать ей несколько вопросов, как только ей станет лучше, — сказал Уэстон.

— Но сейчас вы не имеете права. Доктор дал ей успокоительного и сказал, что ее нельзя тревожить. Я не позволю вам ее волновать и запугивать, слышите?

— Мы не собираемся ее запугивать, — ответил Уэстон. — Нам нужно просто выяснить факты. Сейчас мы не станем ее беспокоить, но как только врач разрешит, мы ее навестим. — Голос его прозвучал мягко, но непреклонно.

Тим посмотрел на него, открыл, было, рот, но ничего не сказал.

Эвелин Хиллингдон, спокойная и сдержанная, как обычно, села на указанный стул. Внимательно выслушав предложенные вопросы, она не торопилась с ответом. Ее темные умные глаза вдумчиво смотрели на Уэстона.

— Да, — сказала она. — Я разговаривала на террасе с мистером Кендалом, когда появилась его жена и сообщила нам об убийстве.

— Вашего мужа там не было?

— Нет, он отправился спать.

— Была ли у вас особая причина для разговора

с мистером Кендалом?

Эвелин подняла свои тонко подведенные брови — это был недвусмысленный упрек, и холодно сказала:

— Что за странный вопрос. Нет, ни о чем конкретном мы не говорили.

— Вы не обсуждали здоровье его жены?

И опять Эвелин не стала торопиться с ответом.

— Сказать по правде, я не помню, — наконец произнесла она.

— Вы уверены в этом?

— В чем, в том, что я не помню? У вас забавная манера задавать вопросы. Нет, не помню, о стольком говоришь всякий раз.

— Как я понял, в последнее время миссис Кендал не очень хорошо себя чувствует.

— Она выглядела вполне здоровой. Возможно, слегка уставшей. Конечно, ведение такого дела требует многих забот, а она совсем неопытна. Так что, естественно, она была несколько возбуждена.

— Возбуждена, — повторил Уэстон. — Значит, вы называете это вот так.

— Возможно, это и старомодное слово, но оно лучше современного жаргона, который мы используем в повседневной жизни: «вирусная

инфекция» вместо «сильной простуды», «нервная озабоченность» вместо «небольшой тревоги».

Ее улыбка заставила Уэстона почувствовать себя несколько не в своей тарелке. Про себя он решил, что Эвелин Хиллингдон — умная женщина. Он посмотрел на Дэвентри, чье неподвижное лицо ничего не выражало.

— Благодарю вас, миссис Хиллингдон, — сказал инспектор Уэстон.

— Мы не стали бы вас беспокоить, миссис Кендал, но нам нужно, чтобы вы просто объяснили, как обнаружили эту девушку. Доктор Грэм говорит, что вы теперь достаточно оправились и можете рассказать об этом.

— О, да, — ответила Молли. — Я уже совсем выздоровела, — она быстро и нервно улыбнулась. — Это был такой шок… Знаете, это было так ужасно…

— Ни минуты в этом не сомневаюсь. Как я понял, вы пошли гулять после ужина?

— Да, я часто так делаю.

Дэвентри отметил, что глаза у нее были неспокойные, а пальцы сжимались и разжимались.

— В котором часу это могло быть, миссис Кендал? — спросил Уэстон.

— Ну, я не знаю толком. Мы не очень следим

за временем.

— Джаз-банд еще играл?

— Да… мне так кажется… Но я не могу точно вспомнить.

— И куда вы пошли?

— По тропинке вдоль пляжа.

— Направо или налево?

— Сначала туда, потом сюда. Я… Я… и сама не замечала…

— А почему вы не замечали, миссис Кендал?

Молли нахмурилась.

— Я… я просто… Ну… я задумалась.

— Задумались о чем-нибудь определенном?

— Нет… Нет, ничего определенного. Ну, просто… что нужно сделать… за чем проследить… в отеле, то есть. — И опять это нервное движение пальцев. — А потом… я заметила что-то белое… Какой-то большой комок… в кустах гибискуса… Я остановилась и… и потрогала… — она судорожно сглотнула. — И это был ее… Виктория… Вся скорченная… и я попробовала поднять ей голову… смотрю… а у меня… на руках… кровь…

Она посмотрела на них и повторила с таким изумлением, словно говоря о чем-то совершенно невероятном:

— У меня на руках… кровь…

— Да, да. Это все ужасно. Вам не стоит больше на этом останавливаться. Сколько времени вы гуляли, пока ее нашли?

— Не знаю… Понятия не имею…

— Полчаса? Час? Или больше?

— Не знаю… — повторила Молли.

Дэвентри спросил как бы между прочим:

— А у вас не было при себе ножа во время… прогулки?

— Ножа? — удивилась Молли. — С чего бы у меня был нож?

— Я спрашиваю только потому, что один из ваших людей сказал, что, когда вы прошли через кухню в сад, у вас в руке был нож.

Молли нахмурилась:

— Но я не выходила через кухню… О, вы имеете в виду — раньше, перед ужином?.. Я… я… так не думаю.

— Может быть, вы меняли какие-нибудь ножи на столах?

— Да, я это иногда делаю. Часто кладут неправильно… не только ножи… разное… Не то число вилок, ложек…

— А что было именно в тот вечер?

— Я могла это сделать. Что-нибудь вроде этого… Но это ведь автоматически… Об этом не думаешь,

не помнишь…

— Итак, в тот вечер вы могли пройти через кухню с ножом в руке?

— Не думаю, чтобы я могла… Я уверена, что нет… — и она прибавила: — Там был Тим… Он должен знать. Спросите у него.

— А вам нравилась эта девушка, Виктория? Она хорошо работала? — спросил Уэстон.

— Да… Она была такая милая.

— У вас не было с ней споров?

— Споров? Нет.

— Она никогда не угрожала вам как-нибудь?

— Угрожала? Мне? Что вы имеете в виду?

— Ну, ладно, это не важно. У вас нет никаких предположений, кто бы мог ее убить? Совсем никаких?

— Нет, — ответила она с уверенностью.

— Ну, что же, спасибо вам, миссис Кендал, — он улыбнулся. — Это ведь было не так уж страшно, правда?

— Это всё?

— Пока всё.

Дэвентри встал, открыл дверь и проводил ее.

— «Тим должен знать», — процитировал он, возвращаясь к своему стулу. — А Тим категорически заявляет, что ножа у нее не было.

— Я думаю, что то же самое сказал бы любой муж, — мрачно ответил Уэстон.

— Однако столовый нож мало подходит для убийства.

— Не забывайте, мистер Дэвентри, что это был нож для бифштекса. В тот вечер бифштекс был у них в меню, а ножи для мяса, как правило, очень хорошо наточены.

— Но я в самом деле не могу себе представить, чтобы эта девушка могла совершить убийство, Уэстон.

— Пока нет необходимости в это верить. Могло быть так, что миссис Кендал перед ужином вышла в сад, сжимая в руке нож, который она взяла с одного из столов, потому что он оказался лишним; она могла даже не заметить, что держит его в руках, и она могла положить его куда-нибудь или уронить. А кто-нибудь другой мог его найти и пустить в ход. Я тоже думаю, что она совсем не похожа на убийцу.

— Все то же самое, — задумчиво произнес Дэвентри. — Я совершенно уверен, что и она не говорит всего, что знает. Ее рассеянность в отношении времени мне кажется странной. Где она была? И что она там делала? Создается впечатление, что в ресторане в тот вечер ее никто не видел.

— Муж был там, как обычно, но не жена…

— Вы думаете, она пошла, чтобы с кем-то встретиться? С Викторией Джонсон?

— Возможно. А, может быть, она увидела кого-то, кто шел на встречу с Викторией?

— Думаете, Грегори Дайсон? — спросил Дэвентри.

— Мы знаем, что он разговаривал с Викторией раньше, но он мог условиться встретиться с ней еще раз позднее. Все свободно перемещались по террасе, вспомните: танцы, выпивка, в бар — из бара.

— Значит, алиби есть только у джаз-банд, — криво усмехнулся Дэвентри.

Глава 16
Мисс Марпл взывает о помощи

Если бы кто-нибудь посмотрел на смиренного вида старую леди, стоявшую в задумчивости на балконе своего бунгало, то он решил бы, что размышляет она лишь о том, как провести ей сегодняшний день — может быть, пройтись к замку на Скале или посетить Джеймстаун, или прокатиться и позавтракать в Пеликаньей бухте, а то, не мудрствуя, провести спокойно утро на пляже.

Но смиренная старая леди решала совсем другие проблемы — она была настроена воинственно.

— Нужно что-то предпринять, — сказала себе мисс Марпл.

Кроме того, она ни единой минуты не сомневалась, что времени терять нельзя, — дело было безотлагательное.

Но кого могла она убедить в этом? Имея время, подумала мисс Марпл, она бы и сама докопалась до истины.

Она разузнала много, но недостаточно, дело оставалось за малым, а времени уже не было.

С горечью она подумала, что на этом райском острове нет ее обычных соратников.

Она с сожалением вспоминала о друзьях — сэре Генри Клитеринге, который всегда готов ее снисходительно выслушать, своем крестнике Дермоте, который, несмотря на собственное, все возрастающее влияние в Скотлэнд-Ярде, обычно знал наверняка, что если мисс Марпл высказала мнение, то это, как правило, было не пустым звуком.

Но примет ли во внимание этот местный полицейский с приятным негромким голосом назойливость старой леди? Доктор Грэм? Но доктор Грэм — это не тот, кто ей нужен. Он слишком вялый и колеблющийся — отнюдь не человек, решающий и действующий одновременно.

И мисс Марпл, чувствуя себя покорным посланцем всевышнего, чуть не воскликнула вслух на библейский лад:

Кто послал меня?

Кто пойдет за мной?

Звук, достигший ее ушей мгновением позже, не был тотчас же опознан ею, как ответ на мольбу — этого и близко не было. Лишь какой-то частью сознания она отметила, что кто-то, возможно, зовет свою собаку.

— Фью!

Мисс Марпл, погруженная в дилемму, не обратила внимания.

— Фью! — раздалось громче, и мисс Марпл рассеянно посмотрела по сторонам.

— Фью! — нетерпеливо позвал мистер Рейфил и присовокупил: — Эй, вы там…

В первый момент мисс Марпл и представить себе не могла, что эти «фью» и «эй, вы» адресованы ей. К ней в жизни еще никто не обращался подобным образом. Это было совсем не по-джентльменски. Но мисс Марпл не возмутилась, так как остальных редко возмущали причуды мистера Рейфила. Он был сам себе судьей, и таковым его считали другие. Мисс Марпл глазами смерила расстояние между своим и его бунгало. Мистер Рейфил сидел у себя в лоджии и манил ее рукой.

— Вы меня звали? — спросила она.

— Еще бы я вас не звал, — сказал мистер Рейфил. — А кого, по-вашему, я звал, кошку, что ли? Идите-ка сюда!

Мисс Марпл поискала свою сумочку, подхватила ее и прошла к другому бунгало.

— Я не могу идти к вам без чьей-нибудь помощи, — объяснил мистер Рейфил, — так что вы должны были сами придти ко мне.

— О, да, — сказала мисс Марпл. — Это я вполне понимаю.

— Садитесь, — предложил мистер Рейфил, указывая на соседний стул, — я хочу поговорить с вами. На этом острове черт знает что творится.

— Да, это правда, — согласилась мисс Марпл, садясь рядом.

По старой привычке она вынула из сумочки вязанье.

— Только не начинайте опять вязать, я от этого на стены лезу. Терпеть не могу женщин, которые вяжут. Меня это бесит.

Мисс Марпл сложила вязанье в сумочку. Она это сделала без излишней кротости, скорее, как врач при беспокойном пациенте.

— Здесь ходит куча всяких сплетен, — сказал мистер Рейфил, — и, бьюсь об заклад, что вы, небось, в авангарде. Вы и проповедник с сестрой.

— Но это, может быть, естественно, — оживилась мисс Марпл, — что при данных обстоятельствах возникают различные слухи.

— Эта местная девчонка, которую нашли в кустах, сама напросилась на нож. Все могло быть вполне ординарным. Тот парень, с которым она жила, мог приревновать ее к кому-нибудь, или у него завелась другая подружка, девчонка сама

его ревновала, и они сцепились. Секс в тропиках. Из этой серии. Что вы скажете?

— Нет, — качая головой, ответила мисс Марпл.

— Власти тоже так не думают.

— Вам они должны сказать больше, чем сказали бы мне, — подчеркнула мисс Марпл.

— Все едино. Бьюсь об заклад, вы знаете об этом гораздо больше меня — вы же собираете всю эту брехню.

— Само собой разумеется, — ответила мисс Марпл.

— А вам и делать больше нечего, кроме как слушать брехунов?

— Это часто бывает познавательно и полезно.

— А знаете, — сказал мистер Рейфил, внимательно ее разглядывая, — ведь я в вас ошибся. А я редко ошибаюсь в людях. В вас есть много такого… Все эти слухи про майора Полгрейва, его болтовня. Вы думаете, что его ухайдокали, так ведь?

— Очень боюсь, что так, — сказала мисс Марпл.

— Ну да, его сделали, — сказал мистер Рейфил.

Мисс Марпл перевела дыхание.

— А это уже точно известно? — спросила она.

— Да, вполне. Я узнал от Дэвентри. Я не выдаю

секрета потому, что результаты вскрытия уже просочились наружу. Вы что-то сказали Грэму, Грэм поехал к Дэвентри, Дэвентри обратился к судье, и полиция была поставлена в известность. Все они согласились, что факты вызывают сомнение, поэтому они выкопали старикашку и поглядели на него.

— И они выяснили?.. — мисс Марпл с нетерпением ждала ответа.

— Они выяснили, что он принял смертельную дозу чего-то такого, что, кроме врача, никто не выговорит. Насколько я помню, это звучит примерно, как ди-флор, гесагонал-этилкарбензол. Это неверное название, но, если грубо, то примерно так. Полицейский врач, по-моему, воткнул его, чтобы никто не догадался, что же это было на самом деле. Вероятно, препарат называется как-нибудь просто и мило, вроде «эвипан» или «веронал». Официальное название сбивает с толку профанов. В любом случае достаточная его доза должна была привести к смерти, а налицо все признаки гипертонического криза в результате злоупотребления алкоголем. Фактически все выглядело совершенно естественно, и ни у кого даже вопросов не возникло. Просто сказали: «бедный старикан» и быстренько закопали. А

теперь ломают головы, была ли у него вообще гипертония. Он вам говорил о ней когда-нибудь?

— Нет.

— Вот видите! А все приняли за непреложный факт.

— Может быть, он и говорил кому-нибудь.

— Это все равно, что видеть привидение, — буркнул мистер Рейфил. — Вы никогда не встретите обалдуя, который видел бы его самолично. Как правило, это вторая кузина его тетушки или приятель, или друг приятеля. Но давайте пока оставим это. Все думали, что у майора высокое давление, потому что у него в комнате нашли пузырек с таблетками, и сейчас мы приближаемся к сути. Я делаю вывод, что эта убитая девушка собиралась сказать, что пузырек был подброшен кем-то еще, и что таблетки несомненно принадлежат этому парню, Грегу.

— Да, у мистера Дайсона давление. Его жена как-то упоминала об этом, — сказала мисс Марпл.

— Итак, эти таблетки подсунули в комнату Полгрейва, чтобы все решили, что он страдал гипертонией, и смерть его казалась естественной.

— Совершенно верно, — кивнула мисс Марпл. — А вокруг распустили слухи, кстати, сделали это

с умом, что будто майор всем рассказывал про свою гипертонию. Но ведь вы знаете, как легко пустить сплетню. Очень легко. На своему веку я насмотрелась.

— Бьюсь об заклад, уж вы насмотрелись! — воскликнул мистер Рейфил.

— Нужно только шепнуть там и сям, — продолжала мисс Марпл. — И вы, сами толком не зная, будете просто повторять то, что вам сказала миссис В и что ей рассказал полковник С. Это всегда приходит из вторых, третьих, а то и четвертых уст, и выяснить, кто был первоначальный шептун, невероятно трудно. О, да, это вполне можно сделать. А люди, которым вы скажете, будут повторять это другим, как будто они сами точно знают.

— Кто-то, значит, оказался умным…

— Да, — ответила мисс Марпл, — кто-то оказался достаточно умен.

— Я полагаю, эта девушка видела что-то или узнала и попыталась шантажировать, — продолжал мистер Рейфил.

— Она не могла считать это за шантаж. В таких больших отелях горничные часто знают такое, что некоторые люди предпочли бы утаить. И тогда они дают хорошие чаевые или делают

небольшой подарок. Возможно, девушка и сама вначале не поняла всей важности того, что она узнала.

— И, как полагается, получила нож в спину, — жестко сказал мистер Рейфил.

— Да, очевидно, кто-то не мог позволить ей распускать язык.

— Ну-ка, давайте послушаем, что вы-то обо всем этом думаете.

Мисс Марпл в задумчивости взглянула на него.

— А с чего вы взяли, что я знаю больше вас, мистер Рейфил?

— Скорее всего, вы и не знаете, — ответил тот, — но мне интересно услышать ваше мнение о том, что вы знаете.

— Но для чего?

— Кроме как зарабатывать деньги, — сказал мистер Рейфил, — здесь больше и заняться-то нечем.

— Зарабатывать деньги? Здесь? — в недоумении спросила мисс Марпл.

— Если вам нравится, вы можете посылать каждый день с полдюжины шифрованных телеграмм, — объяснил мистер Рейфил. — Так я и забавляюсь.

— Взвинчивая цены? — спросила мисс Марпл в

сомнении, словно говоря на чужом языке.

— Нечто вроде этого, — согласился мистер Рейфил. — Строишь козни на чужие козни. Скверно, что это не требует много времени, потому я и заинтересовался тем, что тут творится. Полгрейв разговаривал с вами чуть ли не по целым дням. Я думаю, что больше никто не стал бы его терпеть. Что он вам говорил?

— Он мне рассказывал множество всяких историй.

— Знаю. Большинство из них чертовски нудные. И нужно было выслушивать их не раз и не два. Если вы находились где-нибудь в пределах досягаемости, вы их слушали раза по три, а то и по четыре.

— Я знаю, — сказала мисс Марпл. — Боюсь, что так и бывает, когда джентльмены стареют.

Мистер Рейфил въедливо посмотрел на нее.

— Я не рассказываю историй, — возразил он. — Продолжайте. Все началось с одной из них, верно?

— Он сказал, что знал какого-то убийцу, — проговорила мисс Марпл. — Здесь нет ничего особенного, — прибавила она мягко, — потому что, как я понимаю, это бывает почти со всяким.

— Не улавливаю, о чем вы, — сказал мистер

Рейфил.

— Я не имею в виду ничего исключительного, — продолжала она тем же тоном, — но, без сомнения, мистер Рейфил, если порыться в памяти, то почти всегда может всплыть чье-нибудь небрежное заявление вроде: «О, да. Я прекрасно знал такого-то. Он умер слишком внезапно, и говорили, что его жена ему поспособствовала, но я бы сказал, что все это просто сплетни». Вы ведь слышали, когда люди говорили что-нибудь подобное, правда?

— Ну, я полагаю, что да. Но это же… ну, несерьезно.

— Совершенно верно, — ответила мисс Марпл, — но майор Полгрейв был очень серьезным человеком. Я думаю, он сам получал удовольствие от этой истории. Он говорил, что у него есть снимок убийцы и он собирался показать его мне, но… впрочем, не показал.

— Почему?

— Потому что он что-то увидел, — сказала мисс Марпл. — Увидел кого-то, как я подозреваю. Его лицо сделалось багровым, он засунул снимок обратно в бумажник и заговорил совсем о другом.

— И кого же он увидел?

— Я много думала об этом, — произнесла она.

— Я сидела у моего бунгало, а он сидел напротив меня, и он увидел что-то поверх моего правого плеча.

— Кто-то шел по тропинке справа позади от вас. По тропинке, которая идет от ручья, там, где стоянка машин…

— Да.

— И кто же шел по ней?

— Мистер и миссис Дайсон с полковником и миссис Хиллингдон.

— А еще кто?

— Я больше никого не обнаружила. Прямо перед глазами стояло ваше бунгало.

— Ага. Тогда мы включаем Эстер Уолтерс и моего парня Джексона. Правильно? Я полагаю, каждый из них мог выйти из бунгало и вернуться в него незаметно для вас.

— Да, могли, — согласилась мисс Марпл. — Я не сразу повернула голову.

— Значит, так — Дайсоны, Хиллингдоны, Эстер, Джексон, — и один из них убийца… И еще, естественно, я, — прибавил он, очевидно, только теперь сообразив.

Мисс Марпл едва заметно улыбнулась.

— А он говорил об убийце?

— Да.

— Ясно. Это исключает Лаки, Эвелин Хиллингдон и Эстер Уолтерс. Итак, если допустить, что вся эта несусветная чушь — правда, убийца либо Дайсон, либо Хиллингдон или уже на худой конец мой сладкоречивый Джексон.

— Или вы сами, — добавила мисс Марпл.

Мистер Рейфил не обратил внимания на последнее замечание.

— Не бесите меня, — отмахнулся он. — Однако, первое, что мне приходит в голову, скажу я вам, и на что вы, кажется, не обратили внимание, так это, если один из трех был убийцей, то какого же черта старик Полгрейв не опознал его раньше? Черт побери, да они же сидели и глазели друг на друга не меньше двух недель! Так что смысла в этом нет ни гроша.

— Все-таки я думаю, что могло быть и так.

— Ну-ка, расскажите мне, каким это образом.

— Видите ли, сам майор этого человека никогда не видел. Этот случай рассказал ему какой-то врач, и этот же врач подарил ему и снимок. В то время майор, может, и рассмотрел его со вниманием, однако, потом он просто положил его в бумажник и там держал, как сувенир. Изредка, он, вероятно, его и вытаскивал, рассказывая эту историю. Кстати, еще одно, мистер Рейфил. Мы

ведь не знаем, сколько времени прошло с тех пор. Он об этом ни словом не обмолвился. Я хочу сказать, что сам Полгрейв мог рассказывать ее годами. Пять лет, десять, а может, и того больше. Его рассказам про тигров лет по двадцать, не меньше.

— Да уж! — сказал мистер Рейфил.

— Итак, я и на минуту не допускаю, что майор Полгрейв опознал бы лицо на снимке, встретив этого человека случайно. Я думаю, произошло вот что. Вернее, я почти уверена, что должно было произойти. Рассказывая, он вынул снимок, вгляделся в него и затем, подняв глаза, увидел на расстоянии десяти-двадцати шагов то же самое лицо, которое двигалось к нему. Или чрезвычайно похожее.

— Да, — согласился мистер Рейфил, — такое возможно.

— Он был застигнут врасплох, — продолжала мисс Марпл, — и, запихнув снимок в бумажник, громко заговорил о чем-то еще.

— Он не мог быть уверенным, — тонко подметил мистер Рейфил.

— Да, — сказала мисс Марпл, — он не мог быть уверенным. Но после того он, должно быть, очень тщательно изучал снимок и, видимо, глядя на

этого человека, пытался сообразить, было ли это просто сходством или перед ним тот самый убийца.

Мистер Рейфил задумался, потом покачал головой.

— Что-то здесь не то. Мотив абсолютно не соответствует. Он говорил громко?

— Да, — сказала мисс Марпл. — Громко. Как всегда.

— Он всегда орал. Значит, приблизившись к майору, его мог слышать кто угодно?

— Я не удивилась бы, если его слышал весь отель.

Мистер Рейфил опять покачал головой.

— Все это выдумки, — сказал он, — слишком фантастично. Над этим всякий посмеется всласть. Какой-то старый дурак несет какой-то вздор, рассказанный ему еще кем-то, и показывает какой-то снимок, и это все накручено вокруг убийства, которое произошло черте когда. Во всяком случае, год или два назад. Да с какой стати, скажите вы мне, этому парню беспокоиться? Доказательств никаких — одни только слухи, да и те из третьих рук. Он мог даже согласиться, что похож, и сказать при этом: «Да, мы с ним как две капли воды, только это не я! Ха-ха!» Да кому бы пришло в

голову принимать на веру то, что нес этот старый осел! И слышать не хочу, потому что я не верю! Нет, этому парню, если это действительно был парень, бояться нечего, совершенно нечего. Он бы такое обвинение просто на смех поднял. Чего ради ему было бы убивать старого Полгрейва? В данном случае это абсолютно излишне. Вы-то уж должны понимать.

— О, я это хорошо понимаю, — оживилась мисс Марпл. — Но я не могу вполне согласиться с вами. Именно это меня и тревожит, так тревожит, что прошлой ночью я и заснуть-то не могла как следует.

Мистер Рейфил вытаращил на нее глаза.

— Ну-ка, давайте послушаем, что у вас на уме, — сказал он спокойно.

— Я могу во всем ошибаться, — замялась мисс Марпл.

— Вероятно, вы и ошиблись, — к мистеру Рейфилу вернулась привычная неучтивость, — но давайте послушаем, о чем это вы думали спозаранку.

— Здесь мог иметься очень сильный мотив, если…

— Если что?

— Если вскоре готовилось… еще одно убий-

ство.

Мистер Рейфил смотрел на нее во все глаза. Он даже попробовал приподняться в кресле.

— Давайте-ка яснее.

— Ах, я так плохо объясняю. — Мисс Марпл заговорила быстро, то и дело сбиваясь. Щечки у нее порозовели. — Предположим, планировалось убийство. Если вы помните, то, что рассказывал мне майор, касалось человека, у которого жена умерла при подозрительных обстоятельствах. Затем через какое-то время совершено другое убийство при тех же самых обстоятельствах. У другого человека, жена которого умерла почти таким же образом, совсем другое имя, но врач, который все это рассказывал, узнал в нем того же самого, хотя он и сменил фамилию. Ну, и кажется, что этот убийца относится к числу тех, для кого убивать вошло в привычку, разве нет?

— Вы говорите о ком-то вроде Смита «Новобрачные в ванной». Понятно.

— Насколько я могу себе представить, — продолжала мисс Марпл, — из того, что слышала или читала, человек, совершающий подобное злодеяние и выходящий вначале сухим из воды, сам, увы, себя подстрекает. Он думает, что это легко и что он очень умный. И тогда он повторяет снова.

И в конце концов, как и в случае со Смитом, это становится привычкой. Каждый раз — в другом месте и под другим именем. Но сами по себе преступления очень похожи. Для меня это выглядит вот так, хотя я могу совершенно ошибаться…

— Но сама вы не думаете, что вы ошибаетесь, верно? — спросил проницательно мистер Рейфил.

Мисс Марпл продолжала, оставив вопрос без ответа:

— …что если все это и вправду было и если это… это лицо приготовилось здесь к убийству, чтобы, скажем, отправить на тот свет следующую жену, и если, предположим, это новое убийство было бы третьим или четвертым, тогда история майора имела бы значение, потому что убийца, в таком случае, не мог никому позволить указывать на сходство, сопоставляя одно с другим. Если вы помните, именно так и был пойман Смит. Кто-то заинтересовался обстоятельствами одного из его преступлений и сличил их с газетными вырезками, в которых упоминался похожий случай. Поэтому вы должны понять, что если этот злодей готовился к новому преступлению, собираясь в ближайшее время его совершить, он не мог позволить майору рассказывать свою

историю кому ни попадя и снимок показывать. — Она замолчала и трогательно посмотрела на мистера Рейфила, как бы взывая о помощи. — Вы же видите, кое-что он уже сделал, и так быстро, что быстрее не придумаешь.

— Фактически, в ту же самую ночь, верно? — проговорил мистер Рейфил.

— Да,— сказала мисс Марпл.

— Быстрая работа, — согласился мистер Рейфил. — Но это вполне можно было сделать. Подбросить таблетки в комнату старого Полгрейва, пустить слух про высокое давление и немножко добавить нашего четырнадцатисложного снадобья в Плантаторский пунш. Так?

— Да… Но только это уже все позади. Нам нет нужды об этом беспокоиться. Главное для нас — это настоящее и будущее. Майора убрали, снимок исчез, и теперь этот человек должен совершить убийство, которое запланировал.

Мистер Рейфил присвистнул.

— Я смотрю, у вас уже все разработано?

Мисс Марпл кивнула. Она заговорила в манере, казалось, ей совершенно несвойственной — твердо и почти повелительно:

— Мы обязаны с вами остановить это. Вы должны остановить это, мистер Рейфил.

— Я? — спросил изумленно тот. — Почему я?

— Потому что вы богаты и с вами все считаются. Люди прислушиваются ко всему, что вы им скажете, а меня они не станут слушать ни секунды и сразу же скажут, что я одна из этих старых леди, обуреваемых фантазией.

— Это они могут, — согласился мистер Рейфил. — И окажутся в дураках. Тем не менее, я должен вам сказать, что, послушав ваши обычные разговоры, никто бы не подумал, что у вас в голове хоть что-нибудь есть. Но у вас несомненно логическое мышление. Для женщины большая редкость. — Он неловко подвинулся в кресле. — Где эти чертовы Эстер и Джексон? Мне нужно переменить позу. Нет-нет, вам ни в коем случае не следует этого делать. У вас не хватит сил. Не знаю, что у них на уме, когда они оставляют меня вот так одного.

— Я пойду и разыщу их.

— Нет, вы не пойдете. Вы останетесь тут, и мы с вами все тщательно обсудим. Который же из них? Этот отпетый Грег? Благовоспитанный Эдвард Хиллингдон? Или мой глупый Джексон? Это ведь должен быть один из трех, верно?

Глава 17
Мистер Рэйфил берёт дело в свои руки

— Я не знаю, — сказала мисс Марпл.

— Что вы этим хотите сказать? О чем же мы с вами долдонили битых полчаса?

— Мне пришло в голову, что я могу ошибаться.

И опять мистер Рейфил вытаращил на нее глаза.

— А, пропади все пропадом! — сказал он с отвращением, — вы-то ведь были так уверены…

— О, я и уверена — насчет убийства. Но что касается убийцы — я сомневаюсь. Понимаете, я выяснила, что у майора Полгрейва была не одна история с убийствами. Вы же сами мне говорили, что он рассказывал вам про какую-то Лукрецию Борджиа.

— Да, он рассказывал что-то подобное. Но это все же совсем другое.

— Знаю, и миссис Уолтерс он говорил о ком-то, кого отравили в духовке.

— Но вам-то он рассказывал…

Мисс Марпл позволила себе прервать его — та-

кое нечасто случалось с мистером Рейфилом.

Она заговорила с отчаянной убежденностью, разве что немного бессвязно.

— Да разве вы не понимаете, как трудно тут быть хоть в чем-то уверенной. Все дело в том, что ты очень часто попросту и не слушал. Спросите миссис Уолтерс, она вам скажет то же самое. Сначала ты слушаешь, потом внимание слабеет, ты начинаешь думать о чем-то своем и внезапно выясняется, что какую-то часть ты упустил. Сейчас я предполагаю вполне возможным, что там мог быть разрыв — правда, небольшой, между тем, что он рассказывал мне — и речь шла именно о мужчине, и тем моментом, когда он вынул бумажник со словами: «Хотите взглянуть на снимок убийцы?»

— Вы ведь думали, что речь шла о фотографии мужчины?

— Да, я так думала. Ничего другого мне просто в голову не приходило. Теперь-то как я могу быть уверенной?

Мистер Рейфил смотрел на нее с большим вниманием.

— А, шут с вами, раз вы такая добросовестная. Величайшая ошибка, которую вы… Вот что. Настройтесь и уберите всяческие колебания.

Вначале у вас их не было. Если вы спросите меня, то я скажу, что во всей этой болтовне, которой вы занимались с пасторской сестрой и прочими, вы за что-то ухватились, и это «что-то» не дает вам покоя.

— Может быть, вы и правы.

— Ладно, пока оставим это. Давайте пойдем дальше, откуда мы начали. Потому что девять раз из десяти первоначальное суждение бывает верным. По крайней мере, у меня. У нас есть трое подозреваемых. Вот и давайте их выволочим да хорошенько разглядим. Кого предпочитаете первым?

— Даже представить себе не могу, все трое, кажется мне, совсем не подходят.

— Возьмем первым Грега, — сказал мистер Рейфил. — Терпеть его не могу, хотя его это убийцей не делает. Против него есть несколько фактов. Это его таблетки, и ему вполне сподручно было их использовать.

— А не получилось бы несколько в открытую? — возразила мисс Марпл.

— Я не знаю, что там получилось бы, — ответил мистер Рейфил, — но, в конце концов, главным было сделать что-нибудь быстро, а у него имелись эти таблетки. Времени рыскать по сторонам в

поисках еще чьих-нибудь пилюль у него не было. Предположим, это Грег. Все верно. Если он хотел пришибить свою ненаглядную Лаки (доброе дело, я бы сказал, тут уж я ему сочувствую вовсю), то я не вижу реального мотива. По всем статьям, он очень богат. После первой жены ему досталось наследство. Его вполне можно определить как вероятного женоубийцу. Но там-то все уже сделано и закончено. Из тех передряг он выпутался. Но Лаки-то ведь была бедной родственницей его первой жены. Денег у нее нет, и если он хочет ее пристукнуть, то лишь затем, чтобы жениться на ком-то еще. Есть ли какие-нибудь сплетни на этот счет?

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет, я не слышала. Правда он… ну… слишком галантен со всеми дамами.

— Вы прелестно употребили такой старомодный оборот, — сказал мистер Рейфил. — Все верно. Он кобель и лезет на всех подряд. Но для нас этого недостаточно. Теперь на очереди Эдвард Хиллингдон. Если здесь и есть темная лошадка, так это он.

— Он мне кажется не очень счастливым, — предположила мисс Марпл.

Мистер Рейфил, поразмыслив, посмотрел на

нее.

— А вы думаете, что убийцей должен быть счастливчик?

Мисс Марпл кашлянула:

— Исходя из моего опыта, обычно так и было.

— Не думаю, чтобы ваш опыт заходил далеко, — заявил мистер Рейфил.

На это мисс Марпл могла бы сказать, что он ошибается, однако она воздержалась оспаривать его — мисс Марпл знала, что джентльменам не нравится, если их поправляют.

— Хиллингдон меня самого занимает. Я думаю, что между ним и женой происходит нечто странное. Вы сами-то заметили?

— О, да, — сказала мисс Марпл. — Я заметила. На людях они ведут себя безукоризненно, а это заставляет задуматься.

— Вы, по всей видимости, больше, чем я, знаете о подобных людях, — проговорил мистер Рейфил. — Очень хорошо. Значит, все у них безупречно, но ведь есть вероятность, что, по джентльменским соображениям, Эдвард Хиллингдон ждет не дождется как бы угробить Эвелин Хиллингдон. Вы согласны?

— Если так, то там должна быть замешана другая женщина, — и она с досадой покачала го-

ловой. — Я не могу не чувствовать, — прибавила она, — что все у них не так уж просто.

— Ну и кто у нас следующий? Джексон? Меня мы оставляем в стороне.

Впервые мисс Марпл улыбнулась:

— А почему же мы вас оставим в стороне, мистер Рейфил?

— А потому, если вам хочется обсуждать мои возможности в роли убийцы, делайте это с кем-нибудь еще. Говорить со мной об этом — только время терять. Каким же это образом, спрошу я вас, мог бы я сгодиться для этой цели? Беспомощный, прикованный к инвалидному креслу калека, едва стоящий на ногах, которого вытаскивают из постели и одевают, как куклу? Да какие же у меня шансы пойти и убить хоть кого-нибудь?

— Думаю, как ни у кого другого, — уверенно заявила мисс Марпл.

— Ну, и как вы себе это представляете?

— Я думаю, вы согласны со мной, что вы умны?

— Конечно, я не глуп, — похвастался мистер Рейфил. — Гораздо умнее всего этого сброда.

— А при наличии ума, — продолжила мисс Марпл, — вы вполне смогли бы преодолеть физические трудности, будь вы убийца.

— Но это потребовало бы действий!

— Да, — сказала мисс Марпл, — это потребовало бы действий, и вы, я думаю, сами бы получили от этого немалое удовольствие.

Мистер Рейфил довольно долго таращился на нее и затем внезапно расхохотался.

— Ну, вы и наглая! — сказал он наконец. — А с виду прямо божий одуванчик. Вы и в самом деле думаете, что я убийца?

— Нет, — ответила мисс Марпл, — не думаю.

— Почему?

— Ну, как вам сказать, просто потому, что вы умны. Вы можете заполучить все, что угодно, не прибегая к убийству. Убивать — занятие глупое.

— И кого, черт подери, захотел бы я убить?

— Это интереснейший вопрос, — смутилась мисс Марпл. — Я еще не имела удовольствия достаточно побеседовать с вами, чтобы развить его в теорию.

Улыбка мистера Рейфила стала шире.

— Беседы с вами могут быть опасны, — заметил он.

— Беседы всегда опасны, если у вас есть что скрывать, — в тон ему ответила мисс Марпл.

— Может быть, вы и правы. Давайте-ка перейдем к Джексону. Что вы о нем думаете?

— Мне трудно что-нибудь сказать. У меня не

было возможности поговорить с ним.

— И у вас нет никаких мыслей на его счет?

— Он мне напоминает немножко, — сказала она в раздумье, — одного молодого человека из городской конторы поблизости, где я живу, по имени Джонс Пэрри.

— Ну, и? — спросил мистер Рейфил и сделал паузу.

— Он не был, — сказала мисс Марпл, — особенно приятным.

— Джексон, прямо скажем, тоже не сахар. Он обслуживает превосходно. Специалист первоклассный. Что у него на уме? Ему чертовски хорошо платят, и потому он все сносит. Как доверенное лицо я бы его не взял, но я ему и не доверяю. Может, прошлое у него безупречное, а может, и нет. Со мной он обращается, как подобает, но я различаю у него, я бы сказал, нотки скрытности. К счастью, у меня нет преступных секретов, и я не подхожу для шантажа.

— Нет секретов? — задумчиво спросила мисс Марпл. — Без сомнения, мистер Рейфил, у вас есть деловые секреты?

— Только Джексон до них не доберется, нет. Джексон — большая лиса, можно сказать, но я не могу его представить убийцей. Я бы сказал, это

совсем не его занятие. — Он помедлил с минуту и неожиданно сказал: — А вы знаете, если взглянуть со стороны на это безумное дело: майор со своими дурацкими россказнями и прочее, то покажется, что силы пошли не туда. Так как человек, которого должны были пришибить, это я.

Мисс Марпл посмотрела на него с некоторым изумлением.

— Самое то, что надо, — пояснил мистер Рейфил. — Кто обычно жертвы таких историй? Старики с большими деньгами.

— И многие желают им отправиться на тот свет, чтобы заполучить их деньги, — кивнула мисс Марпл. — И это правда?

— Ну, — задумался мистер Рейфил, — я могу насчитать человек пять-шесть в Лондоне, которые не станут рвать на себе волосы, прочти они мой некролог в «Таймсе». Но все они не зашли бы так далеко, чтобы заполучить мое состояние. И, в конце концов, с чего бы им его получать? Я знаю, что умру когда-нибудь. Ежу понятно. Эти поганцы вкупе с докторами и так удивляются, что я еще не дал дуба.

— У вас, конечно, необычайная воля к жизни, — сказала мисс Марпл.

— И, я полагаю, по-вашему это странно?

Мисс Марпл покачала головой.

— О, нет, — ответила она, — по-моему, это вполне естественно. Жизнь, когда ее проживаешь, становится гораздо ценнее, она полна для тебя интереса, хотя, кажется, что ты уже его утратил. Возможно, этого и не должно быть, но на самом деле это так. Когда ты молод, здоров и крепок, и впереди еще вся жизнь, она не представляется тебе особенно ценной. Это юные могут легко покончить с собой от несчастной любви, порой от мучительной непреходящей тревоги. Но старые люди знают, как удивительно интересна и как драгоценна жизнь.

— Ха, — фыркнул мистер Рейфил. — Вы только послушайте этих двух старых кляч.

— А разве это неправда? — спросила мисс Марпл.

— Еще бы! — ответил мистер Рейфил. — Конечно, правда. Но разве по-вашему я не прав, когда говорю, что я-то и должен стать жертвой?

— Это зависит от тех, кому будет выгодна ваша смерть, — сказала мисс Марпл.

— На самом деле — никому, — ответил мистер Рейфил. — Моих конкурентов по бизнесу, для которых, как я уже сказал, устранение меня от дела было бы только удобно, мы оставим в стороне. Я

не такой дурак, чтобы делить состояние между моими родственничками. С некоторым усилием они получат кое-что после того, как львиную долю заграбастает правительство. О, нет, обо всем этом я давно позаботился. Доверенности, дарственные и все такое.

— Джексон, к примеру, получил бы что-нибудь в случае вашей смерти?

— Ни гроша бы не получил, — весело сказал мистер Рейфил. — Я плачу ему вдвое против того, что ему платили бы еще где бы то ни было. Это потому, что он выносит мой дурной характер, и он прекрасно знает, что, если я умру, он останется на бобах.

— А миссис Уолтерс?

— То же самое и с Эстер. Она хорошая девушка. Первоклассный секретарь, умная, уравновешенная, меня понимает с полуслова, если я выйду из себя, она и бровью не поведет, а ведь ей навряд ли нравится, что я ее третирую. Ведет себя, как нянька с буйным и скверным ребенком. Временами она меня немного раздражает, а кто нет? С ней все совершенно ясно. Она вполне заурядная молодая женщина, каких много, но лучшего работника у меня не было. У Эстер была тяжелая жизнь — когда-то она вышла замуж за человека,

который оказался не особенно хорошим. Я бы сказал, она никогда не судила строго, если речь зайдет о мужчинах. Бывают такие женщины. Они по уши втрескиваются в того, кто расскажет им о себе что-нибудь жалостное, и всегда убеждены, что он нуждается в истинно бабьем понимании. Понимать-то тут чего? Что сразу после женитьбы он лыжи навострит и пустится во все тяжкие? Но, конечно, такой мужчина никогда этого не сделает! Как бы то ни было, к счастью, этот ее распрекрасный муженек помер: надравшись на какой-то вечеринке, полез прямо под автобус. Эстер нужно было растить дочь, и она опять вернулась к секретарской работе. Она у меня уже пять лет, и я совершенно ясно сказал ей с самого начала, чтобы в случае моей смерти она ни на что не рассчитывала. Я платил ей очень много с самого начала и ежегодно увеличивал ее жалованье более чем в четверть. Какими бы скромными и честными не были люди, доверять нельзя никому. Вот почему я и сказал Эстер совершенно определенно, что после моей смерти ей надеяться не на что. Каждый год, который я проживу, ее жалованье будет расти, и если большую часть из него она откладывает, я думаю, она это делает, к тому времени, когда я сыграю в ящик, она будет

вполне обеспеченной женщиной. Я взял на себя образование ее дочери, на имя которой положил кое-какую сумму. По достижении совершеннолетия она ее получит. Итак, Эстер Уолтерс очень удачно устроилась, и моя смерть, позвольте вам сказать, означала бы для нее серьезный финансовый ущерб. — Он очень серьезно посмотрел на мисс Марпл. — Она прекрасно все это понимает. Она очень здравомыслящая, Эстер.

— А они ладят с Джексоном? — спросила мисс Марпл.

Мистер Рейфил быстро взглянул на нее.

— А вы заметили что-нибудь? Да, по-моему, Джексон к ней примазывается, особенно в последнее время. Он смазливый парень, ничего не скажешь, но тут ему не светит. И прежде всего из-за классовых инстинктов. Она ведь на порядок выше его. Не ахти как много. Занимай она и в самом деле высокое положение — проблем бы никаких не было, но для низшего среднего класса это все имеет значение. Ее мать была учительницей, а отец — банковским служащим. Нет, она не сваляет дурака насчет Джексона. А про него я осмелюсь сказать: хоть видит око, да зуб неймет.

— Ш-ш-ш! Она идет сюда! — тихо проговорила мисс Марпл, и оба посмотрели на Эстер Уолтерс,

идущую по тропинке.

— Знаете, она вполне привлекательная женщина, — сказал мистер Рейфил, — но ни крупинки шарма. Уж и не знаю, почему она совершенно об этом не заботится.

Мисс Марпл вздохнула, как всякая женщина, несмотря на старость, вздохнула об утраченных возможностях.

— Ей нужно снова выйти замуж, — сказала мисс Марпл, понизив голос.

— Конечно, нужно. Она была бы кому-нибудь хорошей женой.

Эстер Уолтерс уже подошла к ним, и мистер Рейфил приветствовал ее искусственным тоном:

— Ну, наконец-то, вы здесь! И что же вас так задержало?

— Сегодня, кажется, буквально все взялись за телеграммы, — ответила Эстер. — Все из-за этого! Люди собрались сдавать номера…

— Собрались сдавать номера, да? И все из-за этого убийства?

— Полагаю, да. Бедный Тим Кендал сильно озабочен.

— А все могло пойти хорошо. Не повезло молодым, вот что я должен сказать.

— Я знаю. Видно, для них было важно заполу-

чить такой отель, они очень хотели добиться успеха, и все делали превосходно.

— Да, они хорошо работали, — согласился мистер Рейфил. — Тим очень способный парень и дьявольский трудяга. Она пленительная девушка, прелестная, можно сказать. Оба они работали, как негры, хотя это странная поговорка для здешних мест, где, как я вижу, негры не работают до самой смерти. Парень пойдет, натрясет кокосов себе на завтрак, а потом дрыхнет весь день. Чем не жизнь! — и добавил: — Мы как раз обсуждали убийство.

Эстер Уолтерс казалась немного напуганной. Она посмотрела на мисс Марпл.

— Я ошибался насчет нее, — провозгласил с замечательной откровенностью мистер Рейфил. — Думал, обычная старуха. Одно вязанье и болтовня. Но у этой есть кое-что. Глаза и уши, и она даже ими пользуется.

Эстер Уолтерс, словно извиняясь, смущенно взглянула на мисс Марпл, но та и виду не подала.

— На самом деле, знаете, это ведь комплимент, — объяснила Эстер.

— Это я вполне понимаю, — сказала мисс Марпл, — как и то, что мистер Рейфил — человек

привилегированный или так о себе думает.

— Что вы имеете в виду?

— Хамство, если вам того хочется,— ответила мисс Марпл.

— Я вам нахамил? — с изумлением спросил мистер Рейфил. — Извините меня, если я вас обидел.

— Вы не обидели меня, — сказала мисс Марпл. — Я просто приняла к сведению.

— Ну, ладно, не будьте такой злючкой. Эстер, несите сюда стул. Может быть, вы сможете нам помочь.

Эстер принесла светлый плетеный стул.

— Продолжим наше совещание, — сказал мистер Рейфил. — Мы начали со старого Полгрейва, ныне усопшего, и его бесконечных историй.

— О, господи, — вздохнула Эстер, — боюсь, что я спасалась от него, как только могла.

— Мисс Марпл была более терпима. Скажите мне, Эстер, он вам когда-нибудь рассказывал про какого-нибудь убийцу?

— О, да, — сказала Эстер, — несколько раз.

— А что именно? Напрягите вашу память.

— Ну, — Эстер помолчала, подумав. — Очень жаль, но я слушала невнимательно. Понимаете, это было довольно похоже на эти кошмарные

истории про какого-то льва в Родезии, которые продолжались без конца.

— Расскажите нам, что вспомните.

— По-моему, это началось с какого-то убийства, о котором писали в газетах. Майор Полгрейв говорил, что с ним произошел случай, который бывает не со всяким, и что он сам встретился лицом к лицу с убийцей.

— Как встретился? — воскликнул мистер Рейфил. — Он именно это слово употребил?

Эстер смутилась.

— По-моему, да, — произнесла она с сомнением. — Или он сказал: «Я могу вам указать на убийцу».

— Так что же именно он вам сказал? Это же разные вещи!

— Я не могу быть совсем уверенной… Мне кажется, он сказал, что покажет мне чью-то фотокарточку.

— Уже лучше.

— А потом он много болтал о Лукреции Борджиа.

— Черт с ней, с Лукрецией, мы и так про нее все знаем.

— Он говорил про каких-то отравителей, и что эта Лукреция была очень красивая и рыжая. Он

еще добавил, что на свете, вероятно, было гораздо больше отравительниц, чем об этом знают.

— Боюсь, что это вполне возможно.

— И еще он говорил, что яд — это женское оружие.

— Кажется, это уже отклонение в сторону, — заметил мистер Рейфил.

— Ну, конечно, он всегда залезал в дебри, когда что-нибудь рассказывал, а потом вы просто переставали слушать и просто говорили: «да», «неужели», «да что вы говорите!»

— А что с этой фотографией, которую он собирался вам показывать?

— Я не помню. Это могло быть что-то из того, что он увидел в газете…

— Так он не показал вам снимка?

— Снимка? Нет, — она покачала головой. — В этом-то я уверена. Он сказал только, что она была очень красивой и что, взглянув на нее, сроду бы никто не подумал, что она убийца.

— Она?

— Вот вам и пожалуйста! — воскликнула мисс Марпл. — Это так все путает!

— Он говорил о женщине?

— О, да.

— И на нем была женщина?

— Да.

— Быть того не может!

— Но это так, — настаивала на своем Эстер. — Он сказал: «Она здесь, на острове. Я вам укажу ее, а потом расскажу все, что с ней связано».

Мистер Рейфил выругался. Не выбирая слов, он поведал вслух дамам, что именно он думает об усопшем.

— Вероятнее всего, — закончил он,— во всем, что говорил этот старый поганец, правды не было Ни на грош.

— Стоит только руками развести, — прошептала мисс Марпл.

— Ну вот, приехали, — заявил мистер Рейфил. — Старый обалдуй начал с охотничьих сказок: с копьями — на поросят, с ружьями — на львов, дробью — по слонам, бегом — от тигров. Одна или две из них, может, и были правдой, несколько — чистое вранье, а все остальное происходило с кем-то еще. Потом он рассказывает про всякие убийства, путая одно с другим. И более того, он болтает про все так, словно это было с ним самим. Десять против одного, что большинство из них — попросту компот из того, что он читал в газетах или смотрел по телевизору, — и он повернулся к Эстер Уолтерс уже как обвинитель. — Вы же

сами сказали, что внимательно не слушали. Так, может, вы и вовсе не разобрали что про что?

— Я уверена: он говорил о женщине, — упрямо твердила Эстер, — потому что я, конечно же, думала кто бы это могла быть.

— И кто, вы думаете, это была? — спросила мисс Марпл.

Эстер несколько смутилась и покраснела.

— О, ну, я не уверена… то есть, я имею в виду, что мне бы не хотелось…

Мисс Марпл не настаивала. В присутствии мистера Рейфила, подумала она, было бы совсем некстати выяснять, каковы подозрения Эстер Уолтерс. И еще, конечно, Эстер, может быть, и наврала. Естественно, что вслух мисс Марпл даже не заикнулась об этом. Она просто отметила это, как вероятность, однако сама мисс Марпл к этому не склонялась. Во-первых, она не думала, чтобы Эстер Уолтерс была лгунья (хотя толком все равно никогда не знаешь), а во-вторых, она не видела смысла в подобной лжи.

— Но вы-то скажите, — теперь мистер Рейфил повернулся к мисс Марпл, — вы скажите, этот чертов майор навешал вам на уши лапшу про убийство, а потом заявил, что у него есть карточка убийцы, которой он и собирался вас развлечь!

— Да, по-моему, это так.

— Ах, по-вашему, это так? Но вначале-то вы были прямо-таки уверены!

Мисс Марпл с жаром отпарировала:

— Всегда нелегко, передавая разговор, быть абсолютно точным. Всегда перескакиваешь на то, что при этом подразумевалось. Потом, после всего, ты все-таки вкладываешь точные слова в чужой рот. Да, майор Полгрейв рассказывал мне эту историю, и он говорил, что человек, который рассказывал ее майору, этот врач, показал ему снимок убийцы, но, если быть совершенно беспристрастной, то я должна допустить, что фактически его словами было вот что: «Хотелось бы вам взглянуть на снимок убийцы?» И, естественно, я предположила, что это был тот же самый снимок, про который он и говорил. Однако, я допускаю, что, возможно, он с радостью перекинулся от снимка, показанного ему в прошлом, к снимку, который заполучил недавно здесь, того, кто, как был убежден майор, являлся убийцей.

— Ну, женщины, — фыркнул мистер Рейфил, — вы все одним миром мазаны, только глазами хлопаете! Вы не можете быть аккуратными! Вы никогда ни в чем не уверены. А теперь, — добавил он сердито, — иди свищи! Эвелин, Хиллингдон

или эта Лаки? Одна чехарда!

Раздался тихий извиняющийся кашель. Рядом с креслом мистера Рейфила откуда ни возьмись вырос Артур Джексон. Он подошел столь бесшумно, что никто и не заметил.

Глава 18
Без неусыпного духовенства

Этим утром на пляже было немноголюдно. Грег производил, как обычно, много шуму, буйно бултыхаясь в воде. Лаки лежала на песке, подставив солнцу загорелую блестящую спину, и ее золотистые волосы рассыпались по плечам. Хиллингдонов не было. Сеньора де Каспеаро в компании разношерстных джентльменов лежала лицом вверх и с большим удовольствием говорила на своем горловом испанском. Несколько французских и итальянских детишек, смеясь, играли на мелководье. Каноник и мисс Прескотт, сидя в креслах, обозревали происходящее. Каноник надвинул на глаза шляпу и, казалось, задремал. Рядом с мисс Прескотт был как раз подходящий стул, и мисс Марпл направилась прямо к нему и села.

— О, господи, — проговорила она с глубоким вздохом.

— Я знаю… — сказала мисс Прескотт.

— Бедная девочка, — вздохнула мисс Марпл.

— Очень печально, — отозвался каноник. —

Наипрескорбнейший случай.

— В какой-то момент, — заговорила мисс Прескотт, — мы с Джереми и в самом деле подумали об отъезде. Но потом мы передумали. Я почувствовала, что это и вправду было бы нехорошо по отношению к Кендалам. В конце концов, это ведь не их вина — такое может случиться где угодно.

— Минуя середину жизни, мы уже на пороге смерти, — торжественно изрек священник.

— Вы знаете, — продолжала мисс Прескотт, — для них очень важно добиться успеха с этим отелем. Они вложили в него весь свой капитал.

— Эта девушка — совершеннейшая прелесть, но в последние дни она не очень хорошо выглядит.

— Очень нервная, — согласилась мисс Прескотт. — Конечно же, в такой семье… — она покачала головой.

— Я искренне полагаю, Джоан, — прервал ее каноник с мягким укором, — что о некоторых вещах…

— Про это все знают. Ее семья живет где-то в наших краях. Двоюродная бабка у нее — очень странная, и один из дядюшек на какой-то станции метро взял и попросту разделся догола. По-моему, это было в «Грин-парке».

— Весьма плачевно, — сказала, качая головой,

мисс Марпл, — хотя это и не совсем уж редкая форма безумия. Помню, когда мы работали в помощь армянским беженцам — еще до первой мировой войны, очень респектабельный старый священник огорчил нас точно таким же образом. Пришлось позвонить его жене, она приехала немедля и забрала его домой в кэбе, закутав в одеяло.

— Конечно, близкая родня у Молли вся нормальная, — пояснила мисс Прескотт. — Правда, она никогда не ладила со своей матерью, но в наше время, кажется, только немногим девушкам удается поладить со своими родителями.

— Ах, какая жалость, — мисс Марпл покачала головой. — Вы знаете, ведь Молли — молодая девушка и нуждается в материнских советах.

— Именно так, — с чувством сказала мисс Прескотт. — Вы знаете, ведь Молли увлеклась каким-то мужчиной. Совершенно неподобающим, как я понимаю.

— Это так часто случается, — ответила мисс Марпл.

— Естественно, что семья ее не одобрила. Сама она им не сказала, но они услыхали об этом от кого-то постороннего. Конечно, ее мать стала настаивать, чтобы она привела его в дом и пред-

ставила как полагается. Насколько я понимаю, она отказалась и заявила, что для него это было бы унизительным. Начались всяческие оскорбления. Молли пытались принудить, чтобы ока показала его семье, а те бы уж разобрались, что к чему. Она потом сама говорила, что будто они лошадь покупали…

— Когда имеешь дело с молодежью, нужно столько деликатности, — прошептала мисс Марпл.

— Что там началось! Ей не позволили с ним встречаться.

— Но в наше время это невозможно, — сказала мисс Марпл. — Девушки теперь ходят на работу и встречаются с кем хотят, запрещай, не запрещай.

— А потом, к великому счастью, — продолжала мисс Прескотт, — она встретила Тима Кендала, и тот, другой, со сцены исчез. Я вам передать не могу, как все легко вздохнули.

— Надеюсь, они откровенно этого не выказали, — заметила мисс Марпл. — Это так часто уводит девушек от подходящего выбора.

— Да, да.

— А если вспомнить себя, — прошептала мисс Марпл, вернувшись на мгновение в прошлое… Молодой человек, с которым она познакомилась,

играя в крокет, казалось, был таким милым, таким веселым, почти богемным во взглядах. Ее отец принял его с неожиданным радушием и неоднократно приглашал заходить к ним запросто. Ах, этот молодой человек был таким подобающим, таким подходящим по всем статьям, пока мисс Марпл не поняла, что он глуп.

Каноник, казалось, благополучно посапывал, и мисс Марпл решила бросить пробный шар, переходя к предмету, который больше всего ее сейчас занимал.

— Конечно, вы так много знаете обо всех этих местах, — прошептала она. — Ведь вы уже несколько раз, наверное, здесь, побывали?

— Ну, да, и в прошлом году, и двумя годами раньше. Мы очень полюбили Сент-Оноре. Тут всегда такие приятные люди. Не то что вся показуха, куда съезжаются миллионеры.

— Тогда, я полагаю, вы прекрасно знаете Хиллингдонов и Дайсонов.

— Да, неплохо.

Мисс Марпл кашлянула и слегка понизила голос.

— Майор Полгрейв такое мне рассказывал… — проторила она.

— У него был огромный репертуар всяких рас-

сказов, правда? Конечно, он необычайно много путешествовал. Африка, Индия, даже, по-моему, Китай.

— Да, да, — оживилась мисс Марпл, — но я имею в виду не это. Он мне рассказывал кое-что про одного из этих, о которых я только что упоминала.

— О, — понимающе произнесла мисс Прескотт.

— Да. И теперь меня интересует… — мисс Марпл обвела пляж кроткими глазами и остановила взгляд там, где ничком лежала на солнце Лаки. — Правда, какой восхитительный загар. И волосы. Очень красивые. Почти одного цвета с Молли, вы не находите?

— Только разница в том, что у Молли они свои такие, а у Лаки — из бутылочки!

— Послушай, Джоан, — возразил каноник. — Разве ты не находишь, что говорить вот так — довольно неприлично?

— Почему же, — ехидно сказала мисс Прескотт, — если так оно и есть.

— Мне, например, смотреть на нее очень нравится, — улыбнулся священник.

— Еще бы! Вот почему она и старается! Но уверяю тебя, мой дорогой Джереми, что ни одну женщину это не собьет с толку ни на секунду. Разве нет? — обратилась она за поддержкой к

мисс Марпл.

— Конечно, у меня нет такого опыта, как у вас, но я боюсь, что волосы у нее, я бы сказала, определенно не натуральные. Это видно по корням на пятнадцатый или шестнадцатый день… — Они с мисс Прескотт переглянулись и кивнули друг другу в спокойном женском согласии.

Каноник, видимо, снова заснул.

— Майор Полгрейв рассказывал мне что-то совершенно невероятное, — зашептала мисс Марпл, — про… Я не могла себе толком уяснить, потому что бываю глуховата. Он то ли говорил, то ли намекал… — мисс Марпл сделала паузу.

— Я знаю о чем вы говорите. Здесь было столько разговоров об этом в свое время…

— Вы имеете в виду в то время, когда…

— Когда скончалась первая миссис Дайсон. Это было так неожиданно. Фактически все ведь знали, что у нее мнимые болезни, ну… ипохондрия. Поэтому, когда у нее был приступ и она так внезапно умерла, то, конечно, об этом все заговорили.

— А там не было какой-нибудь… ну… неприятности в то время?

— Доктор был в затруднении. Он был совершенно молодой человек и еще не имел большого

опыта. Видимо, это оказался один из тех, кого я называю «антибиотики». Знаете, такие, которые не в силах как следует посмотреть пациента и которым совершенно все равно, жив он пока или помер. Они ему просто выписывают какие-нибудь пилюли, и если эти пилюли не действуют, выписывают другие. Да, по-моему, врач был озадачен, однако у нее перед этим, кажется, болел живот. По крайней мере, так утверждал ее муж, и, вроде бы, никаких событий, особых причин сомневаться, что там не все чисто, не было…

— Но сами вы думаете…

— Я всегда стараюсь иметь непредвзятое мнение, но, знаете ли, можно только удивляться, потому что из всего того, что говорили люди…

— Джоан! — священник сел, как солдат, готовый к рукопашной. — Я не хочу, я действительно не хочу, чтобы ты повторяла все эти злобные сплетни. Мы с тобой всегда держались подальше от вещей подобного рода. Не смотри во зло, не слушай во зло, не говори во зло, и, более того, не думай во зло! Вот что должно быть заповедью любого христианина и любой христианки.

Обе женщины замолчали. Им сделали выговор, и они, в силу своего воспитания, уступили мужскому мнению. Но в душе своей чувствуя, что все

рушится, они отнюдь не раскаялись и сидели до крайности раздраженные. Мисс Прескотт смотрела на брата с нескрываемой злостью. К счастью для них, на этот раз удача им улыбнулась.

— Отец мой, — раздался пронзительный детский голосок. Это была французская девчушка из тех детей, которые играли на мелководье. Она подошла никем не замеченная и теперь стояла у кресла священника.

— Отец мой, — повторила она высоко и звонко.

— А? Да, моя дорогая? Ну, что случилось, моя малютка?

Девочка объяснила. У детей вышел спор, кому из них следующему плавать на спасательном круге, и кроме того, у них накопились и другие вопросы. Каноник Прескотт чрезвычайно любил детей, особенно маленьких девочек, и всегда с удовольствием становился арбитром в детских спорах. А потому он с готовностью тотчас вскочил и вместе с девочкой отправился к берегу. Мисс Марпл и мисс Прескотт с облегчением вздохнули и повернулись друг к другу.

— Конечно, это правильно,что Джереми против всяческих злобных толков, — сказала мисс Прескотт, — но ведь нельзя же не обращать внимания на то, что говорят люди. В то время тут

столько разговору было!

— Да, неужели? — спросила мисс Марпл, как бы подхлестывая мисс Прескотт.

— Эта молодая женщина, как вы понимаете, миссис Грейторекс, по-моему, тогда ее звали — сейчас я толком-то и не вспомню, — была какой-то кузиной миссис Дайсон и за ней ухаживала. Давала ей всяческие лекарства и тому подобное… — Тут возникла короткая бессмысленная пауза. — И конечно, я так полагаю, — голос мисс Прескотт понизился, — между ней и мистером Дайсоном что-то началось. Очень многие это заметили. Я хочу сказать, что такие вещи в подобных местах сразу бросаются в глаза. А потом случилась странная история с каким-то лекарством, которое Эдвард Хиллингдон получил для нее у аптекаря.

— О, и Эдвард Хиллингдон в этом участвовал?

— О, да, он был в то время очень увлечен ею, и это люди тоже заметили. А Лаки, вернее, мисс Грейторекс, их постоянно стравливала. Грегори Дайсона и Эдварда Хиллингдона. Нельзя не признать, она всегда была красавица.

— Хотя уже и не так молода, — вставила мисс Марпл.

— Именно! Однако она всегда была прекрасно

одета и накрашена. Конечно, не такой шикарной, тогда она была просто бедной родственницей. Всегда казалось, что она так предана своей больной сестре. Ну, вы же понимаете, что там было.

— А что за история с аптекарем, как про это стало известно?

— Ну, это, по-моему, случилось, когда все они были на Мартинике. Француз, кажется, а они гораздо несдержаннее, чем наши в делах со всякими наркотиками. Этот аптекарь кому-то проболтался и что-то вышло наружу, ну, вы ведь знаете, как это бывает.

Мисс Марпл знала.

— Он говорил, что полковник Хиллингдон кое-что у него спрашивал и, казалось, он сам не знал, что это такое. Представляете, справлялся по клочку бумаги, на котором было записано название. Во всяком случае, как я говорю, пошли разговоры.

— Но я совершенно не понимаю, зачем полковнику Хиллингдону… — Мисс Марпл сдвинула брови в недоумении.

— Полагаю, его просто использовали. Во всяком случае Грегори Дайсон женился вновь и в почти непристойно короткий срок. Едва ли месяц спустя, насколько я знаю.

Они переглянулись.

— Но там ведь не было реальных подозрений? — спросила мисс Марпл.

— О, нет… Одни разговоры. Они могли ведь абсолютно ничего и не значить.

— А вот майор Полгрейв думал по-другому.

— Он говорил вам это?

— Я толком не слушала, — призналась мисс Марпл. — Я просто решила поинтересоваться, не говорил ли он и вам того же самого?

— Он как-то указал мне на нее, — сказала мисс Прескотт.

— Правда, прямо так и указал?

— Да. Поначалу я, по правде сказать, подумала, что он показывает на миссис Хиллингдон. Он похихикивал и дышал еще так тяжело, а потом сказал: «Посмотрите-ка вон на ту женщину. Я так думаю, она совершила убийство и вылезла сухой из воды». Конечно, я была крайне шокирована и ответила: «Не сомневаюсь, что вы шутите, майор Полгрейв», а он мне: «Да, да, дорогая леди, давайте назовем это шуткой». Как раз неподалеку за столом сидели Хиллингдоны и Дайсоны, и я боялась, что они могут услышать. И он еще сказал, посмеиваясь: «Должно быть, не очень-то осторожно идти к ним на вечеринку, где эта дама смешает

мне коктейль. Прямо-таки ужин с Борджиа».

— Ах, как это интересно! — воскликнула мисс Марпл. — А он не упоминал о… о фотографии?

— Не помню… Это какие-нибудь газетные вырезки?

Мисс Марпл, собираясь ответить, открыла было рот и тут же закрыла. Чья-то тень на мгновение заслонила солнце. Проходя мимо них, Эвелин Хиллингдон приостановилась.

— Доброе утро, — сказала она.

— А я все думаю, куда это вы подевались? — спросила мисс Прескотт, с живостью на нее поглядывая.

— Я ездила в Джеймстаун за покупками.

— О, я понимаю.

Мисс Прескотт как бы невзначай посмотрела по сторонам, и Эвелин Хиллингдон сказала:

— О, я не брала с собой Эдварда. Мужчины не любят ходить по магазинам.

— И вы нашли что-нибудь интересное?

— Да нет, мне нужно было другое. Я просто зашла в аптеку, — и с улыбкой кивнув, она продолжала спускаться к морю.

— Какие милые люди эти Хиллингдоны, — заметила мисс Прескотт, — хотя, по-настоящему, ее нелегко узнать поближе, не правда ли? То есть,

я хочу сказать, она всегда такая любезная и все такое, но, кажется, с ней никогда не сойдешься покороче.

Мисс Марпл задумчиво согласилась.

— Никогда не знаешь, о чем она думает, — заметила мисс Прескотт.

— Возможно, это и к лучшему, — сказала мисс Марпл.

— Прошу прощения.

— О, ничего существенного, просто у меня всегда такое чувство, что она, может быть, чем-то расстроена.

— О, — в замешательстве сказала мисс Прескотт, — я понимаю, о чем вы говорите, — и она продолжала, несколько меняя тему, — по-моему, у них очаровательное поместье в Гемпшире, и мальчик, или два мальчика, которые учатся… или все-таки один из них, в Винчестере.

— А вы хорошо знаете Гемпшир?

— Нет, совсем не знаю, но мне кажется, их дом где-то неподалеку от Олтона.

— Понимаю, — мисс Марпл помедлила и спросила: — А где живут Дайсоны?

— В Калифорнии, — ответила мисс Прескотт, — когда они бывают дома, разумеется. Они больше путешественники.

— Ах, как мало в самом деле знаешь о людях, которых встречаешь, когда путешествуешь, — проговорила мисс Марпл. — Я имею в виду… ну, как бы это сказать… Ты знаешь про них только то, что они сами тебе расскажут. К примеру, вот вы же тоже не знаете, наверняка, что Дайсоны живут в Калифорнии.

Мисс Прескотт смотрела на нее с испугом.

— Я уверена, да и сам мистер Дайсон как-то говорил об этом.

— Да, да, как раз именно про это я и говорю. То же самое, что с Хиллингдонами. Я имею в виду, что когда вы говорите, что они живут в Гемпшире, вы ведь на самом деле просто повторяете то, что они вам сами о себе рассказали, разве нет?

Мисс Прескотт немного встревожилась.

— А вы хотите сказать, что они не живут в Гемпшире? — спросила она.

— Нет, нет, ни секунды не сомневаюсь в этом, — быстро произнесла мисс Марпл извиняющимся тоном. — Я просто привела их как пример, чего мы знаем и чего не знаем о людях, — и она прибавила: — Вот я вам рассказала, что живу в Сен Мери Мид. Но ведь вы же сами этого не знаете?

Мисс Прескотт воздержалась от замечания, менее всего ее заботило, где проживает мисс Марпл.

Это было где-то на юге Центральной Англии, и это все, что она знала.

— О, я понимаю, что вы хотите сказать, — поспешно согласилась она. — Я знаю, за границей невозможно быть особенно разборчивой.

— Я подразумевала совсем не то.

А сама-то она знает, спросила у себя мисс Марпл, что каноник Прескотт и мисс Прескотт подлинные каноник Прескотт и мисс Прескотт? Это они так говорят, и не доверять им у нее оснований не было. Но ведь как было бы и вправду легко нацепить под горло воротник-стойку, подобающе вырядиться и вести соответствующие разговоры. Если только есть мотив…

Мисс Марпл прекрасно знала духовенство той части страны, где она жила, но Прескотты приехали с севера. Кажется, из Дарема? Она не сомневалась, что они были Прескотты, но это все было то же самое — приходилось верить тому, что люди рассказывали о себе сами.

Может быть, здесь-то и нужно было быть настороже. Вполне возможно… И она в задумчивости покачала головой.

Глава 19
Туфли

Каноник вернулся несколько запыхавшийся, и вскоре они вернулись в отель, найдя, что на пляже слишком жарко.

— Но как может быть пляж слишком жарким? — сказала насмешливо сеньора де Каспеаро, когда они ушли. — Это чепуха. И посмотрите, что она одевает — ее руки, шея совсем закрыты. Может быть, и хорошо это есть. У нее кожа ужасный, как ощипанный цыпленок.

Мисс Марпл перевела дыхание. Сейчас она переговорит с сеньорой де Каспеаро. К несчастью, она не знала, с какого боку подступиться. Казалось, что им с сеньорой трудно будет найти общий язык.

— А у вас есть дети, сеньора?

— У меня три ангела, — ответила сеньора, целуя свои пальцы.

Мисс Марпл не могла взять в толк: то ли отпрысков де Каспеаро прибрал господь, то ли речь шла об их характерах.

Один из разношерстных джентльменов что-

то сказал по-испански, и сеньора де Каспеаро, понимающе откинув голову назад, громко и мелодично засмеялась.

— Вы понимаете, что он сказал? — спросила она у мисс Марпл.

— Боюсь, что нет, — виновато ответила та.

— Это просто хорошо. Он злодей.

Они быстро и с жаром обменялись какими-то испанскими шутками.

— Это непотребно, непотребно, — сеньора де Каспеаро с неожиданной мрачностью перешла на английский, — что полиция не дает нам ехать с острова. Я сержусь, я кричу, я топаю ногой, однако все они говорят: «Нет, нет». Вы знаете, как оно будет кончаться? Нас всех заубивают! — Телохранитель пробовал ее разуверить. — Ну да… Я скажу вам, это несчастье здесь. Я с самого начала знавала. Этот старый майор, весь мерзкий, он имел дурной глаз, вы помните? Его глаза косые — это плохо, да!.. Я делаю рога каждый раз, когда он смотрит в мой сторону… — Она проиллюстрировала это жестом. — Хотя такой, как он, косой, и я не всегда уверенная, когда он смотрит в мой сторону…

— У него был стеклянный глаз, — постаралась втемяшить ей мисс Марпл. — Как я понимаю, с

ним в юности случилось несчастье, и это была не его вина.

— Я вам и скажу — он приносил несчастье! И я говорю — это все дурной глаз у него была, — и кисть ее опять выстрелила в широко известном латинском жесте — указательный палец и мизинец резко отходят вверх, оставляя средние пальцы сдвоенными. — В любом случае, — сказала она весело, — он умер, и я не буду больше смотреть на него. Я не любил, когда смотреть на такое мерзкое.

Это была, подумала мисс Марпл, весьма безжалостная эпитафия над усопшим.

Грегори Дайсон вылез из воды. Лаки перевернулась на песке. Эвелин Хиллингдон взглянула на Лаки, и выражение ее лица заставило почему-то мисс Марпл поежиться.

«При такой жаре я никак не могла замерзнуть», — подумала она. Что это было за странное выражение: «И гусь, гуляя над твоей могилой…»

Она встала и медленно пошла назад.

По дороге она встретила мистера Рейфила и Эстер Уолтерс, которые спускались к пляжу. Мистер Рейфил подмигнул ей, но мисс Марпл, посмотрев на него с неодобрением, перемигиваться не стала.

Она вернулась к себе в бунгало и легла, потому что почувствовала себя старой, усталой и растревоженной.

Она была целиком и полностью уверена, что времени терять нельзя… Нельзя… терять… времени… Это было уже позднее… Солнце склонилось к закату. Солнце… Нужно всегда смотреть на солнце через закопченное стекло… Куда же делся этот черный кусочек стекла, который ей кто-то дал?

В конце концов зачем ей стекло? И тень закрыла солнце, уничтожая его… Тень. Тень Эвелин Хиллингдон… Нет, не Эвелин… Это была Тень из псалмов… Тень из долины смерти. Вот что это было. Ей нужно… что же ей нужно? Ну да — сделать рога… Рога… и отвести дурной глаз… дурной глаз майора Полгрейва…

Веки ее дрогнули, и она приоткрыла глаза. Оказывается, она заснула. Но тень была — кто-то заглядывал к ней в окно. Тень двинулась прочь, и мисс Марпл увидела, кто это был. Это был Артур Джексон.

«Какая наглость подглядывать! — подумала она и мимоходом прибавила: — Ну прямо вылитый Джонс Пэрри».

Сравнение это не оставляло никакого доверия Джексону.

Мисс Марпл заинтересовалась, зачем это Джексону понадобилось заглядывать к ней в спальню. Удостовериться, что она здесь? Или ему важнее, что она спала?

Она встала, зашла в ванную и осторожно выглянула в окно.

Артур Джексон стоял у двери бунгало мистера Рейфила. Она видела, как он украдкой оглядел по сторонам и быстренько проскользнул вовнутрь. Интересно, подумала мисс Марпл, и с чего бы ему вести себя так таинственно. Ничего не могло быть естественнее, чем Джексон, входящий в бунгало мистера Рейфила, тем более, что сам он занимал в нем одну из задних комнат. Он всегда сновал туда и сюда, выполняя различные поручения, и почему на сей раз он бросил этот быстрый затаенный взгляд?

«На это есть только одна причина, — ответила себе мисс Марпл.— Ему нужно было, чтобы никто не видел его входящим в бунгало именно сейчас, потому что у него там есть какое-то дело».

Минут через двадцать Джексон должен явиться на пляж, чтобы помочь искупаться мистеру Рейфилу, и если он хотел сделать что-нибудь в бунгало незамеченным, трудно выбрать более удобный момент. Он удовлетворится тем, что

мисс Марпл спала, и никто поблизости не мог наблюдать за ним.

Сидя на кровати, мисс Марпл сняла свои плетеные сандалии и заменила их на плимсоли[8]. Затем, покачав головой, она сняла плимсоли, порылась в чемодане и вытащила из него пару туфель. Каблук одной из них шатался, Мисс Марпл, орудуя пилочкой для ногтей, расшатала его еще больше и с должной предосторожностью вышла из бунгало в одних носках. Со всеми повадками Большого охотника[9], почти подкравшегося к стаду антилоп, мисс Марпл кругом обогнула бунгало мистера Рейфила и, осторожно маневрируя, завернула за угол. Она тихонько положила одну из туфель, и, напоследок дернув изо всех сил за каблук другой, мягко опустилась на колени и легла ничком прямо под окнами бунгало. Если бы Джексон что-нибудь услышал и подошел к окну, он увидел бы, что под окном упала старая леди, у которой сломался каблук. Но, видимо, Джексон так ничего и не услыхал.

С большой осторожностью мисс Марпл подняла голову — окна у бунгало были расположены

---

[8] Примечания: 8

Плимсоли — парусиновые тапочки с резиновой подошвой.

[9] Примечания: 9

«*Большой охотник*» — детская игра.

низко. Укрывшись за гирляндами густых вьюнов, она заглянула внутрь.

Джексон стоял на коленях перед чемоданом. Крышка чемодана была откинута, и мисс Марпл смогла разглядеть, что это был большой специальный кейс, битком набитый различными бумагами. Джексон просматривал их, время от времени вытаскивая какие-то документы из длинных конвертов. На своем наблюдательном посту мисс Марпл долго не задержалась. Она хотела только выяснить, чем занимался Джексон. Теперь она это узнала: Джексон был из тех, кто сует свой нос куда ни попадя. Искал ли он что-нибудь конкретное или всего-навсего удовлетворял свои природные склонности, выяснять она не собиралась. Теперь она убедилась, что Артур Джексон и Джонс Перри были разительно схожи между собой не только внешним обличьем.

Оставалось теперь уйти незамеченной. С большой осторожностью она снова легла и отползла вдоль клумбы в сторону, из окон ее бы уже не увидели. Вернувшись к себе, мисс Марпл тщательно запрятала и туфлю, и оторванный каблук. Хорошая выдумка, и, вероятно, она сможет повторить ее при случае… Надев сандалии, она пошла опять на пляж.

Улучив момент, когда Эстер Уолтерс была еще в воде, мисс Марпл присела в кресло, оставшееся свободным.

Грег и Лаки смеялись, болтали с сеньорой де Каспеаро. Все трое производили достаточно шума.

Мисс Марпл заговорила очень тихо, почти шепотом, не глядя на мистера Рейфила.

— Вы знаете, что ваш Джексон чрезмерно любознателен?

— Меня это ничуть не удивляет, — сказал мистер Рейфил. — Вы его застукали, что ли?

— Я ухитрилась пронаблюдать за ним через окно. Он рылся в бумагах у вас в чемодане.

— Должно быть, изловчился подделать ключ. Находчивый парень, ничего не скажешь. Только он будет здорово разочарован. Что бы он там ни разнюхал, впрок ему это не пойдет.

— Он спускается к нам, — мисс Марпл смотрела на тропинку.

— Значит пришло время моему идиотскому купанью, — и он добавил очень тихо: — А что касается вас, не будьте столь предприимчивы. Соблюдайте осторожность и не забывайте о своем возрасте. Мы не хотим, чтобы следующие похороны оказались вашими. Помните, что кое-кто

здесь не слишком щепетилен.

Глава 20
Ночная тревога

Наступил вечер, на террасе зажглись огни. Люди ужинали, смеялись и разговаривали, хотя и не так весело и громко, как прежде. Играл оркестр…

Но танцы закончились рано, гости зевали, и вскоре все отправились на покой. Огни погасли, наступила темнота и безмолвие — «Золотая пальма» спала…

— Эвелин! Эвелин! — раздался настойчивый свистящий шепот.

Эвелин Хиллингдон зашевелилась.

— Эвелин! Проснитесь, ради бога!

Эвелин Хиллингдон резко села на постели. В дверях стоял Тим Кендал. Она смотрела на него, изумленно раскрыв глаза.

— Эвелин, пожалуйста, пойдемте… Это Молли… Она больна. Я не знаю, что с ней случилось… По-моему, она приняла что-то…

Эвелин не медлила ни минуты.

— Все в порядке, Тим, — сказала она. — Я одеваюсь. Вы идите к ней, а я сейчас же приду следом.

Тим Кендал исчез. Эвелин бесшумно выскольз-

нула из постели, накинула халат и взглянула на другую кровать. Кажется, муж не проснулся. Он лежал, отвернувшись к стене, и ровно дышал. Поколебавшись, она решила его не будить. Выйдя в темноту, Эвелин быстро направилась к основному зданию, за которым находилось бунгало Кендалов. В дверях она догнала Тима.

Молли лежала на постели, закрыв глаза. Дыхание у нее было прерывистым, и Эвелин, склонившись над ней, подняла веко, проверив склеру, и прощупала пульс. После чего она осмотрела ночной столик. На нем был использованный стакан и рядом с ним другой — пустая склянка из-под таблеток.

— Это ее снотворное, — сказал Тим, — но еще вчера или позавчера тут было больше половины. Она, должно быть, выпила их все.

— Идите за доктором Грэмом, — приказала Эвелин, — и по дороге разбудите кого-нибудь из персонала — пусть ей сварят крепкий кофе, самый крепкий, какой только можно. И побыстрее! Торопитесь!

Тим бросился вон из комнаты. Выскочив, он столкнулся с Эдвардом Хиллингдоном.

— О, Эдвард, извините…

— Что здесь происходит? — спросил Хиллинг-

дон. — Что случилось?

— Это Молли. С ней Эвелин… Я должен бежать за врачом… Мне нужно было, наверное, сразу пойти за ним, но я… я не был уверен и подумал, что лучше сначала Эвелин — Молли бы рассердилась, если бы я привел врача без особой необходимости.

Он побежал дальше. Эдвард Хиллингдон посмотрел ему вслед и прошел в спальню.

— Что случилось? — спросил он. — Что-нибудь серьезное?

— О, это ты, Эдвард. Странно, что ты проснулся. Эта глупышка наелась каких-то таблеток.

— Это опасно?

— Я не могу сказать, не зная, сколько она их выпила, но не думаю, чтобы это было слишком опасно, если, правда, мы оказались вовремя. Я послала за кофе. Нужно дать ей чего-нибудь, чтобы ослабить действие…

— Но с чего бы ей делать это? Ты не думаешь… — он остановился.

— Что именно я не думаю? — спросила Эвелин.

— Ну… тебе не приходит в голову, что это из-за следствия — полиция и все такое?

— Может быть и так. Такие вещи очень действуют на нервных людей.

— Молли не производила впечатления нервной.

— Никогда нельзя сказать наверняка, — ответила Эвелин. — Многие люди, о которых и в жизни не подумаешь, временами теряют над собой контроль…

— Да, я помню… — начал он и замолчал.

— Беда в том, — сказала Эвелин, — что никто ничего ни о ком не знает… Даже когда человек находится рядом с тобой, — прибавила она.

— А ты не слишком далеко заходишь, Эвелин? Может быть, ты немного преувеличиваешь?

— Нет, не думаю. Когда мы смотришь на человека, то видишь только тот образ, который ты сам и создал.

— Но я тебя знаю, — тихо проговорил Эдвард Хиллингдон.

— Тебе просто кажется, что это так.

— Нет, нет, я в этом уверен, — и он добавил: — ты ведь тоже уверена, что знаешь меня…

Эвелин посмотрела на него, потом повернулась к кровати. Она взяла Молли за плечи и несколько раз ее встряхнула.

— Нужно сделать что-нибудь, хотя, наверное, лучше дождаться Грэма… О, по-моему, вот и они…

— Сейчас она очнется. — Доктор Грэм сочувственно вздохнул, отошел от постели и вытер платком лоб.

— Вы думаете, она поправится, сэр? — спросил с тревогой Тим.

— Да, да. Мы пришли вовремя. И как бы то ни было, она, скорее всего, приняла недостаточно, чтобы умереть. Через пару дней она у нас будет как огурчик, но в первые день-два ей будет довольно скверно. — Он взял пустой пузырек. — Все-таки, кто дал ей таблетки?

— Врач в Нью-Йорке. Она плохо спала.

— Понятно, понятно. В наше время все мы, медики, очень легко прописываем подобные вещи. Никто не посоветует молодой женщине посчитать от бессонницы овец, написать перед сном пару писем или встать и поесть печенья. Людям нужны минутные средства. Порой мне бывает жаль, что мы пускаем их в ход, но все мы уже примирились с этим. Прекрасно, если младенцу засовывают в рот пустышку, чтобы он перестал кричать, но ведь нельзя делать это на протяжении всей его жизни. — Он усмехнулся. — Держу пари, если бы вы спросили мисс Марпл, что она делает при бессоннице, она бы ответила вам, что считает овец, идущих в загон…

Молли шевельнулась, и он повернулся к постели. Сейчас глаза миссис Кендал были открыты. Она смотрела вокруг без малейшего интереса, никого не узнавая. Доктор Грэм взял ее за руку.

— Ну, ну, моя милая, что это вы с собой проделали?

Она моргнула, но не ответила.

— Зачем ты это сделала, Молли, зачем? Скажи мне, зачем? — Тим схватил ее за другую руку.

Глаза ее оставались неподвижными. Если они на ком и останавливались, то это была Эвелин Хиллингдон. Казалось, в них бьется робкий вопрос, но трудно было угадать, так ли это. Эвелин ответила, как будто вопрос был задан.

— Тим меня сюда привел, — сказала она.

Молли перевела взгляд на Тима, затем на доктора Грэма.

— Ну, теперь вы пойдете на поправку, — сказал доктор, — только больше этого не делайте.

— Она и не собиралась ничего делать, — тихо сказал Тим. — Я уверен, она и не думала… Она просто хотела хорошенько выспаться. Наверное, сначала таблетки не подействовали, вот она и приняла еще… Правда, Молли?

Она очень слабо кивнула головой, не соглашаясь с ним.

— Ты хочешь сказать, что ты сама их приняла?.. Нарочно? — спрашивал Тим.

И тогда Молли заговорила.

— Да.

— Но почему, Молли? Почему?

Веки ее дрогнули.

— Я боюсь, — прошептала она едва слышно.

— Боишься? Чего?

Глаза ее закрылись.

— Лучше пока оставить ее, — попросил доктор Грэм.

Тим пылко заговорил:

— Ты боишься полиции? Потому что тебе угрожали, задавали всякие вопросы? Я не удивлюсь — тут любой испугается, но у них просто такая работа, ведь никто ни минуты не думает, что… — он оборвал фразу: доктор Грэм решительно остановил его жестом.

— Я хочу заснуть, — сказала Молли.

— Это самое лучшее для вас, — ответил доктор.

Он направился к двери, и за ним последовали остальные.

— Она хорошо выспится, — заверил Грэм.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил Тим.

— Если хотите, я посижу с ней, — любезно предложила Эвелин.

— О, нет, нет, не стоит. Все в порядке, — ответил Тим.

Эвелин вновь подошла к постели.

— Молли, хочешь, чтобы я осталась?

Глаза у Молли снова приоткрылись.

— Нет, — прошептала она и прибавила: — только Тим…

Тим вернулся и сел у кровати.

— Я здесь, Молли, — проговорил он, беря ее за руку. — Спи… Я тебя не оставлю.

Она слабо вздохнула и закрыла глаза.

Выйдя из бунгало, Грэм остановился, и Хиллингдоны задержались вместе с ним.

— Вы уверены, что я больше ничем не смогу помочь? — спросила Эвелин.

— Я очень благодарен вам, миссис Хиллингдон, и думаю, что вы еще пригодитесь. Сейчас лучше ее оставить вдвоем с мужем, но завтра, скорее всего, он будет занят в отеле, и я думаю, кому-нибудь надо бы с ней побыть.

— А вы что, думаете, она может… может повторить? — спросил Хиллингдон.

Доктор Грэм раздраженно потер лоб.

— В таких случаях никогда не знаешь наперед. Скорее всего, что нет… Если взглянуть со стороны, укрепляющее лечение — вещь до край-

ности неприятная, однако никто не может быть абсолютно уверенным. Она могла где-нибудь спрятать еще такие же таблетки.

— Никогда бы не подумал, что девушка, вроде Молли, может решиться на самоубийство, — пробурчал Хиллингдон.

— Как правило, самоубийство совершают не те, кто постоянно этим угрожает, — сухо заметил доктор Грэм. — Такие обычно спускают пары, драматизируя самих себя.

— Мне казалось всегда, что Молли очень жизнелюбива. Я думаю, возможно… — Эвелин колебалась. — Все-таки я должна поговорить с вами, доктор Грэм…

Эвелин рассказала ему, о чем они говорили с Молли на пляже в ночь, когда убили Викторию. Лицо Грэма стало очень серьезным.

— Я рад, что вы сообщили мне это, миссис Хиллингдон. Это вполне определенные симптомы уже глубоко укоренившегося расстройства. Да… Утром я переговорю с ее мужем.

— Кендал, я хочу серьезно поговорить с вами о вашей жене.

Они сидели у Тима в конторе. Эвелин Хиллингдон подменила Тима у постели Молли, ее обещала позднее сменить Лаки. Мисс Марпл тоже

предложила свои услуги. Бедный Тим разрывался между женой и гостиницей.

— Я не могу понять этого, — говорил Тим. — Я больше не понимаю Молли… Она переменилась. Кажется, это совсем другой человек.

— Насколько я понял, ее мучают по ночам кошмары?

— Да, да. Она очень часто на них жалуется.

— И как долго это продолжается?

— О, я не знаю… С месяц, может быть, или дольше.. Она… мы… ну, мы думали просто, что это… ну, сны такие, знаете… они у всех бывают…

— Да, да, вполне понимаю. Но гораздо более серьезно то, что она, кажется, кого-то боится. Она вам жаловалась на это?

— Ну, да… Раз или два она говорила, что, в общем, какие-то люди ее преследовали.

— А! Шпионили за ней?

— Да, как-то она употребила именно это слово. Она сказала, что это были какие-то ее враги, и они ее здесь выслеживали.

— А у нее что, есть враги, мистер Кендал?

— Да нет, ну что вы! Конечно, нет.

— А не было ли чего-нибудь в Англии еще до вашего брака, вы не знаете?

— Нет, нет, ничего похожего. Она не особо ла-

дила со своей семьей, вот и все. Ее мать довольно эксцентричная женщина, с которой, возможно, было трудно ужиться, но…

— У нее в семье не было случаев психических расстройств?

Тим собрался ответить, однако промолчал и надел колпачок на авторучку, лежавшую перед ним на конторке.

— Я еще раз подчеркиваю, Тим, что если так, то лучше скажите мне. Тем более при данных обстоятельствах.

— Ну, в общем, по-моему, что-то там было. Ничего серьезного, просто вроде какая-то ее тетка была немного задвинута. Но ведь это же ничего не значит… То есть я хочу сказать, что такое бывает чуть ли не в каждой семье.

— О да, это чистая правда. Я не хочу вас пугать, но это может помочь проследить в случае возникновения любого стресса тенденцию к нервным расстройствам или психическим заболеваниям.

— Да я ведь как следует всего и не знаю, — сказал Тим. — В конце концов, люди же не изливают вам свои семейные неурядицы, верно?

— Конечно, конечно. А у нее не было в прошлом человека, за которого она собиралась замуж и который мог бы ревновать ее и преследовать?

— Не знаю, но я не думаю, чтобы это было так. Кто-то хотел на ней жениться, но, насколько я понял, ее родители были очень против и, по-моему, она втюрилась в этого парня только наперекор семье. — Тим криво усмехнулся. — Вы ведь знаете, как это бывает в юности: если вокруг тебя поднимают возню, ты залипаешь только сильнее, кто бы это ни был.

— Да, это часто видишь, — улыбнулся доктор Грэм. — Никогда не следует противиться, если у ребенка неподходящие друзья. Обычно дети сами перерастают через это естественным путем. А этот человек, кем бы он ни был, не угрожал ей как-нибудь?

— Нет, я уверен, что нет. Она бы мне сказала. Она сама говорила мне, что это было просто глупое детское наваждение, в основном, только из-за его необычайно дурной репутации.

— Да, да, понятно. Все это выглядит несерьезно. Ну, а теперь еще одно. По-моему, Тим, у вашей жены случаются, судя по ее описаниям, провалы в памяти. Такие небольшие промежутки, когда она совсем не помнит, что она делает. Вы об этом знали?

— Нет, — медленно произнес Тим. — Нет, не знал. Мне она никогда не говорила. А, знаете, я

ведь замечал кое-что и сейчас, когда вы об этом упомянули, вспомнил, что временами она казалась мне довольно рассеянной… — Он замолчал, что-то соображая. — Да, это объясняет все. Я никак не мог понять, почему она забывала о простейших вещах, не знала иногда: вечер уже или день… Я ведь думал, что она попросту рассеянная.

— Просто теперь все объяснилось, Тим, и я решительно советую вам показать вашу жену хорошему специалисту.

Тим покраснел от гнева.

— Вы имеете в виду специалиста для психов, что ли?

— Успокойтесь, успокойтесь, не будем навешивать ярлыки. Невропатологу, психоаналитику, словом, кто, говоря обычным языком, занимается нервными расстройствами. Должно быть, есть хороший врач в Кингстоне или в Нью-Йорке. Ведь что-то лежит в основе всех этих нервных страхов, что-то, причину чего ваша жена, возможно, и сама не знает. Послушайтесь моего совета, Тим, и чем скорее, тем лучше.

Он похлопал молодого человека по плечу и встал.

— Здесь не о чем особенно тревожиться. У вашей жены хорошие друзья, и мы все за ней

присмотрим.

— А как вы думаете, она не… не попробует повторить?

— Скорее всего, это маловероятно, — успокоил доктор Грэм.

— Но вы не можете быть уверенным! — возразил Тим.

— Первое, чему меня научила моя профессия: никогда и ни в чем нельзя быть уверенным, — ответил доктор Грэм. Он вновь положил руку на плечо Тиму. — Не нужно так сильно тревожиться.

— Легко сказать, — проговорил Тим, когда старый врач скрылся за дверью. — Ничего себе, не тревожиться! А что бы он-то на моем месте делал?

Глава 21
Джексон и косметика

— Вы уверены, что вас это не затруднит, мисс Марпл? — спросила Эвелин Хиллингдон.

— Ни в коем случае, моя дорогая, — сказала мисс Марпл. — Я только счастлива хоть чем-нибудь помочь. В моем возрасте, знаете, уже чувствуешь себя бесполезной на свете. Особенно здесь, на островах, где никаких обязанностей, а только сплошные удовольствия. И не думайте, я буду очень рада посидеть с Молли. А вы идите себе спокойно в экспедицию. Опять в Пеликанью бухту?

— Да, — сказала Эвелин. — Мы с Эдвардом просто влюблены в нее. Я никогда не устаю следить, как эти птицы ловят рыбу. С Молли сейчас Тим, но у него много дел, а он, кажется, не хочет оставлять ее одну.

— Он хорошо держится, — заметила мисс Марпл. — Я бы не смогла на его месте. Когда кто-нибудь совершает подобную попытку… Ну что ж, идемте, дорогая.

Эвелин присоединилась к небольшой группе, которая ждала неподалеку — ее муж, Дайсоны и с

ними еще трое или четверо. Мисс Марпл проверила, не забыла ли она чего-нибудь, и, убедившись, что все необходимое для сегодняшнего вязания при ней, направилась к бунгало Кендалов.

И только она поднялась в лоджию, как сквозь приоткрытое французское окно раздался голос Тима.

— Ты только скажи мне, Молли, зачем ты это сделала? Что тебя заставило? Это из-за меня? Должна же быть какая-то причина. Если б ты только сказала мне!

Мисс Марпл помедлила. Возникла маленькая пауза, потом заговорила Молли. Голос ее был утомленным и безжизненным.

— Я не знаю, Тим, я и вправду не знаю. Наверное, на меня просто нашло…

Мисс Марпл постучала в окно и вошла из лоджии в спальню.

— А, это вы, мисс Марпл! Спасибо, что пришли! Вы очень добры к нам.

— Ну что вы, пустяки, — сказала мисс Марпл. — Я счастлива, что смогу помочь вам хоть чем-нибудь. Можно я сяду на этот стул? О, Молли, а вы сегодня гораздо лучше выглядите. Я так рада!

— Я уже выздоровела, — ответила Молли. — Я теперь совсем здорова, только… только спать все

время хочется.

— Я не стану разговаривать, — обещала мисс Марпл. — Я тихонько займусь вязанием, а вы спокойно лежите и отдыхайте.

Тим Кендал с благодарностью посмотрел на нее и вышел из спальни. Мисс Марпл уютно устроилась в кресле.

Молли, измученная и заторможенная, лежала слева от нее.

— Вы очень добры, мисс Марпл, — произнесла она почти шепотом. — Я… Я, по-моему, опять засыпаю, — и она закрыла глаза, отворачиваясь к стене.

Дыхание у нее выровнялось, хотя было еще и далеко от привычного. Долгий опыт по уходу за больными заставил мисс Марпл почти автоматически поправить простыню и подоткнуть ее под матрац. Неожиданно рука ее наткнулась на что-то прямоугольное и тяжелое. Несколько удивленная, мисс Марпл вытащила из-под матраца книгу. Мисс Марпл быстро взглянула на девушку, но та лежала неподвижно и, по всей видимости, спала. Мисс Марпл открыла книгу и увидела, что это было популярное пособие по психическим заболеваниям. Книжка сама раскрылась в том месте, где давалось описание приступов мании

преследования вместе с другими формами проявлений шизофрении и сходных с ней болезней.

Она не была предназначена для специалистов, наоборот, эта книга писалась для широкой публики, и пока мисс Марпл читала, лицо у нее становилось все мрачнее. Через несколько минут она закрыла книгу и задумалась. Потом с большой осторожностью положила ее обратно под матрац.

В некотором недоумении она покачала головой и бесшумно поднялась с кресла. Сделав несколько шагов к окну, она быстро обернулась и посмотрела через плечо. Глаза у Молли были открыты, но стоило ей обернуться, как они закрылись опять. Одну или две минуты мисс Марпл сомневалась, не почудился ли ей этот быстрый внимательный взгляд? Может быть, Молли только притворялась спящей? Но ведь это могло иметь вполне естественное объяснение. Скажем, она решила, что мисс Марпл затеет с ней разговор, если увидит, что та проснулась. Да, это вполне могло быть именно так.

Не показалось ли ей, что во взгляде Молли была какая-то хитрость, сама по себе уже неприятная для мисс Марпл? Но ведь никогда, подумала она, заведомо ничего не знаешь…

Она решила, что при первой же возможности попытается поговорить с доктором Грэмом, и вернулась к своему креслу, стоявшему у кровати. Через пять минут мисс Марпл почти уверилась, что Молли и в самом деле заснула. Никому не удалось бы лежать так неподвижно и дышать так ровно. Мисс Марпл снова встала. Сегодня она надела свои плимсоли, которые были, возможно, и не ахти какие элегантные, зато превосходно подходили к здешнему климату и очень удобно сидели на ноге.

Она тихо обошла спальню, постояв у каждого из обоих окон, которые выходили наружу в двух разных направлениях.

Территория отеля казалась пустынной и безмолвной. Мисс Марпл вернулась назад, и только она собралась сесть, как ей показалось, что снаружи раздался какой-то слабый звук, словно в лоджии скрипнули чьи-то шаги. На мгновение она растерялась, потом подошла к окну, открыла его немного шире, и, выйдя наружу, просунула внутрь голову и громко сказала:

— Я отлучусь на минуту, дорогая, только загляну к себе и поищу куда я могла засунуть этот образчик с узором. Я так была уверена, что захватила его с собой! Ну, а с вами, надеюсь, ничего не

случится, пока я вернусь? — Она повернулась от окна, кивая и говоря самой себе: — Спит, бедняжка. Ей это сейчас полезно.

Она, не торопясь, прошла через лоджию, спустилась по ступенькам и быстро свернула направо к тропинке. Наблюдатель, проходящий меж зарослей гибискуса, мог бы с изумлением увидеть, как мисс Марпл, резко изменив направление, обогнула клумбу, подошла сзади к тому же бунгало и вошла в другую дверь, которая вела в небольшую комнату, иногда служившую Тиму Кендалу как бы неофициальной конторой. Миновав ее, мисс Марпл оказалась в гостиной.

Чтобы в комнате сохранялась прохлада, широкие занавеси были полузадернуты, и мисс Марпл, скользнув за одну из них, стала ждать. Из окна ей хорошо была видна лоджия, и всякий, кто вознамерился бы подобраться к спальне Молли, оказывался в поле зрения. Прошло четыре или пять минут, прежде чем она что-нибудь увидела.

Ловкая стройная фигура в белом поднялась по ступенькам лоджии. Это был Артур Джексон. С минуту он постоял на балконе, затем тихо постучал в приоткрытую стеклянную дверь. Отсюда ей было слышно, что ему не ответили. Джексон украдкой глянул по сторонам и бесшумно про-

скользнул в спальню. Мисс Марпл двинулась к двери, которая вела в смежные ванные комнаты, но на полпути удивленно подняла брови. Минуты две поразмыслив, она вышла в коридор и прошла в ванную через другую дверь.

Джексон торопливо исследовал предметы на полке, висевшей над умывальником. Он сконфузился, но не удивился.

— О, — сказал он, — я… я не…

— Мистер Джексон?! — с величайшим изумлением произнесла мисс Марпл.

— Я так и думал, что вы где-нибудь здесь, — пролепетал Джексон.

— Вам что-нибудь нужно? — допытывалась мисс Марпл.

— Конечно, — Джексон уже пришел в себя. — Я просто взглянул, каким кремом пользуется миссис Кендал.

Мисс Марпл оценила тот факт, что Джексон, стоя перед ней с баночкой крема в руках, сразу же выкрутился.

— Какой приятных запах! — сказал он, наморщив нос. — Это восхитительный крем. Более дешевые подходят не для всякой кожи и могут вызвать раздражение. То же самое бывает и с пудрой.

— Вы, наверное, прекрасно в этом разбираетесь, — проговорила мисс Марпл.

— Я немного работал по фармацевтической линии, — объяснил Джексон, — а там приходится много знать о косметике… Кладете препарат в красивую баночку, в дорогую упаковку и только удивляетесь, как вы надули женщин.

— И вы за этим?.. — мисс Марпл умышленно оборвала вопрос на полуслове.

— Ну, конечно, нет, — отмахнулся Джексон. — Естественно, я пришел сюда не просто поговорить о кремах и лосьонах.

«У тебя нет времени, чтобы сочинить с три короба, — подумала мисс Марпл. — Посмотрим, как ты выпутаешься…»

— Дело в том, — заявил Джексон, — что миссис Уолтерс как-то одолжила миссис Кендал свою помаду. За ней-то я и пришел. Я постучал в окно, увидел, что миссис Кендал крепко спит, и подумал, что ничего страшного не будет, если я сам зайду в ванную и поищу.

— Да, я понимаю вас, — сказала мисс Марпл. — Так вы нашли ее?

Джексон покачал головой.

— Вероятно, помада у миссис Кендал в одной из сумочек, — проговорил он беспечно. — Я ведь

особенно и не беспокоился. Миссис Уолтерс меня не посылала, она просто случайно упомянула об этом, — и он продолжал осматривать полку. — А косметики у нее не слишком много. Да, в ее возрасте и с такой хорошей кожей…

— Вы, должно быть, на женщин смотрите совсем иначе, нежели другие мужчины, — мисс Марпл приветливо улыбнулась.

— Да. Я полагаю, что некоторые занятия меняют точку зрения.

— А вы разбираетесь в лекарствах, которые принимаются от нервов?

— О, да, я хорошо с ними знаком, и если на то пошло, я считаю, что их теперь развелось слишком много. И стимуляторов, и транквилизаторов, и галлюциногенов, и прочего стало больше чем достаточно. Когда их выдают по рецепту, они, может быть, и необходимы, но большинство из них можно получить и без рецепта, хотя некоторые нейролептики очень опасны.

— Да, да, я думаю, что так оно и есть, — сказала мисс Марпл.

— Вы знаете, они оказывают громадное воздействие на поведение. Большую часть проявлений подростковой истерии можно время от времени вызывать и у себя. Она ведь возникает не сама

собой — просто детки едят «колеса», как они это называют. Но ничего нового тут нет. Это известно давно. Все это пришло с Востока. Вы будете удивлены, если я вам скажу, что многие жены дают там своим мужьям наркотики. В Индии, например, в скверные старые времена молодая женщина, выйдя замуж за старика, не хотела, я думаю, отправлять его на тот свет, потому что ей самой пришлось бы тогда сгореть на погребальном костре. А если бы она отказалась, с ней обращались бы как с отщепенкой. Но зато жена могла держать своего старика-мужа под наркотиками, вызывая у него более или менее постоянно всякие галлюцинации, отчего он становился полоумным. — Он покачал головой. — Грязная работенка… А те же ведьмы? — продолжал он. — Знаете, сейчас про них много чего известно. Почему они так легко признавались, что они колдуньи и летали на шабаш верхом на метле?

— Пытка, наверное, — предположила мисс Марпл.

— Не всегда, — сказал Джексон. — Конечно, пытка — это само собой, но многие признавались в этом еще до пытки. И не столько даже признавались, сколько чуть не хвастались. На самом деле, они просто натирались мазью, в состав которой

входили белладонна и атропин, а если вы вотрете их в кожу, вам покажется, что вы летаете по воздуху, а бедные ведьмы думали, что они и взаправду летали. А возьмите средневековых убийц в Ливане и в Сирии. Им давали жевать индийскую коноплю, и у них начинались видения рая, возникало ощущение вечности. Потом им говорили, что то же самое будет с ними после смерти, но чтобы этого достичь, они должны пойти и совершить ритуальное убийство. Я, может быть, не так выражаюсь, но доходило именно до этого.

— Да, — вздохнула мисс Марпл, — а все потому, что люди по сути своей очень доверчивы.

— Вы это правильно заметили.

— Они верят тому, что им говорят. Да, да, мы все грешим этим, — прибавила она и следом спросила: — А кто рассказывал вам про Индию и мужей, которых там одурманивали? Майор Полгрейв?

— Да… он, — с некоторым удивлением ответил Джексон. — Майор мне очень много рассказывал таких историй. Конечно, большинство из них, должно быть, произошло, когда он еще и не родился, но, по всему видно, он знал об этом практически всё.

— Майор Полгрейв находился под впечатлением, что знает всё и обо всём, — сказала мисс

Марпл, — но в своих рассказах он и сам частенько запутывался. Да уж, — покачала она головой, — майор Полгрейв на всё имел ответ.

Из спальни донесся слабый звук. Мисс Марпл обернулась и быстро вышла из ванной. В дверях балкона стояла миссис Дайсон.

— Я… о! Я не думала, мисс Марпл, что вы тоже здесь.

— Я просто зашла на минуточку в ванную, — ответила мисс Марпл с достоинством и викторианской сдержанностью.

В ванной Джексон широко ухмыльнулся — его всегда забавляла викторианская благопристойность.

— А я заглянула просто поинтересоваться, не сменить ли вас? — проговорила Лаки. — Она спит, что ли?

— Думаю, да, — ответила мисс Марпл. — Вы не беспокойтесь, дорогая, идите и развлекайтесь…

— Я и пошла, но у меня началась такая отвратительная головная боль, что я тут же вернулась. Поэтому я и подумала, что смогу быть немного полезной.

— Ах, как это мило с вашей стороны! — воскликнула мисс Марпл. Она села в кресло и занялась вязанием. — Спасибо, дорогая, но я здесь совер-

шенно счастлива.

Какое-то мгновение Лаки колебалась, затем повернулась и ушла. Повременив секунду, мисс Марпл тихонько встала и на цыпочках прокралась в ванную, но Артур Джексон уже ретировался через другую дверь. Мисс Марпл взяла с полки баночку с кремом, которую он вертел в руках, и сунула в карман к себе.

Глава 22
Мужчина в ее жизни

Поболтать ненароком с доктором Грэмом оказалось не так просто, как надеялась мисс Марпл. Ей до чрезвычайности не хотелось говорить с ним напрямую, чтобы не привлекать внимания к тому, о чем она собираясь его спросить.

Тим вернулся опять к постели Молли, и мисс Марпл предложила еще раз подменить его на время ужина, когда он должен будет находиться в зале. Он пытался уверить ее, что миссис Дайсон или даже миссис Хиллингдон уже предложили свои услуги, но мисс Марпл твердо сказала, что обе они молодые женщины, которым нравится развлекаться, тогда как сама она предпочла бы съесть пораньше что-нибудь легкое и посидеть с Молли, и что это удовлетворит всех. Тим сердечно поблагодарил ее. Выйдя от Кендалов, она нерешительно потопталась на тропинке, ведущей к домику доктора Грэма, решая, что ей делать дальше.

Мысли ее путались, противореча друг другу, а если мисс Марпл чего и не любила, так именно

противоречий, путаницы у себя в голове. Все это дело начиналось вполне ясно: сам майор — это прискорбное вместилище всяких дурацких историй, его глупое заявление, которое явно было подслушано, и в результате — его смерть в течение суток. «Ничего загадочного», — подумала мисс Марпл.

Но дальше, как ей пришлось признать, не было ничего, кроме загадок. Сразу возникало слишком много направлений, и мысли разбегались.

Ее мысли упорно возвращались к будущей жертве. Кто-то должен быть убит, и чувство, что она должна хорошо знать, кто это будет, не оставляло мисс Марпл. Было нечто такое, что она слышала… Или видела? Или отметила?

Кто-то сказал ей нечто, имеющее к этому отношение… Джоан Прескотт? Та много чего говорила ей о самых разных людях… Что же это было — сплетни, скандальные случаи?.. О чем именно говорила Джоан Прескотт?

Грегори Дайсон, Лаки… Мысли остановились на Лаки. Доверяя своему чутью, мисс Марпл была целиком убеждена, что Лаки имела самое прямое отношение к смерти первой жены Грега. На это указывало всё… А не мог ли Грег оказаться следующей жертвой? Что, если Лаки решила попытать

счастья с новым мужем и хотела не только свободы, но и денег, а для этого ей нужно стать вдовой Грегори Дайсона?

«На самом деле, — сказала мисс Марпл самой себе, — все это одни догадки. Какая же я все-таки глупая… Истина должна быть в чем-то простом, если очистить ее от шелухи. В том-то и дело, что слишком много шелухи…»

— Разговариваете сами с собой? — раздался голос мистера Рейфила.

Мисс Марпл чуть не подпрыгнула — она совершенно его не заметила. С ним была Эстер Уолтерс, и они медленно шли к террасе.

— Я совсем не видела, как вы подошли, мистер Рейфил, — сказала мисс Марпл.

— У вас губы шевелились. Ну и к чему привела ваша настырность?

— К безотлагательности, — ответила мисс Марпл, — я только не могу понять того, что должно быть очевидным…

— Я рад, если все так просто… В любом случае рассчитывайте на меня.

Он заметил Джексона, который направлялся к ним по тропинке.

— А вот и вы, Джексон! Где это вас черти носят? Когда нужно, вас днем с огнем не сыщешь.

— Очень сожалею, мистер Рейфил, — ответил Джексон и ловко подставил плечо. — Вниз на террасу, сэр?

— Ведите-ка меня в бар, — заявил тот. — Вы свободны, Эстер. Можете идти переодеваться к ужину. Через полчаса найдете меня на террасе.

Он двинулся вперед вместе с Джексоном, а миссис Уолтерс опустилась на стул рядом с мисс Марпл и стала растирать плечо.

— С виду он, как пушинка, — заметила она, — однако у меня вся рука занемела. Что-то я вас сегодня совсем не видела, мисс Марпл.

— Да, я сегодня весь день сидела с Молли Кендал, — объяснила мисс Марпл. — Кажется, она почти выздоровела.

— А я вам скажу, что с ней и не было ничего особенного, — заявила Эстер Уолтерс.

Мисс Марпл подняла брови:

— Вы хотите сказать… То есть, вы думаете, что ее попытка самоубийства…

— Не думаю, чтобы это вообще была попытка, — ответила миссис Уолтерс. — Я на секунду не поверю, что она и вправду приняла смертельную дозу, и думаю, что доктор Грэм прекрасно об этом знает.

— Интересно, — сказала мисс Марпл, — а поче-

му вы так думаете?

— Потому что я в этом уверена. Такое случается очень часто. Просто это один из способов привлечь к себе чье-то внимание.

— Вроде «ты еще пожалеешь, когда я умру?» — процитировала мисс Марпл.

— Да, нечто подобное, — согласилась Эстер Уолтерс. — Хотя не думаю, чтобы у нее был именно этот мотив. Такие вещи случаются, когда ты до безумия любишь своего мужа и чувствуешь, что он тебе только подыгрывает.

— Значит, вы не считаете, что Молли Кендал очень любит своего мужа?

— Ну, а вы? — спросила Эстер Уолтерс.

Мисс Марпл раздумывала.

— Так или иначе, но мне кажется, Молли его любит, — ответила она и, помолчав, прибавила: — Возможно, я ошибаюсь.

Эстер криво улыбнулась:

— Вы знаете, я про нее кое-что слышала.

— От мисс Прескотт?

— О, не только… Здесь замешан мужчина. Она была увлечена кем-то, но ее родители были против.

— Да, я тоже об этом наслышана.

— А потом она вышла замуж за Тима. Может

быть, она и любила его по-своему, однако тот, другой, не отступился. Я как-то подумала, не последовал ли он и в самом деле за ней на этот остров.

— Неужели? Но кто?

— Представить себе не могу, — ответила Эстер, — но в таком случае они оба вели себя крайне осторожно.

— И вы полагаете, что она любит этого человека?

Эстер пожала плечами.

— Как я поняла, он был очень скверный, — сказала она, — однако, именно такие и знают, как залезть женщине в душу.

— А вы никогда не слышали, что он за человек? Чем он занимался?

— Нет. Люди строят разные догадки, но ведь их нельзя принимать всерьез. Может, он был женат, и поэтому ее семья невзлюбила его, возможно, он и правда был мошенник или попросту пил, или не поладил с законом — кто его знает. Одно я знаю наверняка — она все еще его любит.

— Вы что-нибудь видели?.. слышали?.. — рискнула спросить мисс Марпл.

— Я знаю, о чем говорю, — ответила Эстер, и голос ее прозвучал неприветливо и резко.

— Все эти убийства… — начала мисс Марпл.

— Вы никак не можете забыть о них? — спросила Эстер. — Вы даже мистера Рейфила в это впутали. А вы не хотите оставить все на своих местах? Уверена, что больше вы ничего не выясните.

Мисс Марпл посмотрела на миссис Уолтерс.

— Вам кажется, что вы догадались о чем-то, не правда ли? — спросила она.

— Думаю, что да. Вернее, я просто уверена.

— Тогда не следует ли вам поделиться догадками… для пользы дела?

— К чему? И что хорошего было бы? Я не смогу ничего доказать. А дальше?.. В наше время очень легко убрать человека и заявить, что все произошло непредумышленно. Несколько лет в тюрьме, и вы опять чисты и на свободе.

— А вам не приходит в голову, что, если вы не скажете, будет убит кто-нибудь еще?

Эстер доверительно покачала головой:

— Этого не произойдет.

— Но вы не можете быть уверенной!

— Однако я уверена. И, во всяком случае, я не вижу кого… — миссис Уолтерс нахмурилась. — Как бы то ни было, — прибавила она почти без всякой связи, — возможно, это непредумышлен-

но… возможно, ты и сам не ведаешь, что творишь, если ты на самом деле психически болен… О, я не знаю!.. Самое лучшее, если бы она уехала вместе с ним, кто бы он ни был, и мы смогли все забыть. — Взглянув на часы, она испуганно ахнула и вскочила:— Мне нужно бежать переодеваться!

Мисс Марпл посмотрела ей вслед. «Прямо беда с местоимениями, — подумала она, — путаница несусветная… Была ли у Эстер Уолтерс особая причина взять и намекнуть, что именно женщина повинна в смерти майора и Виктории? Во всяком случае, — отметила мисс Марпл, — прозвучало это так…»

— А, мисс Марпл? Сидите здесь совсем одна и даже не вяжете?

Это был доктор Грэм, которого она так безуспешно и долго пыталась встретить. Теперь он сам готов был присесть и поболтать с ней минут пять. Рассиживать он не будет, подумала мисс Марпл, потому как он тоже шел переодеться к ужину, а ужинал он обычно довольно рано. В нескольких словах она рассказала ему, что весь день просидела у постели Молли, и добавила:

— Трудно поверить, что Молли так быстро оправилась.

— В общем-то, — сказал доктор Грэм, — это

неудивительно. Она, знаете ли, не приняла ведь по-настоящему смертельной дозы.

— О! Но я поняла, что она выпила полпузырька таблеток…

Доктор Грэм снисходительно улыбнулся.

— Нет, — ответил он, — не думаю, чтобы она приняла их в таком количестве. Я бы сказал, что она собралась принять их все, но в последний момент половину, вероятно, выбросила. Людям часто кажется, что они хотят совершить самоубийство, а на самом деле это совсем не так, поэтому они ухитряются не принять летальной дозы, и дело тут не всегда в умышленном обмане — просто вмешивается подсознание.

— Или все-таки это может быть и умышленно. Я имею в виду желание показать, что… — мисс Марпл сделала паузу.

— Возможно.

— Скажем, если у них с Тимом произошла ссора…

— Вы знаете, они не ссорятся. По-моему, они очень любят друг друга. Хотя когда-нибудь это может случиться и с ними. Нет, не думаю, чтобы с ней теперь что-нибудь стряслось. Она уже вполне могла бы встать и заняться обычными делами. Однако будет лучше, если она полежит

еще денёк-другой.

Он поднялся, весело кивнул и пошел дальше. Мисс Марпл посидела еще немного.

В голове у нее теснились самые разные мысли… Книга под матрацем у Молли… И то, как Молли притворялась спящей…

То, что говорила Джоан Прескотт, а позднее и Эстер Уолтерс…

Затем она вернулась к самому началу — к майору Полгрейву…

Что-то изо всех сил рвалось наружу в ее сознании… Что-то связанное с майором…

Что-то, о чем ей нужно было только вспомнить.

Глава 23
Последний день

«И был вечер, и было утро, и был последний день», — сказала себе самой мисс Марпл.

Немного смутившись, она снова выпрямилась на стуле. Невероятно, что она задремала — джаз-банд играл вовсю, и кто бы мог дремать при этом? Ну что ж, подумала мисс Марпл, значит, она здесь освоилась. Что такое она сейчас произнесла? Какую-то цитату, в которой сделала ошибку? «И был последний день…»? «И был первый день», — вот как это должно звучать. Но сегодня уже не первый день и, видимо, еще не последний.

Она опять села прямо, чувствуя, что и в самом деле невероятно устала. Все эти тревоги, это ощущение позорного несоответствия… Неприятно было вспоминать этот странный и хитрый взгляд, которым смотрела на нее сквозь полуприкрытые веки Молли. Что происходило в тот момент в девичьей головке?.. Каким другим казалось все поначалу, подумала мисс Марпл. Тим Кендал и Молли — такая счастливая молодая чета… Хиллингдоны — такие приятные воспитанные,

что называется, «милейшие люди»… Жизнерадостный Грег Дайсон и веселая задиристая Лаки, тараторящая без умолку… Казалось, этим четверым было так хорошо вместе… Каноник Прескотт — этот общительный добряк, и Джоан — очень милая женщина, правда, не без ехидства. Милые женщины порой развлекаются сплетнями — они знают, что происходит, знают, когда дважды два — четыре и когда это можно растянуть до пяти. Но такие женщины безвредны. Их языки ведут беспрерывную войну, однако сами они первыми помогут тебе в несчастье… Мистер Рейфил — человек с характером. Такие сильные личности незабываемы, но мисс Марпл подумала, что знает о нем и еще кое-что…

Врачи, как он говорил, часто считали его безнадежным, но в то же время они недалеки от истины, и мистер Рейфил знал, что дни его сочтены…

Зная об этом наверняка, не предпринял ли он каких-либо действий? А это, подумала мисс Марпл, может быть очень важно.

Что же такое он ей сказал, и голос его прозвучал чуточку громче и уверенней, чем нужно? Мисс Марпл так много слышала всего в своей жизни, что прекрасно различала любые голосовые от-

тенки.

Мистер Рейфил что-то сказал ей, и это было неправдой…

Мисс Марпл посмотрела вокруг: на столиках светили фонарики, кругом сидели и ходили прелестно одетые женщины, и среди них — Эвелин в темном индиго с белым рисунком и Лаки в облегающем белом платье до пят в сиянии своих золотых волос. Сегодня, казалось, все были веселы и до краев наполнены жизнью. Даже Тим Кендал улыбался. Проходя мимо нее, он задержался и сказал:

— Я не могу отблагодарить вас за все, что вы сделали. Молли опять стала прежней, и доктор говорит, что завтра ей можно будет встать.

Мисс Марпл улыбнулась и ответила, что это хорошие новости. Все-таки у нее нашлись силы улыбнуться.

Поднявшись из-за столика, она медленно отправилась к себе. Ей хотелось бы подумать, повспоминать, связать воедино факты, слова, взгляды, но уставший мозг восставал. Он приказывал ей: «Спать! Тебе нужно лечь спать!»

Мисс Марпл легла в постель, прочла несколько стихов Фомы Кемпийского, томик которого всегда лежал у ее кровати, и выключила свет. Во тьме

она вознесла молитву. Если ты сам бессилен — попроси помощи. «Лишь бы сегодня ночью ничего не случилось!» — с надеждой прошептала она.

Внезапно мисс Марпл проснулась и села на постели У нее билось сердце. Она зажгла свет и посмотрела на маленькие часы у кровати… Два часа ночи… А снаружи продолжалось какое-то движение. Она встала, надела платье, обмотала голову шерстяным шарфом и вышла на разведку. Вокруг ходили люди с факелами. Увидев среди них каноника, мисс Марпл подошла к нему.

— Что происходит?

— О, это вы, мисс Марпл? Молли Кендал, она… Ее муж проснулся и обнаружил, что она исчезла. Теперь мы ее ищем.

Он торопился, и мисс Марпл пошла за ним, правда, более медленно. Куда и почему делась Молли? Нарочно ли она задумала все это, решив исчезнуть, как только бдительность ослабнет, а муж ее крепко заснет? Мисс Марпл подумала, что это возможно. Однако зачем? Был ли в этом замешан, как недвусмысленно намекала Эстер Уолтерс, другой мужчина?.. А если так, то кто это мог быть?.. Или причина была более зловещая?..

Мисс Марпл шла по тропинке, вглядываясь в заросли. Вдруг она услышала слабый возглас:

— Сюда, сюда, она здесь…

Голос раздался недалеко, за пределами гостиничного комплекса. Должно быть, подумала мисс Марпл, это у речушки, которая сбегала в море. И она заспешила туда.

Вышедших на поиски было не так много, как показалось ей вначале. Большая часть гостей крепко спала. Она увидела, что на берегу речки столпились люди. Кто-то пронесся туда, чуть не сбив ее с ног. Это был Тим Кендал. Двумя минутами позже она услышала его крик:

— Молли! Боже мой, Молли!

Через минуту мисс Марпл подошла к небольшой группе. Здесь находились Эвелин Хиллингдон, официант-кубинец и двое местных девушек. Давая дорогу Тиму, они расступились. Мисс Марпл подошла как раз, когда он склонился над водой.

— Молли… — он медленно опустился на колени, и мисс Марпл отчетливо увидела в реке тело девушки.

Лицо ее было под водой, и золотые волосы рассыпались по бледно-зеленой шали, покрывающей плечи.

Но стоило Тиму Кендалу протянуть руку, и здравый смысл вернулся к мисс Марпл.

— Не трогайте ее, мистер Кендал! — сказала она резко и властно.— Ее нельзя трогать.

Тим повернул к ней ошеломленное лицо.

— Но… я должен… это Молли… мне нужно…

Эвелин Хиллингдон тронула его за плечо.

— Она мертва, Тим… Я не трогала ее — просто проверила пульс…

— Мертва? — спросил Тим, словно не веря своим ушам. — Мертва? Вы хотите сказать, она сама утопилась?

— Боюсь, что так…

— Но зачем? — Безумный крик вырвался у него из груди. — Зачем? Сегодня утром она была такая счастливая! Говорила о том, что мы будем делать завтра… Почему на нее опять нашло это ужасное желание умереть? Зачем ей нужно было вот так броситься в ночь, прибежать сюда и утопиться? Откуда у нее взялось такое отчаяние?.. Почему она не могла сказать мне хоть что-нибудь?..

— Я не знаю, дорогой мой, — мягко проговорила Эвелин. — Я не знаю…

— Пусть лучше кто-нибудь сходит за доктором Грэмом, — попросила мисс Марпл, — а кто-то должен позвонить в полицию.

— В полицию? — У Тима вырвался горький смешок. — Они-то здесь причем?

— Нужно уведомить полицию о самоубийстве, — сказала мисс Марпл.

Тим медленно поднялся с колен.

— Я приведу Грэма, — с трудом проговорил он. — Может, он… даже сейчас… сделает… что-нибудь… — и, спотыкаясь, он побрел к отелю.

Эвелин Хиллингдон и мисс Марпл, стоя бок о бок, смотрели на мертвую девушку. Эвелин покачала головой.

— Слишком поздно. Она совсем холодная. Должно быть, она мертва уже, по меньшей мере, час, а то и больше. Боже мой, как это все ужасно! Эти двое всегда казались такими счастливыми… Наверное, она и в самом деле была душевнобольной.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — я не думаю, что она была психически неуравновешенной.

Эвелин взглянула на нее с любопытством.

— Простите, что вы имеете в виду?..

Луна, скрытая облаком, сейчас открылась и сияла, струя серебристый свет на разметавшиеся волосы Молли.

И вдруг мисс Марпл тихо ахнула. Склонившись над водой, она пригляделась, потом протянула руку и дотронулась до золотистых волос, затем повернулась к Эвелин и заговорила совершенно

другим тоном.

— Я думаю, — сказала она, — что нам лучше удостовериться.

Эвелин смотрела на нее во все глаза.

— Но вы же сами сказали Тиму, чтобы никто ничего не трогал!..

— Я знаю, но луны не было, и я не разглядела… — Она очень бережно коснулась белокурых волос и разделила их так, чтобы стали видны корни.

— Лаки! — чуть не вскрикнула Эвелин и спустя мгновение повторила: — Не Молли… Лаки…

Мисс Марпл кивнула.

— Волосы у них были одного цвета, но Лаки, конечно, красилась, поэтому корни у нее были темнее.

— Но почему она в Моллиной шали?

— Она была от нее в восторге. Я слышала, она говорила, что купит такую же. Вероятно, она так и сделала.

— Так вот почему мы… обманулись… — Встретившись глазами с мисс Марпл, Эвелин оборвала на полуслове.

— Кто-то должен сообщить ее мужу, — сказала та робко.

— Хорошо, я сделаю это, — проговорила после короткой паузы Эвелин.

Она повернулась и скрылась среди пальм. Какое-то мгновение мисс Марпл стояла неподвижно, потом чуть повернула голову и сказала:

— Ну, полковник Хиллингдон?

Из-за деревьев позади нее вышел Эдвард Хиллингдон и стал рядом.

— Вы знали, что я здесь?

— Вы отбрасывали тень, — ответила мисс Марпл.

Они постояли в молчании.

— Что же, в конце концов, она слишком заигралась с фортуной…

— Вы, я думаю, рады, что она мертва?

— А вас это шокирует? Не стану отрицать, я рад, что так кончилось.

— Смерть часто разрешает все проблемы, — произнесла мисс Марпл.

Эдвард Хиллингдон медленно обернулся, и она встретила его взгляд спокойно и твердо.

— Если вы думаете, — в его голосе возникла внезапная угроза, и он быстро шагнул к ней.

— В любой момент сюда вернется ваша жена с мистером Дайсоном, — сказала негромко мисс Марпл и прибавила: — Или появится мистер Кендал с доктором Грэмом.

Эдвард Хиллингдон обмяк. Он повернулся, что-

бы взглянуть на мертвую женщину.

Мисс Марпл тихонько скользнула прочь, и вскоре она ускорила шаги.

Перед тем как войти в бунгало, она остановилась. Именно здесь она в тот день сидела и разговаривала с майором Полгрейвом… Именно здесь он долго копался в бумажнике, выуживая оттуда снимок убийцы…

Она вспомнила, как он поднял глаза, и лицо его стало багровым. «Такой мерзкий, — сказала о нем сеньора де Каспеаро. — У него был дурной глаз…»

Дурной глаз… Дурной глаз… Глаз… Глаз…

Глава 24
Немезида

Никаких ночных бдений мистер Рейфил не слышал.

Он крепко спал у себя в кровати, и, когда его схватили за плечо и с силой потрясли, лишь слабое сопение вырвалось у него из ноздрей.

— Э… что за черт?

— Это я, — сказала мисс Марпл, на сей раз не заботясь о грамматике. — Но я могла бы назваться и более весомо. У греков, по-моему, было такое слово. Немезида, если я не ошибаюсь.

Мистер Рейфил, сколько мог, приподнялся на подушках и вытаращил на нее глаза. Мисс Марпл стояла в лунном свете. Голова ее была закутана в пушистый бледно-розовый шарф, и более нелепой античной богини трудно было себе представить.

— Так это вы, что ли, Немезида? — спросил мистер Рейфил после мгновенной паузы.

— Надеюсь ею стать… с вашей помощью.

— И среди ночи вы решили заявить мне об этом со всей откровенностью?

— Я думаю, мы сможем действовать быстро. Очень быстро. Я была бесподобной дурой, другой такой не сыскать. Я должна была знать с самого начала, что все это значит. Это же так просто…

— Что просто? О чем вы говорите?

— Вы все проспали, — сказала мисс Марпл. — Нашли еще один труп. Вначале мы подумали, что это Молли, но это оказалась Лаки, утопшая в реке.

— Лаки? — спросил мистер Рейфил. — И утопшая? А она сама топилась или кто-нибудь помог?

— Кто-то утопил ее, — ответила мисс Марпл.

— Понял. По крайней мере, думаю, что понял. Так вот что вы имели в виду, говоря, что это так просто? Грег Дайсон всегда был у нас на первом месте. Так оно и оказалось. Верно? Об этом-то вы и думаете и боитесь, что он может выйти сухим из воды?

Мисс Марпл перевела дыхание:

— Мистер Рейфил, верьте мне! Мы должны остановить убийство, которое вот-вот произойдет!

— Из того, что вы сказали, я понял: оно уже произошло.

— Это убийство совершено по ошибке, в любой момент может произойти следующее! Времени

терять нельзя. Мы должны предотвратить его, и потому нам нужно идти немедленно.

— Языком-то хорошо чесать, — сказал мистер Рейфил. — «Мы» — вы говорите? И что, вы думаете, я могу тут сделать? Я даже выйти-то не могу без чужой помощи. Ну и как мы с вами будем пресекать убийство? Вам около сотни, да и я тоже старая развалина.

— Я подумала о Джексоне, — сказала мисс Марпл. — Ведь он сделает всё, что вы ему прикажете?

— Конечно, сделает, — ответил мистер Рейфил, — особенно, если добавлю, что я ему заплачу. Вы этого хотите?

— Да. Отправьте его со мной, и пусть он делает всё, что я ему скажу.

Какое-то время мистер Рейфил ее разглядывал. Потом он проговорил:

— Сделано. Я понимаю, что рискую, как никогда. Ну, да ладно, не впервой, — и он позвал, повысив голос: — Джексон! — В то же время он нащупал электрический звонок, лежавший у него под рукой, и нажал кнопку.

Не прошло и тридцати секунд, как в дверях появился Джексон.

— Вы звонили, сэр? Что-нибудь случилось?..

— Он замолчал, с изумлением обнаружив мисс Марпл.

— Ну, а сейчас, Джексон, делайте то, что я вам скажу. Вы пойдете с этой леди, мисс Марпл, туда, куда она вас поведет, и в точности будете исполнять все, что она вам прикажет. Это понятно?

— Я…

— Вам понятно?

— Да, сэр.

— Работая на нее, — прибавил мистер Рейфил, — вы не останетесь в долгу. Ваше время будет оплачено.

— Благодарю вас, сэр.

— Вперед, мистер Джексон, — проговорила мисс Марпл, и, обернувшись через плечо, сказала мистеру Рейфилу: — Мы по дороге заглянем к миссис Уолтерс и отправим ее к вам. Пусть она вас поднимет и приведет.

— Куда она меня приведет?

— В бунгало Кендалов, — ответила мисс Марпл. — Я думаю, что Молли туда вернется.

От берега по тропинке поднималась Молли. Широко раскрытые глаза ее пристально смотрели вперед. Время от времени она коротко хныкала… Поднялась по ступенькам лоджии, немного помедлила, затем толчком открыла бал-

конную дверь и шагнула в спальню. Свет горел, но комната была пуста. Молли прошла и села на кровать. Несколько минут она сидела, нахмурясь, вновь и вновь проводя ладонью по лбу. Потом украдкой, глянув по сторонам, она сунула руку под матрац и вытащила спрятанную там книгу. Она склонилась над ней, листая страницы и явно что-то выискивая.

Когда снаружи раздался топот бегущих ног, она подняла голову и быстрым виноватым движением сунула книгу за спину.

Вошел запыхавшийся Тим Кендал и, увидев жену, облегченно и громко вздохнул.

— Слава богу! Где ты была, Молли? Я тебя везде искал.

— Я ходила к реке…

— Ты ходила… — он замолк.

— Да. Я ходила к реке. Но я не могла там ждать… Я не могла… Там кто-то был в воде, и она была мертвая…

— Ты хочешь сказать… А знаешь, я ведь подумал, что это ты, и только сейчас узнал, что это Лаки.

— Я не убивала ее. Правда, Тим, я ее не убивала… Я уверена, что нет… То есть, я бы помнила… если б я это сделала… Ведь помнила бы?

Тим медленно сел на край постели.

— Ты не… А ты уверена, что… Нет, нет, конечно, ты ее не убивала, — и он почти закричал: — Только не надо так думать, Молли! Лаки утопилась сама! Конечно же, она сама утопилась! Хиллингдон с ней покончил, и она бросилась в воду…

— Лаки не стала бы этого делать! Она бы ни за что так не сделала. Но я не убивала ее, клянусь, я ее не убивала!

— Милая моя, любимая, ну, конечно, ты не убивала ее! — Он попытался обнять ее, но она вырвалась.

— Я ненавижу это место! Оно все как бы солнечное! Словно все оно из солнца, а здесь большая черная тень, и я в ней… в тени… и я не могу выйти оттуда… — голос ее поднялся до крика.

— Тише, Молли, бога ради тише! — Он прошел в ванную и вернулся обратно со стаканом в руке.

— Послушай-ка, выпей вот это. Ты сразу успокоишься.

— Я… Я не могу… пить… у меня… зуб на зуб… не попадает…

— Ты сможешь, моя хорошая. Садись… Вот сюда, на кровать. — Он обнял ее и поднес к губам стакан. — Ну вот. А теперь, пожалуйста, выпей это…

Из-за окна раздался голос.

— Джексон! — громко сказала мисс Марпл. — Быстрей! Хватайте Кендала и держите крепко! Осторожно! Он сильный и очень отчаянный!

Джексон — человек тренированный и приученный повиноваться. Он очень любил деньги, и деньги были ему обещаны. Ко всему прочему, Джексон был необычайно развит физически и привык действовать, не задавая вопросов.

В мгновение ока он перемахнул через комнату. Перехватив Тима поперек корпуса и быстро вывернув ему запястье, Джексон завладел стаканом. Тим бешено рванулся, но массажист держал его крепко.

— Что за черт… Пустите меня! Пустите! Вы что, с ума сошли? Что вы делаете? — Тим отчаянно сопротивлялся.

— Держите его, Джексон! — сказала мисс Марпл.

— Что происходит? Что здесь творится? — В сопровождении Эстер Уолтерс в окне появился мистер Рейфил.

— Это вы меня спрашиваете, что здесь творится? — завопил Тим. — Ваш человек сошел с ума! Он совершенно сбрендил! Вот в чем дело! Прикажите ему меня отпустить.

— Нет! — крикнула мисс Марпл.

Мистер Рейфил повернулся к ней.

— Говори, Немезида! — сказал он. — Тут нужен гекзаметр!

— Я была бестолковой и глупой, — начала мисс Марпл, — но теперь я уже не такая дура. Когда содержимое этого стакана будет отдано на анализ, я заложу… да, я заложу свою бессмертную душу, но вы найдете в нем летальную дозу наркотика. Понимаете, это все то же самое, что и в истории майора. Жена в депрессивном состоянии пытается покончить с собой, муж ее спасает, зато второй раз ей это удается. Да, это сделано по одному образцу. Майор Полгрейв рассказал мне про этот случай, вынул снимок, потом куда-то посмотрел и увидел…

— Поверх вашего правого плеча… — попытался продолжить мистер Рейфил.

— Нет, — сказала, качая головой, мисс Марпл. — Он ничего не увидел за моим правым плечом.

— О чем вы говорите? Вы же сами сказали мне…

— Я ошибалась, я целиком ошибалась, я была глупа сверх всякой меры. Мне казалось, что майор пристально смотрел на что-то поверх моего правого плеча, но он не мог там ничего увидеть, потому что он смотрел левым глазом, а левый

глаз у него был стеклянный.

— Да, действительно, у него был стеклянный глаз, — произнес мистер Рейфил. — То ли я забыл про это, то ли считал само собой разумеющимся. И вы хотите сказать, что он ничего и видеть-то не мог?

— Ну, конечно, он мог видеть, — ответила мисс Марпл, — но только одним глазом, и глаз, которым он мог видеть, — был его правый глаз. А поэтому, как вы понимаете, он должен был увидеть кого-то или что-то не справа от меня, а слева.

— А кто-нибудь был слева от вас?

— Да, — ответила мисс Марпл. — Неподалеку вместе с женой сидел Тим Кендал. Они сидели за столом под большим кустом гибискуса и разбирали счета. Итак, понимаете, майор оторвал глаза от снимка, его стеклянный левый глаз уперся во что-то за моим правым плечом, но то, что он увидел другим своим глазом, так это человека, сидящего под большим кустом гибискуса, с тем же самым лицом, только постарше, что и лицо на снимке, и тоже рядом с гибискусом. Тим Кендал слышал все, что рассказывал майор, и понял: тот его опознал. Поэтому он, конечно, и убил майора. Позднее он убил эту девочку, Викторию, потому

что она видела, как он подкладывал пузырек с таблетками к майору в комнату. Вначале она ничего про это не подумала — ведь для Тима Кендала было вполне естественным зайти в бунгало постояльца по какому-нибудь делу. Возможно, он хотел вернуть что-нибудь забытое в ресторане на столике. Но, поразмыслив, она стала у него о чем-то спрашивать, и он ее устранил. Однако истинное убийство, которое замышлялось все это время, — вот оно! Видите ли, он женоубийца.

— Что за чертовы бредни, что… — заорал Тим Кендал, как вдруг раздался крик, исступленный и яростный.

Эстер Уолтерс рванулась от мистера Рейфила, едва не сбив его с ног, и бросилась через комнату. Она вцепилась в Джексона, но тщетно.

— Отпусти его, отпусти! Это неправда! Тут нет ни слова правды! Тим, Тим, любовь моя, это же неправда! Я ведь знаю, что ты и мухи не обидел! Ты не смог бы никого убить, я знаю. Это все ужасная девка, на которой ты женился! Это она врала про тебя! Пусть они не верят, пусть! Никто из них! Я тебе верю! Я люблю тебя, Тим! Я ни словечку не поверю, кто бы что ни говорил… Я…

И тогда у Тима Кендала сдали нервы.

— Ради бога, ты, чертова сука! — заорал он. — За-

ткнись, слышишь! Хочешь, чтоб меня вздернули? Заткнись, говорю тебе! Заткни свой большой поганый рот!

— Бедное глупое создание, — с нежностью молвил мистер Рейфил. — Так вот, оказывается, что тут такое.

Глава 25
Мисс Марпл использует свое воображение

— Так вот оно, что там было, а? — спросил мистер Рейфил.

Они сидели вдвоем с мисс Марпл, беседуя по душам.

— Значит, у нее был роман с Тимом, да?

— Едва ли это можно назвать романом, — натянуто сказала мисс Марпл. — Скорее, это была романтическая привязанность с расчетом на будущий марьяж.

— То есть… после того, как его жена окочурится?

— Не думаю, чтобы бедняжка Эстер знала, что Молли суждено умереть, — ответила мисс Марпл. — По-видимому, она попросту поверила в то, что ей рассказывал Тим — Молли любит другого, и тот человек приехал за ней сюда… Наверное, Эстер рассчитывала на развод Тима с Молли. Думаю, все было обставлено самым пристойным образом. Однако она очень его любила.

— Ну, это легко понять: он — красивый малый.

Вот он-то что в ней нашел, вы это тоже знаете?

— По-моему, вам это лучше знать, — ответила мисс Марпл.

— Осмелюсь сказать, у меня есть одна замечательная идея, но я понять не могу, как вы об этом узнали, и, если уж пойти дальше, как об этом пронюхал Тим Кендал.

— Ну, мне кажется, что я и в самом деле могла бы объяснить вам это при некотором воображении, хотя было бы проще, если бы вы сами сказали.

— И не подумаю, — заявил мистер Рейфил. — Раз вы такая умная, вы и рассказывайте.

— Ну, мне кажется это возможным, — сказала мисс Марпл. — Как я вам уже намекала, ваш Джексон имел привычку время от времени совать свой нос в ваши бумаги.

— Я думаю, так оно и было, — согласился мистер Рейфил, — но я бы не сказал, что это могло пойти ему во благо. Уж об этом-то я позаботился.

— Я думаю, — сказала мисс Марпл, — он читал ваше завещание.

— О, я понимаю… Да, да, у меня с собой была копия.

— Вы сказали мне, — продолжала мисс Марпл, — вы сказали мне (как говорят заводные куклы —

очень громко и ясно), что вы ничего не оставили по завещанию Эстер Уолтерс и что вы вдолбили это и ей, и Джексону. Полагаю, что в случае с Джексоном это была чистая правда: ему вы не оставили ни гроша. Но вот что касается Эстер Уолтерс, то ей вы оставили деньги, хотя об этом никому и словом не обмолвились. Это верно?

— Да, абсолютно верно, но я представить себе не могу, как вы догадались.

— Ну, вы просто слишком настаивали на этом, — объяснила мисс Марпл. — А у меня есть некоторый опыт в том, как люди умеют рассказывать небылицы.

— Сдаюсь, — ответил мистер Рейфил. — Все верно. Я оставил Эстер пятьдесят тысяч фунтов, решив, что для нее это будет приятным сюрпризом после моей смерти. Полагаю, что, зная это, Тим Кендал решил угробить свою жену и жениться на пятидесяти тысячах и Эстер Уолтерс. Возможно, при удобном случае он бы и от нее отделался. Но как он узнал, что она получит со временем пятьдесят тысяч?

— Конечно, Джексон проговорился, — сказала мисс Марпл. — Они ведь очень сдружились, Тим Кендал хорошо отнесся к Джексону и, надо думать, без всякой задней мысли. Но среди всей

болтовни Джексон и дал промашку. Я думаю, Джексон рассказал ему, что, сама того не ведая, Эстер Уолтерс получит в наследство кругленькую сумму, и он мог еще добавить, что надеется склонить ее к женитьбе, хотя до сих пор успеха у нее не добился. Да, я думаю, так оно и было.

— Когда вы строите предположения, все выглядит совершенно правдоподобно, — сказал мистер Рейфил.

— Но я была глупа, — продолжала мисс Марпл, — очень глупа. Вы видите, все очень просто сходилось. Тим Кендал оказался очень умным человеком, насколько это возможно для такого злодея. Особенно хорош он был, распуская всяческие слухи. Я думаю, добрая половина того, о чем мы здесь сплетничали, исходила именно от него. Эта история вокруг Молли, которая, якобы, собиралась замуж за недостойного человека… И вполне уверена, что этим недостойным молодым человек был сам Тим Кендал, только тогда он жил под другим именем. Ее семья, возможно, что-то прослышала о нем или его происхождение показалось сомнительным, поэтому он с преувеличенным негодованием наотрез отказался идти туда с Молли и, как говорится, пускать пыль в глаза. Затем он затеял с ней вместе небольшой

розыгрыш, и оба они, я думаю, очень повеселились. Она притворилась глубоко страдающей без него, и тогда возник Тим Кендал, заранее вызубрив имена разных старинных знакомых Моллиного семейства, и семья приняла его с распростертыми объятиями, как некоего молодого человека, который, возможно, выбьет из головы у дочери возлюбленного ею «преступника». Боюсь, что и он, и Молли долго потешались над этим. Как бы то ни было, он на ней женился, на ее деньги купил эту гостиницу, и вместе с Молли они прибыли сюда. Я думаю, он прекрасно распорядился ее деньгами. Потом он встретил Эстер Уолтерс и понял, что в перспективе денег может быть еще больше.

— А почему он меня не пришиб? — спросил мистер Рейфил.

Мисс Марпл тихо кашлянула:

— Я полагаю, что для начала он хотел быть уверен в Эстер Уолтерс. Кроме того… Я имела в виду, что… — несколько смутившись, она замолкла.

— Кроме того, он прекрасно понимал, что долго ждать не придется, — спокойно сказал мистер Рейфил, — и будет лучше, если я окочурюсь сам. Смерь миллионера вызвала бы скрупулезное расследование, не то что какие-то там жены,

разве нет?

— Да, вы совершенно правы, — ответила мисс Марпл. — Он такое тут вытворял! Вы посмотрите, как он заставил Молли поверить, что она душевнобольная, — сначала давал ей всякие наркотики, чтобы у нее начались кошмары и галлюцинации, а потом подбросил ей книгу о психических заболеваниях! А знаете, ваш Джексон оказался насчет этого довольно сообразителен. По-моему, он опознал состояние Молли как результат наркотического воздействия. Ведь он проник в бунгало Кендалов, когда я сидела там при Молли, и зачем-то полез к ним в ванную, где я его и застала. У него в руках был крем для лица. Возможно, он вспомнил про ведьм, натирающих себя мазями с белладонной, и решил, что белладонна в креме могла привести к тем же результатам. У Молли были провалы в памяти, временами она не соображала, где она и что с ней; должно быть, ей казалось, что она летает, и не мудрено, что она стала бояться самой себя. У нее появились все признаки душевного расстройства, так что Джексон был на верном пути. Может быть, его вдохновили рассказы майора Полгрейва про индийских женщин, которые пользовали своих мужей дурманом…

— Да уж, этот майор Полгрейв воистину силен! — воскликнул мистер Рейфил.

— Он сам предопределил свое убийство, — сказала мисс Марпл, — и убийство этой бедняжки Виктории, и чуть не ускорил убийство Молли, но он точно опознал убийцу.

— Что вдруг заставило вас вспомнить про его стеклянный глаз? — полюбопытствовал мистер Рейфил.

— Кое-что из разговоров с сеньорой де Каспеаро. Она несла какую-то чушь про то, какой он был с виду поганый и мерзкий, и что у него был дурной глаз. Я сказала ей, что глаз у него был просто стеклянный, и он, бедный, ничего уже не мог с этим поделать, а она сказала, что глаза у него смотрели в разные стороны, что они были косые — конечно, так оно и было, и потом она добавила, что косоглазые приносят несчастье. Я ведь знала, знала, что в тот день я услышала нечто, имеющее большое значение, и прошлой ночью, сразу после того, как обнаружили Лаки, меня озарило! Вот тогда я и поняла, что нельзя терять ни минуты.

— Ну, а как это Тим Кендал укокошил другую даму?

— По чистой случайности. Я думаю, план у него был такой: убедить всех, включая и Молли, что

она психически больна и после достаточной дозы того, чем он ее опаивал, он, видно, сказал ей, что они должны распутать это загадочное убийство Виктории: после того, как все уснут, им нужно выйти порознь и встретиться в назначенном месте у реки. Он, вероятно, намекнул, что догадался, кто убийца, и убедил, что надо устроить ловушку, и Молли покорно пошла. Но она была под воздействием выпитого и мало что понимала, поэтому она и задержалась. Тим прибыл туда первым и увидел ту, кого он принял за Молли: золотистые волосы, бледно-зеленая шаль. Он догнал ее сзади, зажал рукой рот, бросил в воду и там держал, пока она не захлебнулась.

— Милый мальчик! Но не проще ли было отравить ее наркотиком?

— Конечно, намного проще, но это могло бы вызвать подозрения. Вспомните, что все сильнодействующие снотворные были от Молли спрятаны, и если бы у нее оказался новый запас, то кто, кроме мужа, мог бы его оставить? Но, когда, обуреваемая отчаянием, она пошла и утопилась, покуда ее муж спал сном праведника, это выглядело бы в духе романтической трагедии. Никому бы и в голову не пришло, что она была утоплена. Кроме того, — добавила мисс Марпл

— убийцам с трудом даются простые решения — они не могут удержаться от хитроумия.

— Кажется, вы уверены, что знаете про убийц абсолютно все! Значит, вы думаете, Тим не знал, что убил не ту?

Мисс Марпл покачала головой.

— Он даже не взглянул ей в лицо, постаравшись сделать все как можно быстрее. Потом, выждав около часу, начал поиски, разыгрывая обезумевшего мужа.

— Но кой черт дернул Лаки тащиться среди ночи к реке?

Мисс Марпл смущенно прокашлялась.

— Я думаю, возможно, она… э… кого-нибудь поджидала.

— Эдварда Хиллингдона?

— О, нет, — сказала мисс Марпл, — там все кончено. Просто я подумала… что может быть… она ждала… Джексона.

— Джексона?

— Ну, я заметила… как она… несколько раз смотрела на него, — потупив глаза, прошептала мисс Марпл.

Мистер Рейфил присвистнул.

— Мой зараза Джексон! Ему палец в рот не клади! А Тима, небось, чуть кондрашка не хва-

тила, когда он обнаружил, что «замочил» совсем не ту?

— Да, да. Он, должно быть, совсем обезумел. Здесь бродила живая Молли, а слухи о ее психическом расстройстве, которые он столь усиленно распространял, не продержались бы и мгновения — попади она в руки опытному специалисту. К тому же она бы сразу рассказала, что он просил ее встретиться с ним у речки — и где оказался бы тогда Тим Кендал? Ему оставалось только покончить с ней как можно быстрее, и у него теперь была прекрасная возможность: все поверили бы, что Молли в припадке безумия утопила миссис Дайсон, а потом в ужасе от содеянного лишила жизни и себя.

— И тогда-то, — привстал мистер Рейфил, — вы и решили стать Немезидой, а? — Внезапно он откинулся назад и расхохотался во все горло. — Это чертовски хорошая шутка, — проговорил он. — Если бы вы только знали, на кого вы были похожи той ночью, когда, стоя здесь в этом вашем розовом шарфе, заявили во всеуслышание, что вы Немезида! Сроду не забуду!

Эпилог

Мисс Марпл дожидалась в аэропорту своего рейса. Проводить ее пришло довольно много народу. Хиллингдоны к тому времени отбыли. Грегори Дайсон приземлился еще на одном из островов, и разнесся слух, что он предан душой и телом какой-то аргентинской вдовице. Сеньора де Каспеаро вернулась в Южную Америку.

Молли тоже пришла проводить мисс Марпл. Она была исхудалой и бледной, но потрясение от случившегося перенесла мужественно и вместе с одним из ставленников мистера Рейфила, связанного с Англией, продолжала заниматься гостиницей.

— Делайте хорошо свое дело, — сказал ей мистер Рейфил, — и ни о чем не думайте. Здесь у вас прибыльное место.

— А вы не думаете, что эти убийства...

— Публика обожает убийства, когда они до конца не раскрыты, — заверил ее мистер Рейфил. — Продолжай свое дело, девочка, и не засуши сердца. Встретив одного подонка, не подозревай в этом всех мужчин.

— Вы говорите, как мисс Марпл, — сказала Молли. — Она все время говорит мне, что однажды придет мой настоящий суженый.

На эти сентименты мистер Рейфил только усмехнулся.

Таким образом, там были Молли, Прескотты, конечно же, мистер Рейфил и Эстер — и эта Эстер, с которой мистер Рейфил частенько бывал непредвиденно добр, была печальнее и старше той, другой Эстер. Джексон торчал чуть не на самом видном месте, прикидываясь, что присматривает за багажом мисс Марпл. В эти дни он весь лучился, и было ясно, что он при деньгах.

В небе раздался гул, и самолет приземлился. В аэропорту царила какая-то непринужденность. Здесь не объявляли: «Пройдите на рейс № 8 или рейс № 9». Вам нужно было просто выйти из небольшого, утопающего в цветах павильона к взлетной полосе.

— До свидания, милая мисс Марпл, — поцеловала ее Молли.

— До свидания, и постарайтесь навестить нас как-нибудь, — горячо пожала ей руку мисс Прескотт.

— Для меня величайшим удовольствием было знакомство с вами, — сказал каноник, — и я с

жаром поддерживаю приглашение моей сестры.

— Всего наилучшего, мадам, — произнес Джексон, — и помните, в любое время, когда вам понадобится бесплатный массаж, черкните мне пару строк, и мы устроим встречу.

Лишь Эстер Уолтерс немного отвернулась в сторону во время прощания. Мисс Марпл не стала принуждать ее.

Последним прощался мистер Рейфил, и взяв ее за руку, высокопарно сказал:

— Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!

— Боюсь, — ответила мисс Марпл, — что я не очень сильна в латыни.

— Но это, я думаю, вы понимаете?

— Да, — и больше она не произнесла ни слова. Она слишком хорошо понимала, что он ей сказал.

— Для меня огромным удовольствием было познакомиться с вами, — проговорила мисс Марпл.

Она пересекла бетонированную площадку и скрылась в самолете.